

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- П.Я. Циткилов** — Историко-социологический облик российской патриархальной семьи 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Т.В. Алентьева** — Амос Кендалл 13

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.Ю. Давыдов** — «Союз труда и искусства» — опыт конструирования социальной гармонии в позднем СССР 29

СООБЩЕНИЯ

- Д.Н. Конышев** — Время «оттепели» 1953—1964 гг. как эпоха дворцовых переворотов 40

- Н.В. Греков** — Организация агентурной разведки спецгрупп НКВД-НКГБ в тылу противника. 1941—1944 гг. ... 54

- П.П. Литвинов** — Учреждение царской «охранки» в Русском Туркестане 74

- Ю.В. Куликова** — Бунт наместников на Дунае в середине III в. 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.С. Дербенёв** — Становление внешней политики США в Аравийском регионе 105

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- В.И. Бакулин** — Историческая концепция Б.Н. Миронова как предмет научной дискуссии 126
- В.С. Прядеин** — О некоторых дискуссионных методологических (наукovedческих) вопросах исторических исследований 138

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.Г. Егоров** — Проведение денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. в городах Кировской области 146
- Б.Г. Алиев, А.О. Муртазаев** — А.М. Буцковский о Засулакской Кумыкии 152
- Н.В. Пислегин** — Кумышка в политике Российского государства в отношении удмуртов в конце XVIII — начале XX в. 159

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Е.А. Крестьянников** — Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография 170
- Т.В. Зверева** — Е.А. Осипов. Франция и развитие процесса разрядки (1965—1975 гг.) 173

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Историко-социологический облик российской патриархальной семьи

П.Я. Циткилов

Аннотация. В публикации дан научный анализ процессу формирования и развития российской классической патриархальной семьи, окончательное оформление и ведущее положение которой определилось в XVI—XVII веках. В работе сформулированы и аргументированы важнейшие признаки данной модели семьи. С привлечением архивных материалов в статье показан публичный характер жизни многих российских патриархальных семей. Сделан вывод об актуализации в современных условиях проблемы исторического осмысления различных моделей семейной эволюции, включая патриархальную модель.

Ключевые слова: церковное регулирование норм семейной жизни, кризисные тенденции в развитии патриархальной семьи, семейная трансформация.

Abstract. The work gives a scientific analysis of the process of formation and development of Russian classical Patriarchal family, final clearance and driving position of which determined the XVI-XVII centuries. The paper deals with ar-komentiroval the most important features of this model family. With the involvement of archival materials the article shows pub personal lives of many Russian Patriarchal families. The conclusion is made about the actualization in modern conditions the problems of historical understanding the various models of family evolution, including its Patriarchal model.

Key words: regulation of the ecclesiastical norms of family life, crisis tendencies in the development of the Patriarchal family, home transformation.

Патриархальная семья своими историческими корнями уходит в эпоху Древней Руси. В те далекие времена она не была определяющей формой семейно-брачных отношений, существуя наряду с семейно-общинной задружного типа.

В период Московского царства наблюдались процессы централизации, нарастало духовное сплочение народов средневековой Руси. Потребность в сильном государстве и твердой власти диктовала необходимость господства более компактной, мобильной формы семей-

Циткилов Пётр Яковлевич — доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета, зав. кафедрой Донского государственного аграрного университета. Ростов-на-Дону. E-mail: petrcitkilov@yandex.ru.

Citkilov Petr Y. — doctor of historical sciences, professor of the South Federal University, head of the chair of the Don State Agrarian University. Rostov-on-Don. E-mail: petrcitkilov@yandex.ru.

но-брачных отношений. В результате к XV в. усилились позиции патриархальной семьи. По справедливому мнению исследовательницы А.В. Носковой, ее окончательное оформление и ведущее положение определилось примерно в XVI—XVII веках ¹.

Классическая патриархальная семья была основным типом семьи в многовековой истории российского государства. Ее первейшей особенностью являлась безграничная власть мужчины над своей женой. Это право было оформлено в эпоху Ивана Грозного в известном религиозно-этическом трактате «Домострой», который являлся сборником поучений, наказов и советов. В нем было прописано, что мужьям следует «воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением: жены мужей своих вопрошают о всяком порядке, о том, как душу спасти. Богу и мужу угодить и дом свой подобру устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению и согласно тому, что здесь писано» ².

Наказание же мужа в отношении жены тогда включало в себя физическое воздействие с помощью плети. Выдающийся российский историк второй половины XIX в. Н.И. Костомаров писал в этой связи, что «Домострой» человеколюбиво советует не бить жену кулаком по лицу, по глазам, не бить ее вообще железным или деревянным орудием, чтобы не изувечить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; он находит, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово ³.

Домостроевские принципы регулирования семейно-брачных отношений оставались незыблемыми веками. В церковном Уставе благочиния 1782 г. главенство мужчины в семье рассматривалось как необходимая норма супружеского благополучия. В нем отмечалось, что жена должна с любовью и почтением относиться к мужу, «пребывать в послушании» к нему. Эти религиозные требования вошли в X том Свода законов Российской империи, действовавшего в XIX — начале XX века. Более того, главенствующая роль мужчины в семье в данном нормативном акте была усилена. Здесь было записано, что жена должна не просто быть в послушании к мужу, а «пребывать в неограниченном послушании» к нему. «Жена, — указывалось в Своде законов Российской империи, — обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства: пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» ⁴.

По законодательству Российской империи жена была обязана всюду следовать за мужем. К этому при необходимости ее даже мог принудить суд. Без разрешения мужа жена не могла получить паспорт. Соизволение супруга нужно было и для посещения учебных заведений. А в более раннюю эпоху без разрешения мужа супруга не могла пойти даже в церковь.

Во время венчания священнослужители давали молодой жене наставление о ее безусловной покорности мужу. Многие женщины верили, что терпеть мужьи побои за провинности — их бабья доля. Более того, некоторые из них считали такое наказание признаком любви. Поэтому довольно распространенным было словосочетание «иметь от мужа знаки любви».

Признавая наличие практики деспотизма в российских патриархальных семьях, не следует ее абсолютизировать. Во-первых, такое

явление носило массовый характер лишь в отдельные исторические периоды и в некоторых социальных слоях. Во-вторых, если бы побои и деспотизм в семьях были повсеместными, то в народном творчестве не появились бы поговорки о недопущении своеволия жен. В-третьих, с середины XIX в. физическое насилие со стороны мужа перестало пользоваться поддержкой в правовом отношении. Так, в 1845 г., с изданием в России нового Уложения о наказаниях, муж потерял юридическое право наказывать свою жену, а за нанесение побоев мог быть привлечен к уголовной ответственности ⁵.

Наконец, следует отметить, что в условиях патриархальной семьи российское законодательство не только предоставляло мужу особые права по отношению к жене, но и возлагало на него определенные обязанности, которые были далеки от деспотизма. В частности, в соответствии с положениями Свода законов Российской империи мужчина обязывался жить с супругой в согласии, уважать, защищать и содержать ее. Кроме того, он должен был заботиться о супруге в случае ее болезни, инвалидности и других бед.

Интересная с позиции сегодняшнего дня обязанность мужа, закрепленная законодательно, требовала от него прощать жене ее недостатки. Муж также обязывался «любить свою жену, как собственное тело» ⁶. Это нормативное положение перекликается с библейским суждением, содержащимся в Послании к Ефессянам (5:28-33). Там говорится, что мужья должны любить своих жен как свои тела ⁷.

Конечно же, реальная повседневная жизнь супругов в российской патриархальной семье отличалась вариативностью. Но все же преобладали вовсе не деспотизм и безнадежность. Известный современный специалист по проблемам истории российской семьи Н.Л. Пушкарёва справедливо писала, что грубый и откровенный произвол во внутрисемейных отношениях был не нормой, а исключением. «В “мире чувств” и крестьянок, и дворянок XVIII — начала XIX в., — продолжала она, — преобладали не злоба и ненависть, а мир и лад» ⁸. Эти суждения характерны и в целом для патриархальной стадии эволюции российской семьи, включая период начала XX века.

Следующим признаком российской патриархальной семьи было равенство имущественных прав супругов. Женщина могла единолично владеть собственностью и распоряжаться определенным имуществом.

Еще в период Московского царства оба супруга обладали имуществом, принадлежащим каждому из них отдельно. К владениям мужа обычно относились родовые вотчины и его жалованные поместья. Имуществом, принадлежащим исключительно жене, было приданое в виде украшений, денег, одежды и др., а также недвижимое имущество в виде земельных владений.

Во второй половине XVI в. регламентация состава приданого определяла, что в него запрещалось передавать более половины вотчинных земель. Поместья тогда из приданого исключались. Однако с 20-х гг. XVII в. распространилась практика вступления в брак дочерей служилых людей, получивших в приданое прожиточное поместье ⁹.

К началу XVIII в. в российском законодательстве утвердился принцип раздельного имущества супругов. Указ о единонаследии 1714 г. устанавливал различия в правах наследования детьми отцовских и материнских имений. Указом 1716 г., который по своей сути допол-

нял первый указ, закреплялся неприкосновенный характер имущества жены, полученного ею как приданое. Это предписание подтверждалось указом 1731 г., в котором было и уточняющее положение, означавшее, что жена может самовольно, в полной мере распоряжаться своим имуществом после смерти мужа.

Прочность имущественно-правового статуса супруги в семье закреплялась Сводом законов Российской империи, принятым в XIX веке. Заключение брака тогда не влекло за собой установления общности супружеского имущества. Каждый из супругов мог иметь и приобретать свою собственность. Он также был в праве это имущество продавать, закладывать, даже не ставя в известность вторую половину. Более того, супруги могли заключать имущественные сделки (продавать или дарить свои имения) и между собой.

О суверенных имущественных правах женщин в условиях патриархальной семьи свидетельствует статистика принадлежности недвижимости в различных регионах Российской империи. Например, в сибирских городах значительная ее часть принадлежала женщинам. В Тобольске в 1848 г. они распоряжались почти 40% недвижимого имущества (757 из 1916 единиц недвижимости)¹⁰. Если среди купеческого и мещанского сословий города в имущественном отношении преобладали мужчины, то среди дворянского имущественное первенство было за слабым полом (117 из 213)¹¹.

Применительно к крестьянским семьям России, многие из которых не имели недвижимости, имущественно-правовой статус супруги выражался в ее праве распоряжаться как своим приданым, так и общесемейными деньгами. Зачастую в патриархальных семьях складывалась ситуация, когда, образно говоря, мужчину почитали, но слова не давали. Не случайно некоторые западные исследователи подчеркивали, что в России патриархат скрывал матриархальность¹². Внешне власть в семье принадлежала мужу, а в центре семейного мира всегда стояла жена. Именно она была хранительницей домашнего очага, главным воспитателем детей, наконец, рачительной распорядительницей семейного бюджета.

Важным признаком российской патриархальной семьи была абсолютная власть родителей над детьми. Их взаимоотношения регулировались как церковными нормами, так и гражданским законодательством. В эпоху Московской Руси власть родителей над своими детьми носила порой деспотический характер. На страже такого положения дел стояло государство, осуждавшее даже попытку детей обращаться за помощью в ограничении родительского произвола. По Судебнику 1550 г. дети за всякую (включая обоснованную) жалобу на родителей наказывались «кнутом нещадно».

Родительский деспотизм в отдельных случаях доходил до детоубийства. Только по Соборному Уложению 1649 г. за это деяние вводилось уголовное наказание. Причем, за убийство законных детей тюремное заключение назначалось лишь на один год и еще от преступника требовалось церковное покаяние.

По российскому законодательству XIX в. дети должны были оказывать своим родителям «чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им, в самом деле, отзываться об них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпели-

во, без ропота». Как сообщалось в комментариях к этим нормам известного российского правоведа второй половины XIX в. Я.А. Канторовича, на страже их соблюдения стояли государственные институты, включая полицию¹³.

Для воздействия на особо строптивых детей родители могли, в соответствии с законом, заключить их в тюрьму без судебного разбирательства на срок от двух до четырех месяцев. Однако после введения в 1864 г. судебных уставов судебные учреждения обязывались давать жалобам родителей «дальнейший ход на законных основаниях», то есть рассматривать в судебном порядке. Это означало, что теперь без судебного разбирательства родители не могли отправить за решетку своих непослушных и неуважительных детей. В результате количество подобных родительских исков стало уменьшаться.

Абсолютная власть родителей над детьми не освобождала первых от обязанностей перед сыновьями и дочерьми. Родители по закону должны были предоставлять своим несовершеннолетним детям пропитание, одежду, кров, а также осуществлять их воспитание, особенно нравственные. Это была совместная обязанность супругов.

В российских патриархальных семьях дети с раннего возраста помогали родителям по хозяйству. Кроме трудового воспитания они часто получали в семьях начальное образование. Распространенной практикой было овладение детьми отцовским занятием. Примерно с 16 лет они в полной мере включались в дела, например, семейного крестьянского хозяйства или семейного ремесла.

Следовательно, неправомерно односторонне рассматривать абсолютную власть родителей над детьми. Важно видеть и обратную ее сторону, связанную с родительскими обязанностями, а также учитывать то обязательство, что родительские злоупотребления и жестокость были в основном адекватны той или иной эпохе, а также общественным настроениям. Они не носили массовый характер, особенно применительно к XIX — началу XX века.

Отличительным признаком патриархальной семьи была особая роль церкви в регулировании норм ее жизнедеятельности при сочетании позиций церковного и государственного права. Церковь придавала законность брачным отношениям. Венчание стало обязательной формой при создании семейного союза, начиная с периода Древней Руси. Хотя на отдельных территориях, например, на казачьем Дону в эпоху Московской Руси действовали несколько иные обряды создания семьи и расторжения брака. Тогда для таких решений было достаточно соответствующего публичного заявления на станичном сходе и одобрения его казачьим кругом. Согласие круга на брак по сути дела и являлось его легитимизацией. Схожей была процедура развода. В период правления Петра I оформление браков и разводов на казачьем круге было запрещено. Теперь они принимали законность лишь после церковного обряда.

Норма церковного оформления брака была закреплена в законах страны. Так, в Своде законов Российской империи было записано, что брак между частными лицами совершается в церкви, в личном их присутствии. Для этого определялся конкретный день и время. По закону требовалось наличие двух-трех свидетелей. Церковное оформление семьи включало в себя и обручение лиц, сочетающихся в браке¹⁴.

Церковь, будучи в Российской империи духовным стержнем общественной системы, проявляла заботу о семье, ее нравственных основах. Религиозными канонами всячески поощрялась многодетность, которая в условиях господства патриархальных основ жизнедеятельности и преобладания крестьянских семей была нормой. Как известно, многодетность являлась важным фактором успешности и экономической прочности хозяйства, что нашло свое отражение в народном творчестве. Примером здесь могут служить поговорки. Одна из них гласила: «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын!»

В церковном веденье находилась и процедура расторжение брака. До середины XVIII в. она была относительно проста. В данном случае супруг (супруги) обращались к приходскому священнику с прошением о разводе. Он разбирался в обстоятельствах дела, пытаясь их примирить. Если этого не удавалось сделать, то священником принималось решение о расторжении брака и каждому из супругов выдавалось разводное письмо. Со второй половины XVIII — начала XIX в. процедура развода была значительно усложнена. С 1805 г. бракоразводные дела со всех концов Российской империи сосредотачивались в Священном Синоде. Каждый бракоразводный процесс включал в себя несколько обязательных элементов. Традиционной была следующая схема: подача прошения от имени одного из супругов, предоставление необходимых документов (метрических выписей, писем приходского священника о его попытках «возвратить супругов на путь истинный» и т.д.), официальная клятва на Библии, слушание дела в суде, подтверждение решения от Святейшего Синода, возможность подачи апелляции при отказе в прошении о разводе¹⁵.

Церковь не просто осуждала развод, но и считала его тяжчайшим грехом, посягательством на православные основы брака и авторитет самой церкви. Поэтому развод в патриархальных семьях был довольно редким явлением. В 1897 г. на 1000 существовавших супружеских пар приходилось 0,06 развода, в 1913 г. — 0,15 развода¹⁶. Эту статистику можно сопоставить с современной. В нашей стране данный показатель в 2002—2003 гг. составлял 24,1, в 2010—2011 гг. — 19,1¹⁷.

Отношение церкви к разводу как к тяжкому греху способствовало закреплению в общественном сознании его крайне негативного восприятия. Конечно, это усиливало устойчивость семьи как социального института. Но такая, по сути своей бескомпромиссная позиция, порождала некоторые издержки нравственно-этического плана. Ведь между супругами могло просто не сложиться нормальных отношений, не появиться взаимопонимания, а скандалы и жестокость становились их печальными спутниками. Все это негативно сказывалось на детях.

Каков же был выход для супругов из вышеописанной ситуации в условиях, когда развод был почти невозможен? Большая их часть вынужденно мирилась с такой нелегкой семейной судьбой. Другие, те, кто был побогаче, могли позволить себе «уйти в свой мир» и даже проживать раздельно, находясь при этом в браке. В житейский обиход второй половины XIX — начала XX в. вошло словосочетание «жена, проживающая отдельно от мужа» или наоборот. Так, периодическое печатное издание «Русское слово» в январе 1908 г., сообщая об одной из любовных драм, произошедших в Санкт-Петербурге, отмечало,

что ее участницей была дама 40 лет — жена дворянина З.А. Хоменко, проживавшая отдельно от мужа ¹⁸.

Сочетание положений церковного и государственного права по вопросам семьи, широко практиковавшееся в XVIII — начале XX в., можно объяснить тем обстоятельством, что со времен петровских преобразований церковь во многом лишилась своей прежней независимости от царской власти. По сути своей она стала частью системы государственного управления. В такой ситуации вполне естественно, что церковное право дополняло отдельные государственные нормативные акты, касавшиеся вопросов семейно-брачных отношений. С другой стороны, государственный статус управленческих структур церкви позволил ей в XIX — начале XX в. усилить свое влияние на общество, включая сферу жизнедеятельности семьи.

Еще одним признаком российской патриархальной семьи был публичный характер ее жизни. Определенный социальный контроль в отношении семьи, активное воздействие на нее оказывали не только государство, церковь, но и институт родства, община, сословные корпорации, органы местного (городского) общественного управления и др. Публичный характер внутрисемейных отношений, прежде всего, проявлялся в тесном взаимодействии с родственниками и крестными. Семьи тогда были преимущественно многодетными, а, следовательно, при необходимости можно было рассчитывать на поддержку родни. Кроме того, зачастую помогали и крестные родители, а также их дети.

Сельская община (крестьянская, казачья) в течение многих веков в определенной мере регулировала семейно-брачные отношения, а также осуществляла различные попечительские меры. Сельский староста в XIX в. оставался зачастую распорядителем и в вопросах супружеского выбора. Эта особенность, являвшаяся пережитком задружных основ семьи, была подмечена А.С. Пушкиным в одном из произведений. «Спрашивали однажды у старой крестьянки, — писал Александр Сергеевич, — по страсти ли она вышла замуж? “По страсти, — отвечала старуха, — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь”. Таковы страсти обыкновенны» ¹⁹.

Крестьянский мир и казачий станичный сход (круг) ведали вопросами социальной поддержки, помощи односельчан и станичников. Система общинного попечительства включала в себя меры покровительства вдовам, престарелым, немощным, сиротам. Община учреждала опеку над малолетними детьми, отцы которых находились на военной службе, а матери по какой-либо причине не могли вести хозяйство. Опека устанавливалась общиной и над детьми, родители которых вели аморальный образ жизни или были высланы по суду в Сибирь.

Казачья община не только назначала опекунов, но и контролировала их действия. Она отвечала круговой порукой за сохранность имущества опекаемых ею лиц. Обедневшим казачьим семьям выдавался хлеб из запасных станичных магазинов, а при необходимости — денежные ссуды из общественных сумм ²⁰.

Для помощи неполным семьям, в которых обычно вдовы воспитывали детей, крестьянская и казачья общины активно использовали общественные хлебные магазины. Это подтверждают архивные документы. В одном из них сообщалось, что из такого магазина в июне 1910 г. вдове казака Раздорской станицы Области войска Донского

Марии Романовской, «ввиду бедственного ее положения, была выдана одна четверть два четверика ²¹ ржи в безвозвратное пособие на продовольствие» ²². Выданное количество хлеба обычно пополнялось станичным обществом из нового урожая.

Публичный характер внутрисемейных отношений выражался и в особой роли сословных корпораций, соблюдавших определенные традиции в повседневной жизни. Например, глава казачьей семьи проявлял заботу не только о ее благосостоянии, но и о соблюдении всеми домочадцами сословного статуса. Таким же образом поступали главы купеческой, мещанской, дворянской и других семей.

В соответствии с действующим законодательством, общественные управления городов Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. уделяли внимание вопросам помощи семьям, нуждавшимся в поддержке. В смету расходов многих российских городов закладывались суммы на выдачу пособий для приданого девушкам из бедных семей. По решению городских самоуправлений, для таких семей открывались склады, торговые учреждения, где можно было по более низким ценам приобрести продукты, одежду, уголь.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война актуализировала проблему помощи семьям, главы которых были мобилизованы на фронт. Эти семьи могли рассчитывать на ежемесячное пособие от органа местного самоуправления, а при бедственном положении и на получение продовольственного пайка от государства. В декабре 1915 г. жительница административной столицы Области войска Донского г. Новочеркаска Е.И. Ретинская — жена бывшего машиниста городской электростанции, призванного по мобилизации, обратилась с прошением в местный орган общественного управления — управу. У этой женщины на руках было пять малолетних детей от 11 лет до 8 месяцев от роду. В ее прошении отмечалось, что получаемое за мужа пособие в размере половинного оклада его прежнего жалования не позволяет прокормить семью. «Одежда на детей, какая была приобретена еще при муже, — сообщалось ею, — вся совершенно износилась, а купить не на что, да и время наступило холодное. Квартиру отапливать тоже нечем» ²³. Женщина просила городского главу А.С. Дронова увеличить размер ежемесячного пособия. Этот вопрос был рассмотрен на заседании городской управы 19 января 1916 года. Признавая отсутствие у города возможности повышать размер пособия, которое выплачивалось тогда более 700 семьям ²⁴, управа оказала содействие Ретинской в решении вопроса с получением казенного продовольственного пайка на себя и на каждого ребенка.

Публичный характер российской патриархальной семьи выполнял своеобразную защитную функцию. Во-первых, он ограничивал деспотические проявления в жизни семьи. Во-вторых, благодаря включению семьи в широкие родственные связи, в соответствующую корпоративно-сословную общность, а также взаимодействию с сельским общинным миром, городским общественным управлением обеспечивалась ее определенная устойчивость.

Для многих граждан Российской империи патриархальная семья была основным стержнем их существования, высшей ценностью бытия, естественным положением устройства человеческой жизни. Однако новые тенденции в социально-экономическом развитии, вклю-

чая мощный рост промышленного производства на рубеже XIX—XX в., потоки переселенцев из деревни в город, утверждение некоторых общественных прав и свобод, затронули российскую традиционную семью. Ее патриархальные основы начали размываться. Как справедливо отмечают некоторые исследователи проблем исторической эволюции семьи, в семейно-брачных отношениях той эпохи стали проявляться признаки частичного отказа от патриархальности.

Определенная гуманизация внутрисемейной жизни была к началу XX столетия объективно востребована российским обществом. Выражением данного процесса стали ускоренная нуклеаризация семейной структуры и усиление роли женщины в выполнении повседневных руководящих функций по жизнеобеспечению семьи. Малая нуклеарная семья, состоящая из двух поколений, приходила на смену расширенной, многопоколенной. Такая тенденция определялась не только социально-экономическими изменениями в обществе, но и психологическими особенностями, издержками самой модели патриархальной семьи. Ведь зачастую молодые супруги уходили от родителей, ведомые намерением избежать проявлений всевластия последних, а также стремлением к самоутверждению, что вполне обосновано.

Для российской пореформенной деревни был характерен массовый уход мужчин в города, на промышленные предприятия в поисках временного заработка. В результате их жены были вынуждены брать руководство семейными делами в свои руки. Это вело к ослаблению абсолютной власти мужа. А ведь именно она была одним из краеугольных камней всей конструкции патриархальной семьи.

Процесс постепенного разложения традиционной российской семьи в начале XX в. стал проявляться в некоторых кризисных тенденциях, характерных для данной ее модели. Об этом вполне определенно писал выдающийся социолог Питирим Сорокин. Он отмечал, что выражением кризиса семьи были следующие явления: рост разводов, уменьшение числа браков, увеличение числа сожительства, рост проституции, падение рождаемости, освобождение женщины из-под опеки мужа, уничтожение религиозной основы брака и, наконец, все более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством²⁵.

Сорокин полагал, что вышеназванные явления долговременны по своему характеру. Он писал о прямой связи этих процессов, ослабляющих традиционные, базисные основы семьи, с капиталистическим общественно-экономическим укладом, набравшим силу в Российской империи. По его мнению, капиталистическая культура заставляет предпринимателя трудиться «во имя своих интересов, интересов семьи и в то же время во имя тех же интересов грабить общество и трудящиеся массы»²⁶.

Сорокин сознавал, что семейная трансформация на основе альтернативной капитализму социалистической культуры потребует много сил и времени. А сам этот переход вызовет «ряд диких наростов, болезненных опухолей и множество жертв»²⁷. По мнению ученого, задача ответственной перед народом власти заключалась в том, чтобы, не отказываясь от такого пути, искать способы менее болезненного перехода к утверждению новой модели семьи, которая включала бы в себя принцип традиционализма, порядка, с одной стороны, и принцип прогресса, обновления, с другой. Такой подход по своей

сути близок к идее конвергенции общественных систем, которую разделял Сорокин в последний период своей жизни.

На рубеже XX—XXI вв. в условиях возрождения в России капиталистической общественной системы, наметившегося цивилизационного надлома вновь резко обострились кризисные тенденции в жизнедеятельности семьи. И это вполне объяснимо с учетом сорокинской концепции зависимости состояния семьи от процессов в обществе, в его социально-экономической сфере. Сегодня конвергентная модель общественного устройства актуализирует проблему исторического осмысления различных моделей семейной эволюции, включая патриархальную.

Примечания

1. НОСКОВА А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Автореферат дисс. докт. социол. наук. М. 2005, с.30.
2. Домострой. URL:<http://librebook.ru/domostroi/vol1/35>.
3. КОСТОМАРОВ Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. М. 1992, с. 201—202.
4. Свод законов Российской империи. Т. 10. СПб. 1857, ч. 1, с. 18.
5. Городская семья в Российской империи. Научно-информационный журнал. URL:<http://biofile.ru/his/32068.html>.
6. Свод законов Российской империи, т. 10, ч. 1, кн. 1, раздел 1.
7. Как любить жену согласно Библии. URL:<http://ru.wikihow.com/%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%>.
8. ПУШКАРЁВА Н.Л. Женщина в русской семье X — начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Автореферат. Дисс. докт. ист. наук. М. 1997.
9. АЛЕКСЕЕВ А.А. Брак и правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи. Автореферат дисс. канд. юр. наук. Челябинск. 2007, с. 12.
10. ГОНЧАРОВ Ю.М. Городская семья второй половины XIX — начала XX в. Барнаул. 2002, с. 283.
11. Там же.
12. Там же, с. 280.
13. КАНТОРОВИЧ Я.А. Законы о детях. СПб. 1873, с. 33.
14. Свод законов Российской империи, т. 10, ч. 1, с. 6.
15. ГОНЧАРОВ Ю.М. Ук. соч., с. 65.
16. ЗАХАРОВ С. Браки и разводы в современной России. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema04.php>.
17. Там же.
18. Любовные драмы. — Русское слово. 1.1.1908.
19. ПУШКИН А.С. Путешествие из Москвы в Петербург. Собр. соч. в 10-и томах. Т. 6. М. 1976, с. 347.
20. ИВЧЕНКО И.В., РАТУШНЯК В.Н. Исторический опыт казачьей общины и современность. В кн.: Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции (сент. 1995). Ростов-на-Дону. 1995, с. 48.
21. Четверть и четверик — единицы измерения сыпучих тел, активно использовавшиеся до 1917 года. Одна четверть и два четверика примерно равнялись 260 л.
22. О выдаче из станичных запасных магазинов хлеба на продовольствие нуждающимся казакам Усть-Медведицкого округа (01.06.1910г.). Государственный архив Ростовской области (ГА РО), ф. 52, оп. 1, д. 110, л. 10.
23. О ходатайстве служащих в Городскую управу Новочеркаска о выдаче им пособий, авансов и прочего. Там же, ф. 694, оп. 1, д. 214, л. 10.
24. Список лиц, подлежащих мобилизации. Там же, д. 115, л. 73.
25. СОРОКИН П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк). URL:http://pedlib.ru/Books/1/0418/1_0418-260.shtml.
26. Там же.
27. Там же.

Амос Кендалл

Т.В. Алентьева

Аннотация. В публикации рассматривается деятельность Амоса Кендалла — первого в США специалиста по PR-технологиям, члена «кухонного кабинета», тайного советника американского президента Эндрю Джексона. Особое внимание уделено роли Кендалла в анти-банковской войне, а также его вкладу в создание сети телеграфных линий в Америке. Кроме того Кендалл являлся основателем высшего учебного заведения для глухих.

Ключевые слова: история США, XIX в., джексоновская демократия, виги и демократы, второй банк США, «кухонный кабинет».

Abstract. The work discusses the work of Amos Kendall, the first specialist in PR technologies, member of the «Kitchen Cabinet», privy councilor of the American President Andrew Jackson. Special attention is paid to the role of Kendall in the anti-Bank war. Kendall also contributed to the creation of a network of Telegraph lines in America and was the founder of University for the deaf.

Key words: USA history, XIX century, Jacksonian democracy, Whigs and Democrats, the Second Bank of the United States, «Kitchen Cabinet».

В истории США XIX столетия есть яркий период, именуемый «джексоновской демократией» (1828—1840). Многие политические инновации этого периода до сих пор задействованы в американской политической жизни. Эндрю Джексон был первым президентом США, который стал назначать своих однопартийцев-демократов на официальные должности и не только ввел в дальнейшую политическую жизнь США spoils-system, нашедшую яркое выражение в пословице: «Добыча принадлежит победителю», но и первым обзавелся «кухонным кабинетом» — кругом ближайших неофициальных советников, собиравшихся, согласно устойчивому мифу, на кухне Белого дома. По существу главой этого важного органа в период «Джексоновской демократии» был Амос Кендалл (1789—1869).

Алентьева Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор Курского государственного университета. E-mail: info@kursksu.ru.

Alentieva Tatiana V. — doctor of historical sciences, professor of the Kursk State University. E-mail: info@kursksu.ru.

С. Катлип считает его одним из первых в США специалистом по «предвыборным PR-технологиям». По словам историка Дж. Эшворта, он был «серым кардиналом» президента Эндрю Джексона (1828—1836), членом его «кухонного кабинета». «Наиболее влиятельным человеком в стране» называет его Р. Клебович¹. Отечественные американцы, как правило, не упоминают об Амосе Кендалле. Главное их внимание привлекала личность президента Эндрю Джексона и вице-президента Мартина Ван Бюрена, игравшего важную роль в создании демократической партии и принятии политических решений².

Шестой президент США Джон Квинси Адамс, главный враг как Джексона, так и Ван Бюрена, записал в своем дневнике в декабре 1840 г., что он убежден — оба президента в течение «двенадцати лет являлись инструментом в руках Амоса Кендалла, который был руководящим мозгом их власти»³.

Амос Кендалл родился 16 августа 1789 г. в местечке Данстейбл, на границе Массачусетса и Нью-Хэмпшира. Он был шестым из девяти детей в семье Зебедея и Молли Кендалл⁴. Семья Кендаллов происходила от первых поколений поселенцев, их предки эмигрировали в Массачусетс из Англии в 1640 году⁵. Кендаллы были видными членами данстейблской общины. Представители этой семьи владели таверной, где проводились выборы и политические встречи, избирались городскими выборщиками. Во время Войны за независимость они активно участвовали в деятельности местного корреспондентского комитета⁶.

Ранние годы Кендалла прошли на ферме, где он помогал отцу. Семейная ферма была среднего размера и насчитывала 22 акра пахотных земель. Здесь в основном разводили овец и молочный скот, а также имели лошадей и волов, которые использовались для вспашки полей. Семья выращивала кукурузу, лен, картофель и рожь. Небольшая часть земли была отдана под табак. Работы всегда был непочатый край. Амос помогал расчищать почву для посевов от камней, чинил деревянную ограду, пахал и сеял⁷.

Он был болезненным ребенком, худым и подверженным простудам и сильным головным болям, от которых страдал всю жизнь⁸. Зимой Амос посещал школу, очень рано обнаружилась его тяга к знаниям. В Данстейбле была небольшая библиотека, и он стал ее постоянным посетителем, особенно его привлекали книги по истории и географии. Отец решил не препятствовать сыну в его стремлении к знаниям, видя, что к занятиям фермерским хозяйством у Амоса не лежит душа. В 1805 г. его отпрыск продолжил свое обучение в учебном заведении Нью-Ипсвича в Нью-Гэмпшире. В это время он жил у своего старшего брата, помогая ему по хозяйству на ферме⁹. По окончании учебы он некоторое время учительствовал в родных местах.

В 1807 г. в течение года он — студент академии в Гротоне (Массачусетс). Учиться приходилось с перерывами из-за проблем со здоровьем, а также в связи с необходимостью помогать на ферме отца. И все же он сумел подготовиться к вступительным экзаменам в престижный Дартмутский колледж. Обучение стоило 85 долл. 39 центов за подготовительный курс. У Кендалла была только половина этой суммы. Эти деньги он скопил, работая учителем. Остальную часть пришлось зарабатывать в перерыве между занятиями, учительствуя в Данстейбле.

Студенческая жизнь для богатых студентов была веселой и беззаботной: пирушки, дуэли, карты. В Дартмуте было два студенческих клуба: Общество друзей и Объединенное братство. Кендалл примкнул к первому из них. Ночами его члены воровали кур, а затем жарили их и с удовольствием съедали. Однако Кендалл был категорически против, чтобы его комната использовалась для подобных занятий. Одно время он увлекся карточной игрой, но боязнь проиграть деньги, в которых он испытывал постоянную нужду, заставила его навсегда бросить это занятие ¹⁰. Развлечениям Амос предпочитал серьезное отношение к учебе.

Он окончил Дартмутский колледж 27 августа 1811 г. лучшим выпускником своего класса и решил заняться адвокатской практикой в Гротоне, штат Массачусетс. В то время, как он признавался в автобиографии, ему претило занятие политикой: «Я не готов посвятить свои способности и моральные принципы делу какой-либо партии» ¹¹. Войну 1812 г. с Великобританией он встретил с большим сомнением в ее исходе. 23 июня он записал в своем дневнике: «Сегодня пришли новости об объявлении войны. Теперь мы втянуты в войну самых могущественных стран, так долго разорявших Европу. Один Бог только знает, к чему это приведет. Надо быть стойкими в отстаивании нашей чести и наших прав, попираемых Великобританией. Таковы чувства каждого поборника свободы... возможно всемогущий Бог сможет умиротворить наши внутренние распри, привести наши армии к победе и восстановить мир на почетных условиях» ¹². Кендалла очень беспокоило поведение населения Новой Англии, не одобрявшего «войну м-ра Мэдисона» и готового вступить на путь сепаратизма. Ему претила позиция партии федералистов, выступивших в период военного конфликта с давним врагом американцев против собственного правительства. Также его сильно возмутила позиция новоанглийского духовенства, открыто осудившего войну и сравнивавшего действующего президента с дьяволом.

В связи с плохим здоровьем Кендалл не мог служить в армии, но поддерживал позиции правительства Мэдисона и партии джефферсоновских республиканцев. Это невольно втягивало его в политику. Ему удалось заручиться поддержкой влиятельного местного политика Джозефа Ричардсона, который предложил ему совершить путешествие в столицу. Город тогда представлял собой странное зрелище. Официально столицей Вашингтон стал 11 июня 1800 года. К этому времени были построены резиденция президента, названная позже Белым домом, и сенатское крыло Капитолия. В столице насчитывалось не более 400 домов, население составляло около трех тысяч человек. Вот как описывал Кендалл свое первое впечатление: «Уже стемнело, когда мы прибыли в Вашингтон. Первый объект, представший перед нами, был Капитолий, который темным вечером выглядел совершенно мрачно. У меня не было особого желания остановиться в гостинице, поэтому я с удовольствием согласился с предложением м-ра Ричардсона пожить в его пансионе. Здесь я познакомился и подружился с генералом Дж. Варнумом» ¹³. Генерал пригласил его на прием в президентскую резиденцию. О проницательности Кендалла говорит тот факт, что он сразу заметил выдающиеся способности супруги президента Долли Мэдисон. Позже он записал в дневнике: «Миссис

Мэдисон — прекрасная благородная личность, более способная руководить делами нации, чем ее муж»¹⁴. Благодаря покровительству генерала Варнума, Кендалл побывал на заседаниях Конгресса, познакомился с видными конгрессменами. Помещение Сената впечатлило его больше, чем Палата представителей, но он признался в своем дневнике, что вряд ли бы смог достойно описать их интерьер.

Знакомство с сенатором из Кентукки Джессом Бледсо подвигло Кендалла к возвращению на преподавательскую стезю. Сенатор предложил ему заниматься с его детьми с оплатой в 100 долларов в год, правда, при бесплатном жилье и питании. Кендалла устраивал переезд на новое место. Он перебирался в сравнительно молодой и довольно захолустный юго-западный штат Кентукки, знаменитый своим виски «Бурбон». Сюда новых поселенцев привлекала сравнительная дешевизна жилья и земли. Путешествие в Кентукки из северо-восточных штатов было предприятием нелегким из-за ужасающего состояния дорог. Добираться от Вашингтона до Лексингтона приходилось 12 дней.

Новый край стал для Кендалла местом его становления как политика-профессионала. В 1813—1814 гг. он был домашним учителем в семье своего будущего политического противника Генри Клея¹⁵. Он находился вдали от военных действий, но перипетии неудачной для американцев войны его очень волновали. В то время многие американцы с симпатией следили за героической борьбой России против войск Наполеона. Кендалл взялся читать «Историю России», написанную английским историком У. Туком. С большим негодованием он узнал о сожжении англичанами Вашингтона 24 августа 1814 г., который был ими захвачен после сражения с местной милицией¹⁶. Это подвигло его вступить в местное ополчение, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем. Сражаться ему так и не пришлось. Война подходила к концу. С большим воодушевлением он узнал о победе генерала Э. Джексона под Новым Орлеаном. Со временем жизнь сделает его ближайшим советником этого выдающегося человека.

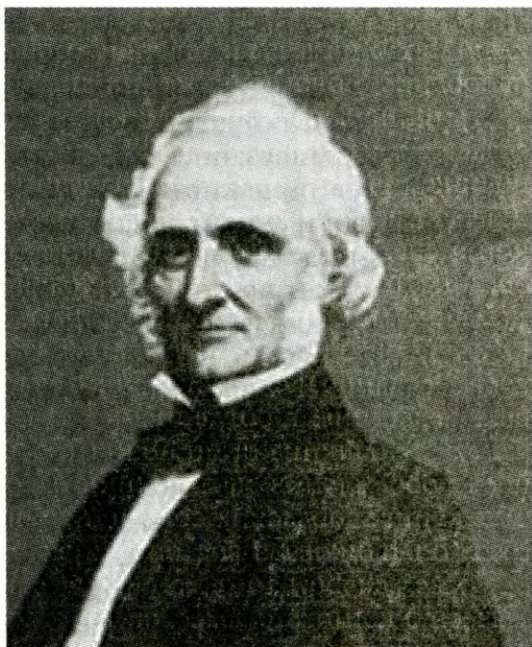
Тем временем преподавание оказалось не слишком прибыльным занятием, и Кендалл решил заняться журналистикой. В 1814—1816 гг. он редактировал кентуккийскую газету демократов-республиканцев «Georgetown Minerva». Затем, с 1816 по 1829 гг., издавал довольно успешную газету «Argus of Western America».

Личная жизнь Амоса на новом месте складывалась удачно. 1 октября 1818 г. он женился по любви на Мэри Буллард Вулфолк¹⁷. У супругов было трое детей, не считая мертворожденного мальчика. Но брак оказался недолгим — 13 октября 1823 г. Мэри умерла от лихорадки¹⁸.

Спустя три года, 5 января 1826 г., Кендалл женился вторично на 17-летней Джейн Кайл¹⁹. Она родила ему четырех сыновей и семь дочерей. В семье царил полная гармония.

Началом блистательной политической карьеры стало активное участие Кендалла в президентских выборах 1828 г., когда он безоговорочно встал на сторону кандидата от только что образованной демократической партии Эндрю Джексона. Он использовал свою газету, опыт журналиста, а также обширные политические контакты для перестройки демократической партии в общенациональную и политическую властную структуру²⁰.

В своих предвыборных статьях Кендалл представлял Джексона популярным героем из западных штатов, способным победить президента-аристократа из Новой Англии Джона Квинси Адамса. Предстоящий успех Джексона на выборах именовался не иначе как «победой фермеров и механиков страны над богатыми и высокородными аристократами». Амос Кендалл не устал повторять: «Править должно большинство — это первейший принцип нашей системы». Его выражение «воля народа» становилось расхожим клише в пропаганде демократов ²¹. В предвыборных материалах пре-

возносились военные заслуги генерала Джексона как в войне с индейцами, так и в войне с англичанами в 1812—1815 годах. По всей стране создавались «клубы старины Гикори». (Прозвище «Старый Гикори» — орешник — было дано Джексону индейцами). Слоганами президентской кампании стали «права народа», а также «Джексон и реформы». Историк Ремини называет среди популярных приемов демократического «пиара»: устройство барбекю, посадку орешника, ночные факельные парады, музыкальные и поэтические состязания. Интересной инновацией было введенное по совету Кендалла массовое «пожимание рук», чтобы еще больше подчеркнуть близость кандидата к народу ²².

В то же время прилагались энергичные усилия по дискредитации политических противников. Изобретение негативных прозвищ, навешивание ярлыков, создание отрицательного имиджа, использование противопоставления свой/чужой были задействованы в пропаганде. На выборах 1828 г. Джексон победил со значительным отрывом от своего соперника. За него проголосовало 650 тыс. избирателей (55,97%) ²³.

Кендалл утверждал, что «политик должен основываться на морали: “Кто не с нами, тот против нас”» ²⁴. В послании Конгрессу 1829 г. президент с его подачи уверял, что обязанности чиновников настолько просты, что справиться с ними может любой, поэтому ротация в государственном аппарате является демократическим принципом, и к тому же она поможет справиться с коррупцией ²⁵. Идея обновления правительственного аппарата весьма импонировала рядовым избирателям. После победы Джексона Амос Кендалл переехал в Вашингтон, поскольку президент Джексон назначил его четвертым аудитором федерального казначейства. Уже этот важный правительственный пост возбудил кривотолки и сплетни вокруг нового протеже президента. Сам Кендалл писал в 1829 г. своему другу А. Мерриветеру в Кентукки: «Я давно жду тот день, когда я смогу уйти от политических дрызг. Мои враги заставили меня оставаться на политическом поприще на-

много дольше, чем я планировал. Я не думаю, что я — карьерист... здесь я принял назначение, которое мне предложили, и теперь жду возможности удалиться в лоно любимой семьи, воспитывать моих дорогих детей и потратить оставшиеся годы в полном объеме на самые нежные привязанности. Злостное недоброжелательство врагов и завистников я расцениваю как шторм, который бушует у дверей, не затрагивая внутреннего покоя дома. Оно до сих пор не отвратило меня от моего долга; не отвратит и в дальнейшем»²⁶.

В 1835 г. он получил еще более важное назначение — на пост генерального почтмейстера США²⁷. На этом посту он снискал печальную известность, поправ свободу почтовых отправок и разрешив сотрудникам своего ведомства не доставлять аболиционистскую литературу и газеты в южные штаты. Так, он прямо советовал ричмондскому почтмейстеру ограничить доставку подобных изданий подписчикам. На запрос из Южной Каролины от сотрудников почты он отвечал, что «власти не имеют права исключать или запрещать доставку почты, невзирая на ее характер или тенденциозность»²⁸. В то же время он заявлял, что не будет требовать доставки аболиционистской литературы, что почтмейстеры на местах должны подчиняться требованиям местных властей и исходить из интересов своего штата. В нью-йоркской прессе было опубликовано письмо Кендалла почтмейстеру этого штата, в котором он именовал аболиционистов преступниками²⁹. Джексон солидаризировался с ним. В своем письме от 7 августа 1835 г. он одобрил решения Кендалла, написав ему: «С глубокой скорбью я узнал, что в нашей счастливой стране есть люди, их стоит назвать монстрами, которые виновны в возбуждении ужасных волнений рабов на Юге»³⁰.

Кендалл утверждал, что аболиционистская литература носила исключительно подстрекательский характер. «Из образцов антирабовладельческих публикаций, которые я видел, и сочинений их противников я понял, что аболиционисты ведут прямо к тому, чтобы посеять на Юге насилие и ужас, которые обычно являются результатом иностранных вторжений или восстаний. Благодаря их поджигательским призывам, адресованным к чувствам и страстям черных, они заставляют каждую семью южан чувствовать, что они живут рядом с потенциальными убийцами, и понимать, что недалек тот день, когда может вспыхнуть истребительное восстание рабов. И таков угрожающий характер их газет, что южане с невиданной ранее энергией готовы противостоять опасности, в поисках защиты и безопасности они собираются на митинги, чтобы положить конец распространению аболиционистской литературы любыми средствами»³¹. Сам Кендалл оправдывал изъятие и уничтожение аболиционистской почты, так как, по его мнению, конституция не может гарантировать право на доставку почты тем, кто «с помощью подстрекательства к мятежу, убийству и восстанию готов опрокинуть тот институт, который конституция признает и гарантирует»³².

Кроме того, он организовал операции абонентского отдела таким образом, что западные газеты, которые, как правило, поддерживали Джексона, доставлялись быстрее, чем восточные. По поводу прямого нарушения им должностных обязанностей довольно зло говорилось в памфлете, написанном журналисткой Люси Кенни³³.

Но официальные должности были не главными в его политической карьере. Важнее всего было то, что он становился личным и тайным советником президента. Вместе с журналистами Даффом Грином («United States Telegraph»), Исааком Хиллом («New Hampshire Patriot») и Уильямом Беркли Льюисом Кендалл был членом «кухонного кабинета» Джексона. Со временем он возглавил этот «кабинет», поскольку, по утверждениям современников, имел на Джексона больше влияния, чем любой из членов этого своеобразного клуба советников³⁴.

Разумеется, в политической жизни США роль тайного советника президента и члена «кухонного кабинета» не была тайной за семью печатями. Вигская оппозиция постоянно критиковала его давление на президента. «Очень часто влиятельные люди, скрываясь за кулисами, дергают за проволочки и скрытые веревки, — писал «New England Magazine». — Лидеры этой партии немногочисленны, и возможно их всего меньше там, где громче всего претендуют на демократию. Такова подлинная природа партии, претендующей на то, чтобы считаться народной по своему характеру, а свои решения выдавать за волю народа»³⁵. «Niles' Register» сетовала на неблагодарность Кендалла по отношению к лидеру вигов Генри Клею, напоминая своим читателям, что он был первым работодателем для молодого политика. Журналист Джон Брэнч заявлял о «зловредном влиянии» «кухонного кабинета» на президента³⁶.

Некоторые друзья Джексона требовали, чтобы он избавился от своих советников, считая, что их влияние дискредитирует президента. Так, его давний приятель Альфред Бэлч заявлял, что «существующая в Вашингтоне власть “за тронем” могущественнее, чем сама “власть трона”». По его мнению, Кендалл, отесняя верных друзей и соратников президента, оставляет его в полном одиночестве. Мэрилендский конгрессмен Бенджамен Ховард требовал отставки Кендалла. На все эти обращения Джексон отвечал, что он всецело доверяет своим советникам, которые «продемонстрировали искреннюю лояльность» по отношению к нему. Термин «кухонный кабинет» появился в прессе в августе 1831 г., когда Ф. Блэр написал в «Globe», что «именно кухонный кабинет, а не официальное правительство способно двигать Джексона»³⁷.

Как только Джексон водворился в Белом доме, он стал опираться на небольшую группу советников. Это были: Дафф Грин и так называемая теннесийская клика: Итон, Льюис и Донельсон. Затем шли северяне и западники: Ван Бюрен, Кендалл, Хилл, Бэрри и Блэр³⁸. У современников не было сомнений, кто являлся главой этой группы. В комментариях прессы в 1831 г. 48 раз упоминался Кендалл, 18 — Льюис, 9 — Блэр, 8 — Бэрри. Кендалл писал Хиллу, что его враги хотели бы избавиться от него, но безуспешно³⁹.

Кендалл со свойственным ему литературным блеском защищал джексоновскую систему отбора кадров и назначений на государственные должности по партийной принадлежности и личной преданности президенту. В одной из своих политических статей он писал: «Бесчестие, лень, глупость, аморальность и анти-республиканские принципы составляют, следовательно, те причины, по которым стоящие у власти обязаны сменять служащих на государственных должностях.

Высшим законом при всех отставках и назначениях будет не удобство и не интересы должностных лиц и их друзей, а только общественное благо»⁴⁰.

Понимая, что президенту Джексону нужен собственный печатный орган как рупор новых идей «джексоновской демократии», Кендалл приложил немало усилий к созданию газеты «Washington Globe», первый номер которой вышел 7 декабря 1830 года. Она должна была заменить «United States Telegraph» Даффа Грина, который имел слишком тесную дружбу с вице-президентом, южанином Кэлхуном. Кендалл пригласил опытного журналиста Френсиса Престона Блэра в Вашингтон на пост главного редактора. На одной из карикатур Блэр и Кендалл были изображены как сиамские близнецы на фоне большого глобуса, что было намеком на их совместную работу по изданию «Washington Globe»⁴¹.

Кендалл разрабатывал многие идеи джексоновской демократии, направления внутренней политики. Большинству сторонников Джексона, как на Севере, так и на Юге, импонировали требования борьбы против привилегий и монополий всякого рода, поддержки политики свободной торговли, защиты прав большинства (народа) от посягательств «аристократии богатства», свободы личности без всякого вмешательства государства, ограничения правительственных полномочий (limited government). Кендалл стал составителем всех речей президента, его посланий Конгрессу, помогал Джексону разработать множество наиболее важных государственных документов и активно отстаивал государственную политику в прессе. Виргинский конгрессмен Г. Уайз говорил о нем: «Он был думающей машиной президента, его пишущей машиной, да и его лгущей машиной... главным надсмотрщиком, главным репортером, личным секретарем, человеком, ведущим все его дела»⁴². Он писал передовые статьи и официальные правительственные заявления, которые публиковались в «Globe» и других газетах, повышая репутацию администрации Джексона как правительства интеллектуалов⁴³. Кендалл также был автором текстов пяти ежегодных посланий президента Конгрессу.

Английская писательница Гарриет Мартино, путешествовавшая по США, писала о нем: «Мне посчастливилось повстречать Амоса Кендалла, одного из самых замечательных людей в Америке. Он привнес веяние весны в администрацию: мыслитель, проектировщик, деятель... но вся его деятельность скрыта во мраке»⁴⁴.

Стоит привести целиком ее оценку тайного советника президента. «Мне повезло, — писала английская писательница, — я мельком видела несокрушимого Амоса Кендалла, одного из самых замечательных людей Америки. Он считается движущей пружиной администрации; он замышляет, планирует, действует, но всегда во тьме. Публикуются документы, слишком превосходные, чтобы приписать их тем, кто претендует на их авторство. По всей стране ведется переписка, за которую, кажется, никто не отвечает. Работа выполняется в таком объеме и с такой скоростью, словно тут потрудился домовый, а люди лишь озираются в суеверном изумлении. И все это — творение несокрушимого Амоса Кендалла. Говорят, что Кендалл пишет письма президента Джексона к его кабинету. Из Вашингтона посылают письма в отдаленные концы страны, оттуда их собирают и публикуют в

“Globe” как выражения общественного мнения; утверждают, что пишет их Кендалл. Без сомнения, он — великий гений. Он соединяет с “великим даром молчания”⁴⁵ великолепную дерзость»⁴⁶.

Дальше Мартино описывает свои личные впечатления от встречи с политиком. «Как только я вошла, со всех сторон до меня донеслись шепотки, среди кивков и подмигиваний: “Здесь Кендалл”, “Он здесь”. Я сразу заметила, что его просьба об уединении по причине плохого здоровья отнюдь не фальшива. Желтоватый цвет лица и совершенно белые волосы, какие мы редко видим у человека среднего возраста, свидетельствовали о болезни. Выражение его лица не могло не внушить страх суеверным людям, он казался настоящим привидением. Возможно, он и не хотел развеять эти предрассудки. Ведь невозможно рассчитать, какое влияние придает джексоновской администрации всеобщая вера в то, что в механизме правительства таятся скрытое око и рука, способные все предвидеть, справиться с тяжелейшими задачами. Некий конгрессмен сказал мне нынче вечером, что пять сессий подряд пытался увидеть Кендалла, но удалось ему это лишь теперь. Кендалл облокотился на стул, склонил голову, бросил быстрый взгляд на конгрессмена, с которым вел серьезную беседу, и через мгновение исчез»⁴⁷.

Кендалл сыграл важнейшую роль в переизбрании Джексона на второй срок, что обещало быть нелегким делом, так как в стране нарастал нуллификационный кризис, и в полном разгаре была война Джексона со Вторым банком США. Он написал предвыборную платформу демократов. В ней он наметил следующие принципы. Первый из них повторял знаменитую фразу Джексона, произнесенную им как тост во время официального обеда в Белом доме по случаю дня рождения Т. Джефферсона 13 апреля 1830 года: «Союз должен быть сохранен». Рассуждая о соотношении федеральной конституции и основных законов штатов, Кендалл утверждал: «Конституция США является декларацией власти, и она ограничивает права штатов». В то же время в принятой им демократической риторике он делал упор на права человека: «Совершенная гражданская свобода — это право делать, что угодно, не нарушая права других». После заявления, что именно демократическая партия представляет лучшие кадры управленцев, в тексте платформы демократов говорилось: «Мы считаем необходимыми требованиями для любого почетного поста в нашей республике способности, честность и верность фундаментальным принципам наших республиканских установлений»⁴⁸.

Кендалл был составителем текста знаменитого заявления Эндрю Джексона по поводу вето на продление Устава Второго банка Соединенных Штатов в 1836 г, который был дискредитирован и уничтожен именно благодаря его умелому «пиару». Кендалл придумал образ спрута, опутавшего своими щупальцами всю страну и поразившего ее такими язвами, как коррупция, привилегии и монополизм. В посланиях президента Конгрессу и в других документах встречаются такие выразительные словесные образы, как «монстр», «многоголовая гидра», «чудовище с рогами, копытами и хвостом», настолько опасное, что оно развращало «мораль нашего народа», подкупало «наших политиков», угрожало «нашим свободам»⁴⁹. Кендалл пытался использовать псевдомонократическую риторику, чтобы привлечь обществен-

ное мнение на сторону президента. Он утверждал, что «Банк стремится подавить и уничтожить наши свободы». В одной из статей он прямо писал, что в борьбе против него не может быть никаких компромиссов⁵⁰. Э. Пессен указывает, что большинство советников Джексона, в том числе Кендалл и Блэр, занимались бизнесом, имели свой личный интерес в банках штатов, поэтому активно участвовали в антибанковской войне⁵¹.

10 июля 1832 г. президент наложил вето на законопроект и направил специальное послание Сенату, в котором обосновывал свою позицию (Veto Message)⁵². Послание президента было написано Кендаллом⁵³. Это был чрезвычайно важный документ, значение которого трудно переоценить. В любом случае он демонстрировал блестящий образец официальной пропаганды периода «джексоновской демократии». Он был написан в духе либеральной идеологии, свидетельствовал о четком понимании автором изменившихся реалий, привнесенных массовой политикой. Поэтому в послании есть трогательные фразы о народе и его интересах, на страже которых стоит правительство. Оно учитывает менталитет и опирается на глубокие психологические корни, которые К. Юнг позднее назвал «коллективным бессознательным»⁵⁴. В.В. Согрин указывает, что некоторые американские историки приравнивают этот документ по значению к Декларации независимости и утверждают, что в нем заключен философский камень джексоновской демократии⁵⁵. Это мнение разделяют далеко не все американские историки, изучающие данный период. Так, известный ученый Э. Пессен именуется президентское послание исключительно демагогическим⁵⁶.

Цель послания состояла в мобилизации общественного мнения на поддержку действий президента, в привлечении потенциальных избирателей на сторону демократической партии, представленной истинной защитницей интересов народа. Поэтому послание изобилует эгалитаристской фразеологией, подчеркнутым вниманием к простым людям и осуждением богачей.

В нем весьма талантливо построена линия защиты анти-банковской позиции президента. Банк именуется неконституционным, недемократическим и неамериканским учреждением. Первая часть послания призвана убедить в том, что преобладающее влияние в Банке принадлежит иностранцам, поскольку среди его акционеров таковые действительно имелись. Далее в послании говорится о бесконтрольности и опасности этого учреждения для страны. Автор соглашается, на словах, с необходимостью подобного учреждения, если оно будет исключительно национальным.

Конечно, это была лишь политическая риторика, призванная завуалировать то обстоятельство, что для Джексона и его сторонников Банк представлял серьезную оппозиционную политическую силу, и что не было весомых экономических причин, которые диктовали необходимость его уничтожения. Поэтому в послании содержатся утверждения об истинно народном характере администрации и ее неустанной заботе о благе всего общества. Очень сильным пропагандистским приемом является обращение к идеалам войны за независимость и мудрости отцов-основателей, что позволяло закрепить в общественном мнении преимущество политики Джексона.

Кроме того, в истинно либеральном духе говорилось об индивидуализме и минимальной власти правительства, а также подтверждалась неизбежность прав штатов: «Его (правительства. — Т.А.) истинная сила заключается в том, чтобы как можно больше предоставить штаты и индивидов самим себе, чтобы его присутствие чувствовалось не в его мощи, а в его благодеяниях, не в контроле, но в защите, не в том, чтобы привязать штаты к центру, как можно крепче, а в том, чтобы предоставить каждому из них свободно двигаться по своей собственной орбите». Такие реверансы были рассчитаны на южных избирателей, поскольку документ готовился и как предвыборная платформа демократов для повторного переизбрания Джексона. Поэтому в нем упоминается «вердикт общественного мнения», который выносят избиратели народа в Капитолии. Естественно, на массового избирателя были рассчитаны постоянно повторяющиеся обвинения Банка в «монополизме» и «исключительных привилегиях», в «умножении богатства богачей». Разумеется, они находили самый широкий отклик, тем более что президент обещал, что его правительство не допустит возникновения новых монополий и дарования новых привилегий. «И если мы не можем сразу... сделать наше правительство тем, чем оно должно быть, мы можем, по крайней мере, держать оборону против всех новых монополий и исключительных привилегий, против протекционизма нашего правительства ради возвышения немногих за счет большинства. Мы должны поощрять компромиссы и постепенную реформу нашего кодекса законов и системы политической экономии»⁵⁷.

В целом данное обращение было не столько рассчитано на то, чтобы убедить членов Конгресса изменить свою позицию, тем более что в начале документа президент уверял, что имеет право, как и все другие ветви власти, «руководствоваться своим собственным пониманием Конституции». Цель послания состояла в мобилизации общественного мнения в поддержку действий президента, в привлечении потенциальных избирателей на сторону демократической партии, представленной истинной защитницей интересов народа⁵⁸. Поэтому послание изобилует эгалитаристской фразеологией, подчеркнутым вниманием к простым людям и осуждением богачей.

Естественно, что предложенные демократами в их политической риторике привлекательные фразы и лозунги, стереотипы и клише широко использовались демократическими ораторами и публицистами, партийными функционерами и журналистами, чтобы создать стойкое представление о самой широкой поддержке политики Джексона общественным мнением⁵⁹.

Джексон становился человеком-символом в последующих политических избирательных технологиях. Его сторонники старательно создавали имидж человека, который достиг всего исключительно благодаря своему характеру и способностям⁶⁰. Таким образом, формировалась важная демократическая дефиниция жизненного успеха. Имидж Джексона — «честный, скромный, непритязательный фермер из Теннесси» — затем экстраполировался на его преемника Мартина Ван Бюрена, в президентство которого Кендалл сохранил свой пост и влияние. Прочно обосновавшись в столице, в 1838 г. Кендалл арендовал 10-комнатный особняк Джексон-Хилл, расположенный там, где сейчас находится Смитсоновский национальный Зоологический парк⁶¹.

После прихода к власти вигов в 1841 г. Амос вернулся к частной жизни, к привычному занятию журналистикой. Он основал две газеты в Вашингтоне, которые, впрочем, вскоре прекратили свое существование: «Kendall's Expositor» (1841) и «Union Democrat» (1842). Важно то, что и в этот период он не терял связи со своим близким другом, президентом в отставке Джексоном. В Институте Гилдера и Лермана в Нью-Йорке хранится переписка Кендалла—Джексона по поводу аннексии Техаса ⁶².

В течение 1840-х гг. Кендалл был объектом многочисленных судебных исков от почтовых подрядчиков, которые подали на него в суд за ущерб, связанный с его почтовыми манипуляциями ⁶³. Ему пришлось активно защищаться. При этом он стремился доказать, что не ответственен за долги почтового ведомства, которые возникли не по его вине. В деле Кендалл против Стокса № 4487 (1845 г.) Верховный Суд постановил, что Кендалл не был лично ответственен за долги, и тем самым он был спасен от тюремного заключения в долговой тюрьме ⁶⁴.

В то время как велись судебные дела, финансовое положение Кендалла ухудшилось. Его две газеты потеряли крупные суммы денег, а земли, которыми он владел в Кентукки, сильно обесценились. В 1841 г. он купил ферму в 102 акра за 9 тыс. долл. недалеко от Вашингтона. Она была названа Кендалл-Грин ⁶⁵. Туда в недостроенный дом и пришлось перебраться с семьей, поскольку арендовать жилье в столице оказалось не по карману ⁶⁶.

Чтобы зарабатывать на жизнь, в 1843 г. Кендаллу с большой неохотой пришлось вернуться к юридической практике — защите своих клиентов, как частных лиц, так и целых групп, в их финансовых исках к правительству США ⁶⁷. Среди наиболее заметных дел был иск индейского племени западных чероки. Кендалл помог им доказать, что племя западных чероки не было связано обязательствами с восточными чероки. Это вернуло племени контроль над их землями и помогло получить часть суммы из 5 млн долл., обещанных правительством для их переселения ⁶⁸. В редкие моменты досуга Кендалл занимался литературным трудом. Им была написана биография его кумира «Жизнь Эндрю Джексона» (1843), а затем, на склоне лет, — «Автобиография», которую редактировал его зять Уильям Стикни.

Поправить свои денежные дела Кендаллу удалось благодаря тому, что он активно занялся бизнесом. В марте 1845 г. изобретатель Сэмюэл Морзе и его деловой партнер Альфред Вейл предложили Кендаллу стать их менеджером. Тот согласился и получил 10% комиссионных от всех патентных лицензий. Два месяца спустя он создал Компанию электромагнитного телеграфа, которая имела право владеть и управлять телеграфной линией между Вашингтоном, округ Колумбия, и Нью-Йорком. Это была первая в истории США частная компания, владевшая телеграфной линией и занимавшаяся прокладкой новых ⁶⁹. В течение семи лет телеграфная линия связала Бостон с Нью-Йорком; Нью-Йорк с Олбани и городами по всей долине Огайо и вдоль реки Миссисипи. Нью-Орлеан был связан с Вашингтоном ⁷⁰. Патентные комиссионные, а затем продажа Компании электромагнитного телеграфа Американской телеграфной компании в 1859 г., а также другие инвестиции сделали Кендалла богатым человеком ⁷¹.

Политика мало привлекала его в последние годы жизни. Он поддержал избрание А. Линкольна на пост президента, оставаясь при этом членом демократической партии. В 1860 г. он резко осудил сессию южных штатов и остался стойким приверженцем единства страны. Кендалл опубликовал в вашингтонской «Evening Star» серию писем, резко критиковавших южных сепаратистов. Эпиграфом к своим письмам он выбрал слова Джексона: «Союз должен быть сохранен». В этих статьях Кендалл напомнил читателям о борьбе Джексона за сохранение единства страны в связи с нуллификационным кризисом⁷². Осуждая Южную Каролину, застрельщицу сессии, он утверждал, что «... пострадавшими будут пограничные штаты: Мэриленд, Виргиния, Кентукки и Миссури... Не советуюсь с ними, она тысячи раз повторяет им, что их спасение только в разрушении Союза. Она готова погрузить их в пучину революции, уверенная в том, что эти великие штаты последуют за ней»⁷³.

И это было важной пропагандистской поддержкой дела единства Союза. Во время Гражданской войны Кендалл был сторонником администрации Линкольна, хотя и продолжал именовать себя «джексоновским демократом». Но на выборах 1864 г. он поддержал кандидата демократов и даже, имея огромный политический опыт, участвовал в составлении предвыборной Чикагской платформы⁷⁴.

В его жизни было одно удивительно благородное начинание — основание первого и единственного в стране университета для глухих — знаменитого в наши дни университета Галлодет, расположенного в столице: Вначале это была школа, для которой он пожертвовал дом и два акра земли на своей ферме Кендалл-Грин. 16 февраля 1857 г. Амос обратился к Конгрессу с просьбой принять решение, дающее школе Кендалла хартию как Колумбийскому институту для образования глухих, немых и слепых. Три месяца спустя Кендалл нанял Эдварда Майнера Галлодета (1837—1917) в качестве первого школьного суперинтенданта, а сам принял председательство в Совете директоров⁷⁵. Э.М. Галлодет был целиком предан своей благородной миссии и мечтал об университете, о высшем образовании для глухих. Он старался убедить Кендалла в том, что нужен колледж, дающий степени бакалавра и магистра. Амос вначале был против этой идеи, но Галлодет настаивал, несмотря на то, что в стране шла Гражданская война. Кендаллу пришлось вновь обратиться с прошением в Конгресс, и 8 апреля 1864 г. было принято решение, превратившее Колумбийский институт в Национальный колледж для глухонемых. Школа Кендалла осталась в структуре колледжа. В 1865 г. Конгресс выделил деньги на приобретение 14 акров из владений Кендалл-Грин для основания нового колледжа и разрешил строительство нового учебного здания⁷⁶.

В последние годы жизни Амос стал чрезвычайно религиозным человеком, посвятив себя религиозным занятиям. Последним делом благотворительности стало строительство часовни на углу 13-й и Ди-стрит в районе юго-запада столицы. Для этой цели он приобрел участок земли и пожертвовал значительную сумму на строительство. Часовня была освящена 21 ноября 1869 г. — всего через девять дней после того, как Кендалл умер. Она была названа церковью Кендалла⁷⁷.

Кендалл никогда не отличался хорошим здоровьем, но оставался очень деятельным даже в старости. 2 августа 1869 г. он отправился в

Нью-Йорк, чтобы навестить племянника. В дороге он простудился, но не придал этому особого значения, считая, что у него обычная простуда. Вернувшись в Вашингтон 14 августа он оказался прикованным к постели. Его жена перевезла его в особняк зятя Уильяма Стикни на углу 6-й и Эм-стрит. Болезнь быстро прогрессировала, Амос не мог есть и испытывал сильнейшие боли. Он назвал свою болезнь «желчной лихорадкой», но, скорее всего, это был рак печени и желудка. Боль была так сильна, что Кендалл подумывал о самоубийстве ⁷⁸.

Амос Кендалл умер в пятницу 12 ноября 1869 г. и был погребен на кладбище Гринвуд в Вашингтоне ⁷⁹.

В своем завещании он оставил средства для приобретения земли и строительства часовни Голгофской баптистской церкви. Им также был создан стипендиальный фонд в университете имени Джорджа Вашингтона. Стипендия присуждалась студенту от Округа Колумбия, который набрал наибольшее количество баллов на вступительных экзаменах ⁸⁰.

В честь Кендалла названы графство в Иллинойсе и городок в штате Нью-Йорк. Кендалл стал одним из самых ярких интеллектуалов «джексоновской демократии», не только идеологом и пропагандистом, но и реальным политиком, активно влиявшим на принятие решений.

Примечания

*

1. ASHWORTH J. «Agrarians» and «Aristocrats». Party Political Ideology in the United States, 1837—1846. London. 1983, p. 15; KLEBOWICZ R.B. News in the Mail: the Press, Post Office and Public Information, 1700—1860s. Westport, 1989, p. 70; CUTLIP S.M. Public Relations History: From the XVII to the XX century. Boston. 1995, p. 68.
2. РОМАНОВА Н.Х. Реформы Джексона. 1829—1837. М. 1988; ВЛАСОВА М.А. К вопросу о сущности либеральной политики Э. Джексона. — Американский ежегодник. 1992. М. 1993, с. 116—135; ДУБОВИЦКИЙ Г.А. Эндрю Джексон. — Вопросы истории. 1992, № 8—9, с. 52—66; СОГРИН В.В. Президент Эндрю Джексон: путь к власти. — Новая и новейшая история. 1994, № 6, с. 172—196; ЕГО ЖЕ. Президенты и демократия. Американский опыт. М. 1998; ПРИЛУЦКИЙ В.В. Мартин Ван Бюрен. — Вопросы истории. 2009, № 8, с. 82—99; ЕГО ЖЕ. Мартин Ван Бюрен и политическая борьба в США (1812—1852 гг.). Брянск. 2009.
3. ADAMS J.Q. Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848. N.Y. 1970, v. 10, p. 366.
4. DAVIS W.T. Bench and Bar of the Commonwealth of Massachusetts. Boston. 1895, p. 181; COLE D.B. A Jackson Man: Amos Kendall and the Rise of American Democracy. Baton Rouge. La. 2004, p. 13.
5. KENDALL A. Autobiography of Amos Kendall. Boston. 1872, p. 1.
6. COLE D.B. Op. cit., p. 15.
7. KENDALL A. Op. cit., p. 1—2.
8. COLE D.B. Op. cit., p. 15.
9. KENDALL A. Op. cit., p. 12—14.
10. Ibid., p. 21—22.
11. Ibid., p. 71.
12. Ibid., p. 71—72.
13. Ibid., p. 95.
14. Ibidem.
15. Ibid., p. 115

16. Ibid., p. 125.
17. Ibid., p. 237—240.
18. Ibid., p. 265.
19. Ibid., p. 269—270.
20. SLOAN W.D., STARTT J.D. *The Media in America: A History*. Northport. Ala. 1996, p. 108; REMINI R.V. *Martin Van Buren and the Making of the Democratic Party*. N.Y. 1961, p. VII.
21. SELLERS CH. *The Market Revolution: Jacksonian America, 1815—1846*. N.Y. 1994, p. 310.
22. REMINI R.V. *Andrew Jackson: the Course of American Freedom*. N.Y. 1983, v. II, p. 177—178.
23. BRANDS H.W. *Andrew Jackson. His Life and Times*. N.Y. 2006, p. 402.
24. PESSEN E. *Jacksonian America: Society, Personality and Politics*. Chicago. 1985, p. 186.
25. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents*. Vol. 1—10. Washington. 1900, p. 1011—1012.
26. <http://democraticthinker.wordpress.com/2010/01/19/amos-kendall-improper-in-principle>.
27. KENDALL A. Op. cit., p. 308—309.
28. CURTIS M.K. *Free Speech, "The People's Darling Privilege": Struggles for Freedom of Expression in American History*. N.Y. 2000, p. 155
29. Ibidem.
30. JACKSON A. *The Correspondence of A. Jackson: in 7 vols*. Washington. D.C. 1926—1935, v. V, p. 359—361.
31. *The Antebellum Era: Primary Documents on Events from 1820 to 1860*. N.Y. 2003, p. 117.
32. Ibidem.
33. KENNEY L. A pamphlet, showing how easily the wand of Magician may be broken and that, if Amos Kendall can manage the United States Mail well, a female of the United States can manage him better; also, that if shimplasters be good for shins, they are good for nothing else; and that N. Biddle alone can give a quietus to Bentonian thinkerism. Boston. 1838, p. 4—5.
34. MEACHAM J. *American Lion. Andrew Jackson in the White House*. N.Y. 2009, p. 50.
35. *New England Magazine*, v. 7, № 4, p. 269.
36. LATNER R.B. *The Kitchen Cabinet and Andrew Jackson Advisory System*. — *Journal of American History*. 1978, № 65, p. 371—374.
37. CLAY T.H. *Two Years with Old Hickory*. — *Atlantic Monthly*. 1887, № 60, p. 197—198.
38. LATNER R.B. Op. cit., p. 367—388; HARLAN R.L. *Public Career of William Berkeley Lewis*. — *Tennessee Historical Quarterly*. 1948, № 7, p. 118—131.
39. COLE D.B. Op. cit., p. 156.
40. <http://democraticthinker.wordpress.com/2011/04/19/amos-kendall-democratic-principles>.
41. RUBIN R.L. *Press, Party and Presidency*. N.Y.-London. 1981, p. 49—50.
42. COLE D.B. Op. cit., p. 221.
43. VAUGHN ST.L. *Kendall, Amos*. In: *Encyclopedia of American Journalism*. N.Y. 2007, p. 241.
44. MARTINEAU H. *Retrospect of Western Travel*. Boston. 1838, v. 1, p. 155.
45. Фраза из произведения Вашингтона Ирвинга «Сальмагунди».
46. MARTINEAU H. Op. cit., p. 155.
47. Ibidem.
48. <http://democraticthinker.wordpress.com/2011/04/19/amos-kendall-democratic-principles>.
49. REMINI R.V. *Andrew Jackson and the Bank War. A Study in the Growth of Presidential Power*. N.Y. 1967, p. 41.
50. CUTLIP S.M. Op. cit., p. 51, 68—71, 82.
51. PESSEN E. Op. cit., p. 173—174.
52. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents*, v. I, p. 576—577; *Niles' Weekly Register*. 14.VII.1832; *New York Evening Post*. 30.VII.1832.
53. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980, с. 273; MARSHALL L.L. *The Authorship of Jackson's Bank Veto Message*. — *Mississippi Valley Historical Review*. 1963, v. 50, № 3, p. 466—476.
54. ЮНГ К.Г. *Психология бессознательного*. М. 1996.
55. СОГРИН В.В. *Политическая история США*. М. 2010, с. 117; HAMMOND B. *Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War*. Princeton. 1957, p. 405—409.

56. PESSEN E. Op. cit., p. 187—189; 195.
57. Words that Made American History. Colonial Times to the 1870s. Boston. 1962, p. 234—241.
58. Молодой политик Дж. Полк в своем письме сообщает о многолюдном митинге в поддержку антибанковского вето в Нэшвилле (Теннесси), а также о том, что общественное мнение большинства жителей этого штата на стороне Джексона. SILBEY J.H. Political Ideology and Voting Behavior in the Age of Jackson. Englewood Cliffs. N.J. 1973, p. 23.
59. Разумеется, демократам не удалось установить полный контроль над общественным мнением в вопросе о Банке. Их противники считали политику Джексона недалевидной. Внук второго президента Чарльз Френсис Адамс в своем дневнике записал в отношении вето, что «такова судьба нашей страны. Все кредитоспособные и полезные учреждения уничтожаются под ударами невежества и недостатка принципов». См.: ADAMS CH.F. The Adams Papers. Diary of Charles Francis Adams. V. IV. Cambridge. 1968, p. 328—329.
60. WILENTZ S. Andrew Jackson. N.Y. 2005; Harper's New Monthly Magazine, vol. 10, N 56, jan. 1855, p. 145—173.
61. MORLEY J. The Ghosts of Jackson Hill. — Washington Post. 13.IX.1998.
62. <https://www.gilderlehrman.org/collections/e18749dd-210f-4fc5-943a>.
63. MANNING M.J. Kendall, Amos. In: Encyclopedia of Media and Propaganda in Wartime America. Santa Barbara. Calif. 2010, p. 148.
64. The Kentucky Encyclopedia. Lexington. Ky. 1992, p. 486.
65. COLE D.B. Op. cit., p. 235.
66. Ibid, p. 258.
67. MANNING M.J. Op. cit., p. 148.
68. HOIG S.W. The Cherokees and Their Chiefs: In the Wake of Empire. Fayetteville. Ark. 1998. p. 203—204.
69. HOCHFELDER D. The Telegraph in America, 1832—1920. Baltimore. Md. 2012, p. 182;
70. RATNER L.A., TEETER D.L. Fanatics and Fire-Eaters: Newspapers and the Coming of the Civil War. Urbana. Ill. 2003, p. 15.
71. O'BRIEN ST., MCGUIRE P., MCPHERSON J.M., GERSTLE G. American Political Leaders: From Colonial Times to the Present. Santa Barbara. Calif. 1991, p. 230.
72. New York Times. 20.IX.1860.
73. KENDALL A. Letters of Amos Kendall; also with Letters to Colonel and President Buchanan. Washington. 1861, p. 25.
74. New York Times. 4.IX.1864.
75. GALLAUDET E.M. History of the College for the Deaf, 1857—1907. Washington. 1983.
76. Ibidem.
77. WILBUR W. Chronicles of Calvary Baptist Church in the City of Washington. Washington. D.C. 1914, p. 43.
78. COLE D.B. Op. cit., p. 294.
79. STICKNEY W. Death and Funeral. In: Autobiography of Amos Kendall. Boston. 1872, p. 690—691.
80. WILBUR W. Op. cit., p. 43.

«Союз труда и искусства» — ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ В ПОЗДНЕМ СССР

А.Ю. ДАВЫДОВ

Аннотация. В публикации уделяется внимание важным идеологическим процессам, протекавшим в советском обществе периода позднего социализма, объявленного руководством партии развитым. В работе доказывается, что названные процессы нашли всестороннее отражение в движении «Союз труда и искусства», возникновение которого в 1968 г. определялось некоторыми внешне- и внутрисоциальными вызовами. При этом автор приходит к выводу о том, что превозносимые идеологами достижения в сфере общественной гармонизации и максимального сближения социальных групп оказались мнимыми, носили показной характер. Вместе с тем, в статье отмечается немалая просветительная роль изучаемого движения, определяется его значение для приобщения рабочих крупнейших предприятий к советскому искусству.

Ключевые слова: развитой социализм, рабочий класс, художественная интеллигенция, содружество, творческий союз, общественно-политическая кампания, заводской смотр-конкурс, шефские концерты, договоры о содружестве.

Abstract. The article focuses on important ideological processes that occurred in the Soviet society of the late period of socialism declared developed by the party's leadership. It is proven that the aforementioned processes are found to be fully reflected in the movement of «The Union of Labor and Art», which appeared in 1968 and was determined due to challenges of foreign and home policies. The author concludes that the achievements in the field of public and harmonization of maximum convergence of social groups vaunted by ideologues were imaginary, wearing showy character. However, the article points out the considerable educational role of the movement and determines its value in the inclusion of the working class of the largest companies to the Soviet art.

Key words: developed socialism, the ideology, the working class, the artistic intelligentsia, community, creative union, social and political campaign, the factory show-contest, patronage concerts, commonwealth contracts.

Конец 1960-х гг. стал для СССР «рубежом политической истории». Применительно к этому времени некоторые современные авторы рассуждают об установлении неосталинизма, возрождении «старых идеологических ценностей» и связывают данные процессы с известной

Давыдов Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург. E-mail: davydov.au@mail.ru.

Davidov Alexander Y. — doctor of historical sciences, professor of the Russian State Pedagogical University named by A.I. Gertsen. E-mail: davydov.au@mail.ru.

реакцией на события в Чехословакии ¹. Тем же фактором отечественные исследователи обуславливают и относившуюся к рубежу 1960-х — 1970-х гг. «попытку возрождения жесткой системы партийного контроля над культурой» ². Дело в том, что чехословацкие события и ответ советской элиты на них поставили под сомнение догмы об исторической неизбежности социалистического выбора народом, авангардной роли рабочего класса и его партии. Новая культурная политика требовалась для выработки и внедрения в сознание людей соответствовавших насущным требованиям аргументов, неопровержимо доказывавших истинность этих догматов. Она призвана была подтвердить легитимность существовавшего в СССР строя. Делать это планировалось в частности путем акцентирования традиционно присущей ленинизму идейной направленности художественных произведений ³.

На жизнь общества и эволюцию его художественной культуры на этапе позднего социализма (конец 1960-х — середина 1980-х гг.) немалое воздействие оказала очередная модификация идеологии социалистического общества. Трансформация идеологии представляла собой осуществление масштабного проекта по выработке способов более эффективного манипулирования сознанием людей, формирования у них привычки одинаково думать и одинаково действовать ⁴. В этих целях политическое руководство в лице Л.И. Брежнева выступило в ноябре 1967 г. с идеологической новацией — концепцией развитого социализма. Народу и партии был направлен посыл, директивно и беспелляционно указывавший на достижение советским обществом высочайшего уровня социально-экономической зрелости и политического единства. Этот посыл декларировал замечательные успехи в отношении роста «сознательности» рабочего класса и «ответственности» деятелей искусств ⁵. В результате многочисленные идеологи и пропагандисты с необыкновенным рвением принялись моделировать идеальную конструкцию зрелого социализма, представляя обществу все новые доказательства его «развитости». То и дело крупнейшие театры страны (Малый театр СССР, МХАТ им. А.М. Горького) вдохновенно рапортовали лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу о перевыполнении планов «по всем творческим и производственным показателям», об очередных победах в социалистическом соревновании с другими театрами. Литераторы докладывали в ЦК КПСС о том, что писательские бригады в составе ста и более прозаиков и поэтов отправлялись в многодневные путешествия по Волге с целью «участвовать во всенародном обсуждении книг товарища Л.И. Брежнева “Малая земля” и “Возрождение” на многочисленных встречах с трудящимися волжских предприятий, строек, колхозов». Деятели культуры рассказывали, как они «вновь и вновь перечитывали эти произведения... с исключительным волнением и теплотой делились мыслями об их огромном значении» ⁶.

Думается, явное несоответствие идеологических установок реальности, пропагандистская эйфория оказывали обратное воздействие на сознание граждан, формируя конформизм и вызывая разочарование в духовных ценностях. Вместе с тем, среди художественной интеллигенции (прежде всего Москвы и Ленинграда) распространялись совершенно не вписывавшиеся в концепцию «развитого социализма»

настроения ⁷. Между официальными партийными оценками состояния дел и реальностью образовалась «дистанция огромного размера». Исследователи ленинградского самиздата В. Долинин и Д. Северюхин пришли к справедливому выводу о том, что к 1970-м гг. «в Ленинграде сформировалась единая неофициальная культурная среда» ⁸. Другие специалисты полагают, что такой специфический культурный феномен, как андеграунд, «в наиболее полной мере проявился в Москве и Ленинграде». По их мнению, «продуктом андеграунда становилось все, что расходилось с официальным советским искусством» ⁹. Подобные явления настолько не соответствовали канонам развитого социализма, что в целях отвлечения от них внимания общества необходимо было совершать масштабные отвлекающие маневры. Приведем выразительный факт. На проходившем в феврале 1974 г. очередном пленуме Московской писательской организации рассматривались всего две на первый взгляд несочетавшиеся темы: во-первых, лишение А.И. Солженицына советского гражданства и осуждение позиций Л. Чуковской, В. Войновича, Е. Евтушенко, а, во-вторых, выполнение указаний XXIV съезда КПСС об укреплении дружбы писателей и деятелей театра с крупнейшими заводскими коллективами ¹⁰. Такая тематическая эклектика логично скреплялась замыслом уравновесить деструктивные явления здоровым социальным процессом.

Нелояльность части интеллигенции беспокоила правящую элиту. Между тем, единства мнений внутри нее не наблюдалось, проявляли себя сторонники мягкой и твердой линий. «Шестидесятники», сохранившие возвышенное отношение к социалистической идее, пытались идеологическими способами содействовать ее реализации в новых обстоятельствах. Они полагали, что одним из таких способов станет осуществление комплекса мер, направленных на следование деятелями художественной культуры имманентным свойствам авангардного рабочего класса — организованности, ответственности, коллективизма ¹¹. Это не могло не привести к изживанию нелояльности, присущей части интеллигенции. В итоге на многочисленных заседаниях и совещаниях стали звучать требования придать новое качество процессу взаимодействия рабочего класса и мастеров культуры. Например, на проходившем в конце 1968 г. совещании руководителей киностудий Ленинграда и Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР председатель секции телевидения А.А. Штаден от имени своих коллег выражал беспокойство по поводу того, что творческие работники отрываются от больших заводских коллективов и «варятся в собственном соку»; на этом основании он требовал наладить тесное общение заводов и творческих организаций ¹².

Курс на «интенсификацию» взаимодействия рабочих и деятелей культуры определил состоявшийся весной 1971 г. XXIV съезд КПСС. Он сформулировал стратегическую задачу «всемерно укреплять содружество творческих работников с производственными коллективами» ¹³. Напомним, что партийные съезды организационно закрепляли уже вполне оформившиеся тенденции социальной эволюции. К началу 1970-х гг. сложилось общественное движение, получившее название «Союз труда и искусства». Оно было призвано выйти далеко за рамки традиционного шефства творческих союзов над заводами. Его главной целью становилась актуализация облагораживающего

социального воздействия рабочего класса на художественную интеллигенцию. При этом решалась важная задача всемерного стимулирования рабочими мастерами искусств к совершенствованию идейной направленности творческого процесса.

Алгоритм проведения кампании предполагал, что инициатором и организатором движения за взаимовыгодное содружество деятелей искусств и рабочих выступит коммунистическая партия. По традиции важная инициатива приурочивалась к крупной юбилейной дате, в данном случае — к ленинскому юбилею. Кампания началась с принятия в июле 1968 г. Центральным комитетом КПСС постановления «О подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина». В нем содержалась четкая установка на усиление влияния «народа» на искусство путем участия в «смотре-конкурсах на лучшие драматические и музыкальные спектакли». Кампания планировалась как всесоюзная¹⁴. Между тем, по авторитетному заявлению председателя правления Союза писателей РФ С.В. Михалкова, в 1970-е гг. новое движение прошло «первую проверку делом» и получило большой «размах» в Ленинграде¹⁵. Не случайно о его развитии в этом крупнейшем промышленном и культурном центре ведется речь в данной работе.

Принятие важного партийного решения дало старт громкой общественно-политической кампании. Прежде всего, последовала мобилизация партийного аппарата в целях проведения юбилейных празднеств под девизом «искусство — народу». Ленинградская организация КПСС выступила организатором «народной инициативы». 11 сентября 1968 г. рабочие, инженеры четырех крупнейших машиностроительных и одного судостроительного предприятий выступили с обращением «К деятелям литературы и искусства Ленинграда», в котором призывали создавать новые произведения о Ленине, его соратниках и «о нашем современнике — строителе коммунизма, патриоте и интернационалисте». Торжественно обещалось: «Все талантливые высокоидейные произведения... будут достойно отмечены нашими многотысячными коллективами»¹⁶. Весьма показательно, что акцент делался, в том числе, на «патриотизме и интернационализме», совмещение которых становилось актуальной задачей в контексте чехословацких событий 1968 года.

Уже вечером того же дня, 11 сентября, газета «Вечерний Ленинград» опубликовала восторженные отклики руководителей городских отделений творческих союзов на обращение рабочих и инженеров; а после обсуждения на партийном собрании в Драматическом театре им. А.С. Пушкина было принято решение на следующий день отправить делегацию в объединение «Электросила»¹⁷. 12 сентября состоялось заседание партбюро Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР, на котором была утверждена программа соответствующих мероприятий. Проводились и другие партийные акции¹⁸. Партийные организаторы из всех сил старались создать видимость единодушной и чистосердечной всенародной поддержки нового движения. Это и было главной целью организаторов кампании на этапе формирования почина. Между тем, заорганизованность «самодеятельного» шага бросалась в глаза.

Инициативу поставили на бюрократический конвейер. Массовое одобрение нового движения предполагало готовность работников культуры к незамедлительной корректировке творческих планов. На

встрече театральных деятелей с рабочими производственного объединения «Электросила», состоявшейся 10 октября 1968 г., начальник Управления культуры исполкома Ленинградского горсовета А. Витоль уверял, что «обращение заставило коллективы театров по-другому посмотреть на собственные замыслы, на репертуарные планы и внести коррективы». Он сказал, что репертуар изменился, и в нем появились «темы, непосредственно обращенные к жизни рабочего класса». 17 октября объединенный пленум ленинградских отделений союзов писателей, художников, композиторов, кинематографистов, а также Всероссийского театрального общества одобрил внесение изменений в тематические и репертуарные планы учреждений культуры с учетом предварительных планов содружества. Обращение к производственникам, содержащее восторженную оценку их инициативы, подписали представители ленинградских отделений творческих союзов — М.К. Аникушин, Д.А. Гранин, А.Г. Иванов, Г.М. Козинцев, Е.А. Мравинский, Ю.В. Толубеев ¹⁹.

Регламент общественно-политической кампании предусматривал проведение частых и регулярных встреч представителей заводов и членов творческих союзов. Разработанный партийными органами сценарий предполагал, что на них значительная часть рабочих (лучше — большинство) сможет выступить в роли «социального заказчика» по отношению к мастерам культуры. Между тем, о деятельном участии заводских коллективов в творческом процессе, в обсуждении замыслов «партнеров по содружеству» говорить не приходилось. Замечательно, что активность проявляли передовые рабочие — токарь А.В. Чуев, бригадир судосборщиков В.А. Смирнов, фрезеровщик Ф.И. Ильин, слесарь Н.Н. Русаков и некоторые другие, но какого-то присущего этапу «зрелого» социализма принципиально нового качества взаимодействия рабочего класса и художественной интеллигенции не обнаруживалось.

Традиционные шефские концерты, встречи с интересными людьми, эпизодические посещения заводчанами театров и концертных залов — все это было хорошо известно с 1920-х годов. «Развитой социализм» требовал принципиально новых форм и содержания общественного движения. Социальное явление следовало моделировать. Поэтому партийные органы раз за разом акцентировали внимание именно на «взаимовыгодности» содружества, главным образом подчеркивая усиление идеологического воздействия рабочего класса на интеллигенцию и на ее творчество. Известно, что по особому указанию отдела пропаганды ЦК КПСС в изучаемый период творческие союзы стали делать акцент на «производственной тематике» ²⁰. 23 октября 1969 г. на бюро Ленинградского горкома КПСС ставилась задача «разъяснить каждому художнику политическое значение этого содружества». На февральском 1969 г. пленуме Обкома партии расточник завода «Вибратор» В. Архипов говорил о большой задолженности перед рабочими ленинградских деятелей искусств, которые не часто обращались к заводской теме ²¹. Подразумевалось, что долги следовало возвращать.

Любая утвержденная «сверху» кампания в СССР становилась важнейшим партийным делом. По сложившемуся регламенту региональные парткомы ставили ход каждой из них «на контроль» и периодически обращались к рассмотрению состояния дел. Первые итоги

развития движения «Союз труда и искусства» были подведены 16 марта 1971 г. на бюро Ленинградского обкома КПСС. Члены бюро рассуждали о «слабом вникании» творческих работников в жизнь коллективов фабрик и заводов и сокрушались по поводу того, что содружество заводчан и деятелей культуры «пока еще не привело к появлению масштабных произведений о рабочем классе». Деятелям искусства было предложено активно и широко использовать длительные творческие командировки на передовые предприятия для создания произведений на рабочую тему²². Ленинградский опыт рассматривался в ЦК КПСС, принявшем 2 августа 1972 г. постановление «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», в котором предписывалось мастерам культуры уделять больше внимания происходившим в рабочем классе социальным изменениям²³.

Судя по воспоминаниям возглавлявшего в изучаемый период ленинградскую писательскую организацию Гранина, он в 1970-е гг. со скептицизмом относился ко всякого рода кампаниям, стараясь руководствоваться «простейшей заповедью... меньше отрывать писателей от стола»²⁴. Общественно-политические кампании в сфере искусства плохо сочетались с подлинно творческим процессом, хотя повторялись раз за разом. Так, на традиционной осенней выставке 1975 г. в зале Ленинградского отделения Союза художников РСФСР из 1700 новых картин и скульптур сюжеты 400 были связаны с жизнью Кировского завода, с которым ЛОСХ заключило соответствующий договор²⁵.

Для талантливых мастеров культуры навязываемая им идеологема отнюдь не стала осознанным выбором. В частности, руководитель Академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии Е.А. Мравинский, в 1970-е гг. (как видно из опубликованных в 2004 г. его дневников) весьма скептически высказывался в адрес «его величества... рабочего класса»²⁶. Через несколько лет после крушения «зрелого социализма» Р.С. Агамирзян (руководитель Драматического театра им. В.Ф. Комиссаржевской) сокрушался по поводу попыток приравнять театр к фабрике: «на завод, — говорил он в мае 1990 г. в интервью «Ленинградской правде», — можно бросить ресурсы... выпустить больше какой-то продукции, сделать ее лучше. В театре это невозможно. Рождение личностей никакими способами не убыстрить»²⁷. Создатель имевшего в 1970-е гг. заслуженный успех спектакля «Премия» Г.А. Товстоногов отмечал, что «мы не можем предъявить производственной драматургии претензии с позиций эстетики Чехова или Достоевского, надо судить по ее законам, а это законы публицистические»²⁸.

Неотъемлемым элементом всевозможных казенных кампаний советского времени было закрепление взаимных социалистических обязательств их участников в специальных договорах. Между крупными предприятиями и городскими отделениями творческих союзов (в том числе и Ленинградским цирком) стали подписываться перспективные (сначала двух-, трехлетние, а с середины 1970-х гг. пятилетние) договоры о сотрудничестве. Они торжественно утверждались на совместных совещаниях представителей дирекций, партийной, профсоюзной, комсомольской организаций творческих коллективов и заводов²⁹. Рабочие обязывались повышать производительность труда, а также «принимать активное участие в выявлении лучших поста-

новок, коллективов, исполнителей». При этом договоры предусматривали развертывание деятелями культуры на предприятиях пропаганды советских художественных произведений.

Передвижные выставки, организация лекториев, выступления мастеров культуры в цехах и заводских клубах — все это играло немалую роль в повышении культурного уровня трудящихся, их социализации. В данном отношении подписание и выполнение договоров приносило пользу. Однако культурно-просветительную работу творческие организации могли развернуть и без всякого идеологического ажиотажа вокруг содружества «труда и искусства». Между тем, партийные организаторы явно преувеличивали готовность и способность советских трудящихся (нередко и свою собственную) к эстетическому анализу произведений искусства. В своих воспоминаниях Гранин приводил выразительный факт. Один из секретарей обкома, убеждая Даниила Александровича написать роман на производственную тему, искренне сокрушался по поводу того, что лишь отсутствие времени не позволяет ему самому сочинить такой роман ³⁰. Разница между художественным творчеством и технологическим циклом стиралась. Позиция организаторов изучаемого движения в отношении искусства отличалась явной амбивалентностью.

Ленинградским обкомом партии образовывались комиссии по контролю за выполнением договоров содружества. На крупных предприятиях создавались группы и комитеты по связям с деятелями искусства; им придавался высокий статус, а руководили ими секретари парткомов или заместители директоров. Энергичные усилия парткомов не позволяли движению затухнуть. Так, в декабре 1973 г. комиссия обкома партии пришла к выводу о том, что по вине кинематографистов связи с рабочими налаживались медленно, что планы содружества не составлялись, в худсоветы студий труженики предприятий не входили. В итоге уже в январе 1974 г. состоялась первая крупная встреча представителей завода «Красная заря» с работниками Ленинградской студии документальных фильмов ³¹.

Ход советских общественно-политических кампаний можно представить в виде волнообразного движения. Подъем обнаруживался тогда, когда внимание партийных структур в очередной раз целиком сосредоточивалось на кампании. Изобретался периодически повторяющийся ритуал. Применительно к движению «Союз труда и искусства» поводом для активизации партийных усилий становилось регулярное проведение так называемых смотров-конкурсов. В соответствии с договорами о содружестве, они проводились в 1970—1982 гг. шесть раз — каждые два года. Идеологическая направленность доминировала. Проходили смотры под рефреном «Наш современник — строитель коммунизма».

В ходе смотров-конкурсов в заводских клубах и в кинотеатрах Ленинграда демонстрировались новые кинофильмы, спектакли ленинградских режиссеров. Прочными были связи между кинематографистами и работниками Ленинградского металлического и Ижорского машиностроительного заводов. Размах содружества объяснялся в частности тем, что крупнейшие предприятия шли на значительные траты. Так, в ноябре-декабре 1975 г. 4 тыс. ижорских производственников были доставлены на заводских автобусах в Дом кино; в кино-

центре «Ленинград» в 1978 г. в ходе четвертого смотра-конкурса в организованном порядке побывало до 25 тыс. турбостроителей³². На серьезные траты шли и творческие коллективы: например, на некоторых специально предназначенных для заводчан спектаклях билеты были бесплатными³³.

Проблема денежного вознаграждения деятелей культуры, принимавших участие в движении «Союз труда и искусства», стояла очень остро. Она рассматривалась на заседании Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества 28 января 1970 года. Присутствовавшие представители Горкома КПСС тогда настаивали на отказе артистов от оплаты за участие в спектаклях для производственников. Такая жертвенность выглядела бы чрезвычайно выигрышно в условиях «развитого социализма». Между тем, тогда творческие работники согласились лишь в редких случаях поступиться заработком, причитавшимся за так называемые «шефские спектакли»³⁴.

«Союз труда и искусства» представлял собой отнюдь не дешевый проект. Как представляется, по согласованию с партийными органами (или под их давлением) администрации заводов выделяли средства из каких-то своих фондов. Соответствующих бухгалтерских статей расходов не предусматривалось. Мастера искусств давали спектакли для заводчан, а заводские строительные бригады ремонтировали театральные помещения. Творческие работники организовывали кинолекторий в Доме культуры Ижорского завода, зато цеха этого предприятия служили декорациями для съемок фильма «Ижорский батальон»³⁵. Жизнь брала свое, и участники движения пытались направить его в утилитарную сторону. Дирекции театров использовали «союз труда и искусства» для продажи билетов в заводских цехах и повышения заполняемости своих залов. Ленинградская писательская организация устроила при комитете ВЛКСМ Невского машиностроительного завода им. В.И. Ленина «народный книжный магазин» и только в 1975 г. продала в нем книг на сумму 16 тыс. рублей³⁶.

Как видим, время от времени взаимные контакты деятелей культуры и производственников приобретали «бартерную» форму. В большинстве случаев крупные материальные затраты, потери рабочего времени никак экономически объяснены и обоснованы быть не могли. Затраты определялись идеологией.

Пропагандистский ажиотаж сопровождал в частности и создание оргкомитетов конкурсов, в которые на паритетных началах входили, с одной стороны, члены творческих союзов, а, с другой, — известные представители рабочих коллективов — общественные деятели, герои социалистического труда. Среди заводчан проводили анкетирование. Сотни производственников ставили свои отметки произведениям искусства — «очень хорошо», «хорошо», «посредственно», «плохо»³⁷. Результаты анкетирования учитывались при подведении итогов конкурсов. Вне конкуренции неизменно оказывались произведения, в названии которых стояло «Ильич» или «Ленин».

Авангардную роль и назидательную функцию рабочего класса был призван продемонстрировать критически-заинтересованный настрой его представителей в отношении творений мастеров искусства. Например, приветствовалось, когда в анкетах ставили «средне». На первом смотре-конкурсе работники Ленинградского металлического

завода порицали создателей спектакля «Село Степанчиково и его обитатели» из Академического театра комедии имени Н.П. Акимова за излишнюю усложненность сценического действия. Драматический театр им. А.С. Пушкина критиковали за «скучную назидательность» постановки пьесы К. Гоцци «Зеленая птичка». В 1980 г. на пятом смотре-конкурсе председатель заводского жюри, токарь-расточник Ижорского завода И. Семёнов после просмотра кинофильмов говорил о слабом «эмоциональном воздействии представленных кинокартин»³⁸. Газеты сообщали о том, как правы оказывались заводчане, отмечавшие недостатки творческой деятельности партнеров по содружеству³⁹. Примечательно, что, судя по материалам протоколов, на творческих встречах обсуждались довольно банальные темы. Так, в ходе второго смотра-конкурса на состоявшейся на Невском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина встрече производственников и писателей при обсуждении романа А. Минчковского «Дождь летней ночью» дискутировался вопрос — целесообразно ли изображать на страницах литературных произведений отрицательных героев.

Однако по мере роста масштабов движения его культурно-просветительная функция проявлялась отчетливей. Становились более разнообразными формы приобщения заводчан к художественной культуре. Так, о посещениях спектаклей Театра оперы и балета имени С.М. Кирова старший мастер Ленинградского адмиралтейского завода В. Алфёров говорил: «Вот когда мы бываем в театре у наших шефов, в Кировском, к нам в антракте выходят артисты. С ними можно побеседовать, поговорить. И спектакль уже смотришь другими глазами»⁴⁰. После просмотра 18 апреля 1970 г. в Доме кино художественного фильма «Вириная» исполнительнице главной роли Л. Чурсиной присвоили звание ударника коммунистического труда и зачислили ее в качестве почетного члена в коллектив кузнечно-прессового цеха Ижорского завода⁴¹.

Художник М.П. Труфанов делал наброски своих картин прямо в цехах Кировского завода. «Человек лучше и ярче всего раскрывается в труде, в своем любимом деле, — рассказывал Михаил Павлович. — Вот и ловишь его часами, днями, а то и месяцами за этим делом, присматриваешься, вникаешь, стараешься верно уловить то главное, существенное, чем он живет... Тянет меня на Кировский»⁴². Абсолютно искренним был народный артист СССР Б.А. Штоколов, когда вдохновенно рассказывал о своем выступлении на Ленинградском адмиралтейском объединении. Вот его слова: «Приехали мы в обеденный перерыв на завод. Прямо в цехе, длиною, наверное, с километр, из огромных листов стали соорудили сцену и я пел. Кажется, никогда так не старался и как же был рад, когда крепкие рабочие руки дарили мне аплодисменты»⁴³.

И вместе с тем, нередко творческим работникам волей-неволей приходилось становиться участниками конъюнктурных идеологических акций. В частности, после того, как на XXIV съезде КПСС «содружество» получило высокую оценку, мастера культуры и заводчане принялись организовывать совместные конференции на тему «XXIV съезд КПСС о задачах советского искусства в борьбе с буржуазной идеологией»⁴⁴. В искренности участников подобных мероприятий можно усомниться.

Тем не менее, партийные структуры предпринимали попытки сделать изучаемое движение составной частью бюрократической идео-

логической системы. Как известно, право на зарубежные гастроли получали политически лояльные деятели культуры ⁴⁵. Лояльность следовало доказывать, в том числе активным участием в движении «Союз труда и искусства». Перед гастролями артисты приезжали на предприятия, заслушивали напутствия заводских партийных комитетов, выступали с бесплатными концертами ⁴⁶. Формально-чиновничий подход к организации движения мало совмещался с его творческим содержанием, лишал деятелей искусств заинтересованности в налаживании тесных контактов с заводчанами. Любая бюрократическая кампания, не подпитываемаясь инициативой снизу, рано или поздно теряет свою значимость для чиновников и сходит на нет. Так и произошло с движением «Союз труда и искусства». О нем забыли после смерти Брежнева — организатора и проводника проекта общества «развитого социализма».

Связанная с серьезными материальными издержками и организационными усилиями общественно-политическая кампания была направлена, в конечном счете, на достижение надуманной идеологической цели. Такая кампания представляла собой неудачную попытку ответить на актуальные внутри- и внешнеполитические вызовы и в то же время оказалась способом реализации социально-реконструктивного проекта. Однако моделировать новые общественные отношения партийному руководству было уже не по силам (сталинские годы и методы остались в далеком прошлом) и в масштабном и дорогом проекте преобладала декларативная сторона.

Движение «Союз труда и искусства» в полной мере воплотило социальное противоречие. С одной стороны, необычность заводской обстановки, в которой происходило общение деятелей культуры с заинтересованными производственниками, нередко создавала вдохновляющую творческих людей атмосферу. Кроме того, движение обладало и немалым просветительским потенциалом, знакомя рабочих с достижениями художественной интеллигенции. С другой стороны, заорганизованность, ставшая атрибутом партийно-идеологических кампаний, разочаровывала мастеров искусств и заводчан, лишала союз его вдохновляющей функции.

Примечания

1. ПИХОЯ Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985. М. 2007, с. 573.
2. Культурная политика России. История и современность. М. 1996, с. 42
3. Например, соратница В.И. Ленина М.М. Эссен подчеркивала, что для вождя ценность представляла в основном идейная направленность художественного творчества. См.: ЭССЕН М. Встречи с Лениным. М. 1968, с. 21.
4. ЖИЛИНА В.А. Идеология: новый взгляд. Новосибирск. 2009, с. 7.
5. БРЕЖНЕВ Л.И. 50 лет великих побед социализма. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного совета СССР и Верховного совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов. 3 ноября 1967 года. М. 1967, с. 37, 39—40, 61.
6. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973—1978. Документы. Т. 2. 1977—1978. М. 2012, с. 304—305, 307, 364.
7. Многие десятки писем деятелей культуры и делопроизводственных текстов, опубликованных в фундаментальных сборниках документов «Аппарат ЦК КПСС и

- культура» (2009, 2011, 2012) с неопровержимостью свидетельствуют о нарастании в 1960-е — 1970-е гг. разлада в среде художественной интеллигенции, а также об углублении разногласий между все более многочисленными ее представителями и властью.
8. ДОЛИНИН В., СЕВЕРЮХИН В. Преодоление немоты. Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения. 1953—1991. СПб. 2003, с. 64.
 9. ФЕДУЛОВ А. Неофициальная культура в СССР во второй половине 1960-х—1980-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Волгоград. 2010, с. 17.
 10. Аппарат ЦК КПС и культура. 1973—1978. Документы. Т. 1. 1973—1976. М. 2011, с. 353—354.
 11. РАСКАТОВА Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 2011, с. 8.
 12. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.), ф. 257, оп. 24, д. 295, л. 3.
 13. Материалы XXIV съезда КПСС. М. 1971, с. 207.
 14. О подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Постановление ЦК КПСС от 23 июля 1968 года. В кн.: КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М. 1972, с. 465.
 15. Пятый съезд писателей РСФСР. Стенографический отчет. М. 1980, с. 31.
 16. Ленинградская правда. 11.IX.1968.
 17. Вечерний Ленинград. 11.IX.1968; ЦГАЛИ СПб., ф. 381, оп. 1, д. 601, л. 12.
 18. Ленинградская правда. 13, 20.IX.1968.
 19. ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 2, д. 40, л. 2, 3, 5.
 20. СОКОЛОВ К.Б. Художественная культура и власть в постсталинской России (1953—1985 гг.). СПб. 2007, с. 250.
 21. Рабочий класс СССР на современном этапе. Л. 1973, с. 149; Ленинградская правда. 7.II.1969.
 22. Ленинградская правда. 20.III.1971.
 23. Об идеологической работе КПСС. Сб. документов. М. 1983, с. 409.
 24. ГРАНИН Д. Все было не совсем так. М. 2013, с. 123.
 25. ЦГАЛИ СПб., ф. 342, оп. 2, д. 887, л. 4.
 26. МРАВинский Е. Записки на память. Дневники. 1918—1987. СПб. 2004, с. 377—380, 385, 449.
 27. АГАМИРЗЯН Р. «Моя профессия — театр!». Статьи. Заметки. Интервью. 60—80-е годы XX века. М. 2002, с. 329.
 28. Цит. по: СТАРОСЕЛЬСКАЯ Н. Товстоногов. М. 2004, с. 295.
 29. Электросила. 4.I.1979.
 30. ГРАНИН Д. Ук. соч., с. 213.
 31. ЦГАЛИ СПб., ф. 183, оп. 1, д. 228, л. 1.
 32. Ижорец. 19.XII.1975; Материалы о работе Союза кинематографистов между II и III съездами (1971—1976 гг.). М. 1976, с. 155—156; Турбостроитель, 26.V.1978, 26.I.1979.
 33. ЦГА СПб., ф. 9510, оп. 3, д. 360, л. 91.
 34. Там же, ф. 381, оп. 1, д. 649, л. 5.
 35. Ленинградский рабочий. 12.VIII.1978; Труд. 20.VIII.1971; Ижорец. 10.XI.1971.
 36. ЦГАЛИ СПб., ф. 183, оп. 1, д. 103, л. 9; ф. 381, оп. 1, д. 601, л. 3.
 37. Балтиец. 22.X.1972; ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 2, д. 159, л. 4; д. 292, л. 26.
 38. БЕЛОВ Б.А. Турбостроители. Л. 1977, с. 278; ЦГАЛИ СПб., ф. 264, оп. 5, д. 109, л. 5; Кадр. 18.IV.1980; Советская культура. 3.V.1977.
 39. Ленинградский рабочий. 17.X.1977.
 40. Там же. 19.XI.1977.
 41. Кадр. 28.IV, 15.X.1970.
 42. Вечерний Ленинград. 12.XI.1969.
 43. Музыкальная жизнь. 1976, № 13, с. 16.
 44. Материалы XXIV съезда КПСС, с. 207; ЕЖОВ В.А. Рабочий класс СССР. Л. 1974, с. 264.
 45. Автографы в антракте. СПб.-Н.-Й. 2001, с. 30.
 46. ЦГАЛИ СПб., ф. 337, оп. 4, д. 69, л. 22, 23; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 9510, оп. 3, д. 360, л. 91.

Время «оттепели» 1953—1964 гг. как эпоха дворцовых переворотов

Д.Н. Конышев

Аннотация. Данная публикация представляет собой попытку рассмотрения основных событий политической борьбы внутри советской правящей элиты в период «оттепели» 1953—1964 гг. в сравнении с событиями «дворцовых переворотов» 1825—1862 годов. Ключевым звеном выступает советская политическая система и необходимость в единоличном вожде в условиях невозможности подготовки и назначения преемника в последние годы жизни И.В. Сталина. Основным политическим итогом периода выступает приближение высшей власти и советского лидера к народу.

Ключевые слова: политическая борьба, смерть Сталина, «оттепель», коллективное руководство, правящая элита, причины реформ.

Abstract. Given work represents attempt of consideration of the basic events of political strike in the Soviet ruling elite in «thaw» 1953-1964 in comparison with events of «palace revolutions» 1825-1862 the Key link the Soviet political system and necessity for the individual leader in the conditions of impossibility of preparation and successor appointment in the last years of life I.V. Stalin acts. As the basic political result of the period approach of the higher authority and the Soviet leader to the people acts.

Key words: political strike, Stalin's death, «thaw», collective leadership, ruling elite, the reasons of reforms.

В октябре 1964 г. был смещен со своих должностей и отстранен от власти Никита Сергеевич Хрущёв — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР. Сама отставка стала возможной в результате заговора ближайшего окружения советского лидера. Опубликованные сегодня документы дают непосредственное представление о происходивших событиях, их инициаторах, поведении участников ¹. Механизм политической борьбы в 1953—1964 гг. раскрывается в трудах А.В. Пыжикова ², Р.Г. Пихои ³, Е.Ю. Зубковой ⁴, Д.А. Ванюкова ⁵.

Конышев Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: Denis-Konyshov@mail.ru.

Konyshov Denis N. — candidate of historical sciences, associate professor, head of chair at the RANEPА (branch in the city of Kirov). E-mail: Denis-Konyshov@mail.ru.

Рассматривая хронологию событий 1953—1964 гг., нельзя не заметить один момент — постоянное соперничество узкого круга государственных деятелей в отсутствие законного полноправного лидера, сопоставимого по масштабу с личностью Сталина. Пережившие вождя соратники в марте 1953 г. по определению не могли с ним соперничать. Выстроенная Сталиным властная вертикаль не предполагала наследника при живом вожде.

Поэтому получился разительный контраст между ушедшим вождем и «коллективным руководством», сформированным из подчас не самых образованных и способных людей. Период 1953—1964 гг. характеризовался рядом «дворцовых переворотов» за утверждение лидерства: в 1953 г. устранили Л.П. Берия, в 1955 г. пост Председателя Совета Министров СССР покинул Г.М. Маленков, в 1957 г. в результате неудавшейся попытки выступления против Хрущёва произошёл закат карьеры его оппонентов: В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Маленкова, Д.Т. Шепилова. Своеобразным итогом «оттепели» стал октябрь 1964 г. и смещение самого Хрущёва.

Невольно возникает чувство, что подобные события по борьбе за власть после ухода с арены политического лидера большого масштаба уже были в российской истории — в XVIII в. после смерти Петра I разразилась эпоха «дворцовых переворотов». Безусловно, Советский Союз XX в. и Российская империя XVIII в. далеко не одно и то же: они представляют собой принципиально разные государства, существовавшие в разные эпохи. Общими же моментами в политической истории «оттепели» и «дворцовых переворотов» могут считаться наличие колоссальной власти в руках Петра I и Сталина, отсутствие подготовленного преемника, дележ власти узкой группой лиц после смерти вождя, невозможность конкурировать ни одному из наследников с ушедшим лидером по личностным качествам и восприятию в народе. Наконец, и там и там существовала опора на армию и государственный аппарат как главный и последний аргумент законности властных притязаний той или иной фигуры — вот аналогии, которые невольно напрашиваются.

Данная публикация представляет собой попытку рассмотрения периода «оттепели» 1953—1964 гг. как череды «кремлевских» переворотов, сопоставимых с событиями в России XVIII века. Сам термин «дворцовый переворот», прочно вошедший в отечественную историческую науку, использовался уже в трудах дореволюционных историков⁶. Как в научных публикациях, так и в публицистической литературе можно найти различные определения этого термина. Общим является, пожалуй, то, что это событие связано с насильственной сменой правителя с опорой на госаппарат и армию при сохранении существующей политической системы.

Дворцовый переворот XVIII в. — это смена главы государства или определявших его политику лиц при незыблемости политической, экономической и социальной структур в целом. Смена проходила относительно бескровно — кроме императора и самых близких ему лиц никто не лишился жизни. Возможен был вариант, когда при сохранении престола за тем же самым царем кардинально менялся расклад сил вокруг него (опала Меншикова при Петре II или свержение Бирона при младенце Иване Антоновиче). В то же время, при

смене монарха менялась расстановка политических сил вокруг престола, иногда кардинально.

Переворот как попытка смены правителя не всегда был удачен. Кроме элемента случайности, определявшего расклад политических сил, а вместе с тем и сам ход русской истории, удача или провал переворота зависели от личностей свергаемого и восходящего императоров, от того, насколько существующий царь надоел обществу, прежде всего гвардии или дворянам. В период «оттепели» неудавшимся переворотом можно считать июньский 1957 г. Пленум ЦК КПСС и попытку смещения Хрущёва.

Любой из воцарившихся в результате переворота на престол царей XVIII столетия нуждался в утверждении своей власти, чувствовал опеку, подчас достаточно плотную, лиц и слоев, снискавших ему корону.

Как известно, история повторяется, развивается циклично и обладает определенными закономерностями. При желании в российской истории можно найти схожее развитие событий, схожие обстоятельства, наконец, схожих по судьбе исторических личностей. Не будем детально приводить все существующие в этой области науки теории, сошлемся на А.Н. Сахарова: «Если пристальнее посмотреть в прошлое нашей страны, то можно без большой доли натяжки сказать: а ведь все это было. Конечно, в иных общественных условиях, в иных персональных обличьях, но — было. В основе этой похожести лежит общая, многовековая история страны, где из столетия в столетие схожи были параметры социально-экономического, политического, культурного развития (эти параметры и сегодня никуда не исчезли), где много общих черт имели проводившиеся страной войны, где народные бунты, восстания, революции оказывались на удивление близкими по духу, а реформы из десятилетия в десятилетие также обладали немалым числом сходных общественных характеристик»⁷.

В 1725 г. решительно действовал Меншиков, в 1953 г. — Хрущёв. В конечном итоге свергли и того, и другого, подвергнув остракизму. После Петра и Сталина продолжала работать созданная ими система, выносившая наверх далеко не самых подходящих царей и лидеров коммунистической партии, отличавшихся меньшим масштабом своей личности.

Пётр либо не собирался уходить так рано, либо просто не решился взять на себя ответственность по собственному Указу о престолонаследии. Уход Сталина также явился в определенной мере внезапным, несмотря на его заверения о необходимости освободить его от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя СМ СССР в октябре 1952 г. в силу возраста.

И Пётр, и Сталин прежде всего думали о процветании государства как такового, а не о судьбах отдельных людей. По мнению Г.В. Вернадского, «первой заботой Петра I было благо, и не столько для русского народа, сколько — для государства»⁸. При этом образ Петра в общественном сознании закрепился как образ реформатора. Личность же Сталина не воспринимается реформаторской, хотя изменения в государстве за 30 лет его руководства были колоссальны — по сути, в 1953 г. Советский Союз стал принципиально иным, новым государством в сфере экономики, политики, культуры, идеологии. Однако репрессии и жестокость политического режима зачастую зат-

мевают в исторической памяти преобразовательную деятельность Сталина.

Царская власть XVIII в. в России предполагалась как полностью единоличная. Коллективной монархии быть не могло по определению, тем более, учитывая личность Петра Великого. Управленческая элита рекрутировалась Петром, при этом в ходе реформ были отвергнуты прежние критерии и традиции отбора: сословная принадлежность, заслуги предков. При назначении на должность все решал сам император. При Сталине также была выстроена новая система социальной мобилизации через партию и подконтрольные ей учреждения. По мнению исследователей, «не один страх способствовал эффективности системы, но ее жизнеспособность связана была с одной фигурой — Вождя»⁹.

После ухода с арены Сталина и Петра I на вершине власти образовался своеобразный политический вакуум, занять который сразу не мог никто. К моменту смерти Сталина абсолютного единства в высших партийных кругах не было, что подтверждал сам вождь. Так, после XIX съезда КПСС в октябре 1952 г. он говорил: «... может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями»¹⁰.

Новому вождю, пусть даже в составе коллективного руководства, требовалось утверждение своих прав на власть. По мнению Ванюкова, «чтобы победить, новый лидер должен был в определенной степени стать “новым Сталиным”; чтобы двигать страну вперед, он же должен был радикально отринуть сталинское политическое наследие»¹¹.

Как после Петра Великого «пигмеи делили наследие великана», так и после смерти Сталина его соратники кинулись делить посты и подозревать друг друга в интригах еще у постели умирающего вождя. В 1953 г. судьбу страны определяли лица ближайшего окружения Сталина, а в 1964 г. — окружения Хрущёва. Незамедлительное начало борьбы за власть в марте 1953 г. Пыжиков объясняет существованием уже сформированных основных сил, имевших свои четко выраженные политические интересы, образование которых произошло в последние годы жизни Сталина и поощрялось «вождем», широко практиковавшим систему сраживания и прямого столкновения различных аппаратных сил¹².

Людей, выдвинутых на первые роли в государстве ее отцом, С.И. Аллилуева сравнила с мальчишками, оставшимися без надзирателя: «Вынутое из чехла знамя свободы вдруг затрепетало у всех над головой, и “вожди”, как мальчишки в классе, оставшемся без надзирателя, бросились вырывать это знамя друг у друга, чтобы завладеть им и кулаками оттеснить остальных. Каждый хотел стать Великим Освободителем»¹³.

Дж. Стейнбек, оказавшийся в Советском Союзе в 1947 г., отмечал внешнюю сторону обожествления Сталина и в его лице высшей власти: «Все в Советском Союзе происходит под пристальным взглядом гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока. Его портрет висит не то что в каждом музее — в каждом зале музея. Его статуи установлены на фасаде каждого общественного здания. А его бюст — перед всеми аэропортами, железнодорожными вокзалами и автобусными станциями... Мы разговаривали об этом с не-

которыми русскими и получили разные ответы. Один ответ заключался в том, что русский народ привык к изображениям царя и царской семьи, а когда царя свергли, то необходимо было чем-то его заменить. Другие говорили, что поклонение иконе — это свойство русской души, а эти портреты и являются такой иконой. А третьи — что русские так любят Сталина, что хотят, чтобы он существовал вечно. Четвертые говорили, что самому Сталину это не нравится, и он просил, чтобы это прекратили. Но нам казалось, что то что не нравится Сталину, исчезает мгновенно, а это явление, наоборот, приобретает все более широкий размах»¹⁴.

От нового монарха зависела новая программа реформ, «новый царь — новые надежды». Советская действительность в сфере восприятия власти к 1950-м гг. в чем-то основывалась на дореволюционных традициях. По мнению Е.Ю. Зубковой, «советская ментальность впитала в себя расхожие стереотипы (образы) власти, которые существовали в массовом сознании на протяжении столетий. Нетрудно отметить, что в массовом сознании середины XX века присутствуют главные признаки сакрализации власти. При этом властный спектр четко делится на власть верховную и местную. Местная власть не пользуется никаким доверием народа, поскольку “там правды не найдешь”. Единственный источник правды и справедливости — власть верховная, причем обязательно персонифицированная: раньше апеллировали к царю, теперь к Сталину или, по крайней мере, его ближайшему окружению. В этих представлениях ясно различимы отголоски народного монархизма и утопических легенд о царе-“избавителе”, единственном заступнике за народ»¹⁵.

Приход к власти Хрущёва представляется закономерным-случайным. Ф.М. Бурлацкий так отмечал роль Сталина в его продвижении: «Сам Сталин, поднимая его с одной ступеньки на другую, невольно подготовил почву для возвышения Хрущёва... В этом смысле приход Хрущёва был закономерным. Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столкнулся с Берией, если бы “сталинская гвардия” сплотилась в 1953 году, а не в июне 1957 года, не быть бы Хрущёву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу... на самом деле все висело на волоске»¹⁶.

Произошедшие в 1953—1964 гг. в стране изменения помимо объективных причин были средством утверждения легитимности власти политического лидера. Критикуя предшественника, Хрущёв должен был превосходить его в глазах общества. Как сказал Шепилов относительно работы Первого секретаря, «для своего общественного признания она должна была, во всяком случае, дать не меньшие и не худшие плоды, чем реформаторская деятельность Сталина. Ты доволен, ты гневаешься! Ты клеймишь прошлое, ты втаптываешь в грязь Сталина — ну, что ж, покажи, на что ты сам способен. И показать это нужно было не на словах, а на деле»¹⁷.

В советской системе, начиная с 1920-х гг., утвердился механизм постепенного закрепления лидера у власти путем интриг, смещения оппонентов, продвижения собственных политических взглядов как единственно правильных.

В отличие от демократического всенародного избрания нового лидера, получающего мандат непосредственно от народа, до опреде-

ленного этапа карьера советского управленца зависела от вышестоящего руководителя, а с определенного момента — от позиции ближайших соратников.

Наконец, еще одно сходство действий сталинской и петровской элиты, как уже отмечалось, — опора на армию. В.О. Ключевский писал: «Дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка. Одна черта, яркой нитью проходящая через весь ряд этих переворотов, общала им такое значение. Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия, привилегированная часть созданной Петром регулярной армии... Ни одна почти смена на русском престоле в означенный промежуток времени не обошлась без участия гвардии; можно сказать, что гвардия делала правительства, чередовавшиеся у нас в эти 37 лет...»¹⁸ Но все же в советской политической системе ключевым слоем, определявшим кандидатуру политического лидера более 30 лет, — с 1953 по 1985 гг. — станет партийная номенклатура, контролирующая все через партийные организации.

Творцом советской политической системы был В.И. Ленин. Именно он установил важнейшую особенность политического лидерства страны советов: вождь не готовит себе преемника. В своем «Письме к съезду», которое часть историков считает политическим завещанием Ленина, он дает критические характеристики своим ближайшим соратникам: Сталину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, Пятакову¹⁹. Новых имен он не называет. При этом нет ответа на вполне уместный при болезни Ленина вопрос: кто является подходящим преемником? Утверждая о стремлении предотвратить раскол, Ленин его провоцирует.

Аналогична ленинской логике на закате жизни и логика Сталина. В последние годы он дискредитирует своих ближайших соратников: Маленкова, Молотова, Берия. Да и сами соратники понимают, что попытка стать сталинским наследником опасна для жизни.

Никто не мог объявить себя преемником и после смерти Сталина, о чем свидетельствовал Маленков в июле 1953 г.: «Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника»²⁰.

И Ленин, и Сталин в последние месяцы жизни считали необходимым расширение состава ЦК — по сути главного правящего органа. Так, Ленин отмечал: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни... такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения сил. Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств... Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз»²¹. Лю-

бопытно, что и Ленин, и Сталин расширение состава ЦК рассматривали как средство обучения руководящих кадров. Сталин объяснял: «Для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди. Политические деятели. А что значит вырастить политического государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля»²². При этом государственный деятель в такой трактовке не равен вождю советской системы. Что касается народных масс, то и в XVIII в., и в 1945—1964 гг. они были изолированы от принятия решения о главе государства и партии, им только сообщалось о результатах «схватки бульдогов под ковром».

После смерти «великана» 5 марта 1953 г. его наследники приступили к дележу наследства. Установилось коллективное руководство, основными фигурами которого стали Хрущёв, Маленков, Берия. Именно эти лица обладали реальной опорой: за Берией были силовые ведомства, за Маленковым — правительство, Хрущёв как первый секретарь Московского обкома мог рассчитывать на партийный аппарат. Позиции каждого из них на старте были далеко не бесспорны: Берия вызывал опасение у большинства соратников, кроме того, был скомпрометирован «мингрельским делом», Маленков находился в сталинской опале в 1946 г. и был замешан в «ленинградском деле», Хрущёв же не воспринимался всерьез и после войны был вновь возвращен в Москву гораздо позднее своих соперников — в декабре 1949 года. Еще ряд лиц, близких Сталину в последние годы его жизни, не могли реально претендовать на власть: Молотов попал в опалу из-за излишней самостоятельности в отношениях с западной прессой и ареста его жены Жемчужиной, Н.А. Вознесенский был расстрелян, Н.А. Булганин, карьера которого к 1953 г. шла в гору, не имел под собой достаточной опоры: будучи министром вооруженных сил СССР, он не обладал таким авторитетом в армии, как полководцы Великой Отечественной войны. С 1949 г. Булганин был заместителем председателя Совмина и с 1952 г. — членом Президиума ЦК, но, по мнению Пихои, «занимал в Кремле сравнительно автономное положение»²³, что может свидетельствовать об отсутствии у него опоры. Каганович, с 1952 г. занимавший должность члена Президиума ЦК, к 1953 г. не входил в ближний круг Сталина, что несколько дистанцировало его от высшей власти.

Преимуществом Хрущёва на старте можно считать то, что изначально в глазах соратников он вызывал меньшие подозрения в стремлении к власти, несмотря на контроль за партийным аппаратом, которому через системы партийных организаций в конечном итоге подчинялись все остальные — армия, правительство, МВД.

Успех каждого в политической схватке был возможен только за счет поражения других. И чем более влиятельной и перспективной считалась политическая фигура, тем быстрее происходило объединение против нее. Как соратники Петра сплотились против Меншикова, так коллективное руководство устранило в первую очередь Берия как наиболее влиятельную и опасную фигуру.

В 1953 г. помимо личных амбиций за ним была реальная сила — войска МВД. У проигравших в политической борьбе не было шансов остаться во власти. Чем опаснее был конкурент, тем быстрее и жестче происходило избавление от него. Так, Берия по сути признали виновным еще до начала суда, лишив всех полномочий и объявив преступником Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1953 года²⁴. После издания данного документа последующий суд был заведомой формальностью. По мнению М. Добсон, «арест Берии стал ключевым для понимания происходящих в стране перемен. Нашелся козел отпущения, виновный во всех неурядицах последних четырех месяцев. Берия изображали врагом страшным, на которого можно было возложить вину за многие беды, начиная от смерти Сталина в марте и до освобождения кремлевских врачей и указа об амнистии»²⁵. По мнению сына Хрущёва, «в день ареста Берии началась эра его отца, где главенство обозначилось сразу»²⁶. Свержение Берии укрепило позиции остальных — одним конкурентом стало меньше.

Следующим опале подвергся Маленков, который представлялся наиболее влиятельным конкурентом не только Хрущёву, но и остальным членам правящей элиты. 31 января 1955 г. было издано Постановление Пленума ЦК КПСС «О тов. Маленкове Г.М.», в котором отмечалось, что «... не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, тов. Маленков плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета Министров. При рассмотрении многих острых вопросов тов. Маленков проявляет нерешительность, не занимая определенной позиции. Эти недостатки деловых качеств у тов. Маленкова крайне отрицательно сказываются на работе Совета Министров»²⁷. Решением пленума Маленков был освобожден от обязанностей председателя СМ СССР.

В лучших традициях сталинских методов Маленков был обвинен во всевозможных грехах: «близкие отношения в течение длительного времени с провокатором Берия», отставание сельского хозяйства, отсутствие необходимых деловых и политических качеств, очковтирательство, отсутствие заботы о партии и народе²⁸.

18 февраля на Пленуме ЦК КП Украины Хрущёв продолжил критику Маленкова: «Я лично тов. Маленкова знаю больше 20 лет, хорошо знал его недостатки, эти недостатки знал и тов. Сталин. Тов. Сталин несколько раз и мне, и другим товарищам говорил, что Маленков не годится на пост Председателя Совета Министров. Он хорошо знал, что тов. Маленков не имеет абсолютно никакого опыта для того, чтобы занимать такой высокий пост»²⁹. По сути дела, Хрущёв обращается к авторитету ушедшего вождя, что можно было использовать до февраля 1956 г., после чего появилась необходимость в иной риторике. Маленков оставил пост главы правительства без особых возражений, признав свою вину и ошибки.

Устранение Маленкова следующим после Берии не было случайным: он начал восприниматься как конкурент влиянию Хрущёва. С его именем связывалась политика послабления в отношении личного подворья крестьян, его портреты крестьяне вешали в своих избах как своего заступника. Неслучайно исследователи отмечают, что хрущев-

ские подходы не только отличались от тех, за которые ратовал Маленков, они вступали в конфликт с решениями, утвержденными «с подачи Маленкова»³⁰.

Примечательно, что и в Постановлении Пленума ЦК, и в речи Хрущёва относительно деловых качеств Маленкова слабым является следующий момент: к 1955 г. Маленков находился в высшей власти около 20 лет, с 1944 г. занимал пост заместителя Председателя СНК СССР, поэтому упрекать его в отсутствии опыта работы было сложно. Кроме того, если бы Сталин сомневался в деловых качествах Георгия Максимилиановича, то вряд ли тот так долго оставался бы в Правительстве.

Сентябрьский 1953 г. Пленум ЦК избрал Хрущёва на должность Первого секретаря ЦК КПСС. Данный пост давал возможность контроля за партийными кадрами. Пост главы партии в начале борьбы за власть роднит Хрущёва со Сталиным. Относительно должности Сталина в 1920-е гг. Ч.П. Сноу писал: «... Сталин действовал осторожно. Тихой сапой он прибрал к рукам аппарат партии, пока другие либо не замечали, что он творил, либо считали это рутинной организационной работой, к какой он был пригоден. Сталин понимал больше. Он завладел партийной кадровой машиной, ибо осознал: тот, кто управляет кадрами, управляет львиной долей государственных структур. Назначения, продвижения, смещения, понижения — тому, на чьем столе собраны все эти личные дела, и принадлежит реальная власть»³¹.

Последней неудавшейся попыткой «дворцового переворота» на пути Хрущёва к единоличной власти стал июньский 1957 г. Пленум ЦК. Провал заговора означал изгнание с политического олимпа сразу нескольких фигур. В тех же сталинских традициях в вину Молотову, Маленкову, Кагановичу и остальным вменялись всевозможные грехи, в том числе проблемы в экономике, сельском хозяйстве, неверие в программу Хрущёва³². Молотова после июня 1957 г. назначили послом в Монголию, сняв с должности главы МИД и первого заместителя Председателя СМ СССР, Каганович стал директором завода в г. Асбест, Маленков был назначен руководить электростанцией.

В период 1953—1957 гг. Хрущёв должен был утверждаться у власти, вести скрытую борьбу против своих соратников. После разгрома антипартийной группы он стал единоличным лидером, получившим возможность провести в жизнь собственные реформы. Не случайно образ его действий до 1957 г. и после различался: после ликвидации «антипартийной группы» была откинута последняя необходимость оглядываться на соратников и их мнение.

Критикуя Сталина, действуя от противного, Хрущёв формировал и новый образ себя как лидера, сильно отличавшийся от сталинского. По мнению Е. Зайцевой «Хрущёв целенаправленно поддерживал образ “обычного человека”, в котором русский народ узнавал себя, видел собственную крестьянскую природу»³³. «Нового лидера уже не воспринимали как бога и отца народа: в лице Хрущёва власть впервые значительно приблизилась к народу». Обратная сторона десакрализации власти не замедлила сказаться. В массовом сознании великие достижения страны уже не связывались с именем ее лидера, превратившегося из культовой личности в яркую мишень критики и в героя огромного количества произведений городского и деревенского фольклора.

Хрущёв, отличавшийся большой активностью в своих поездках по стране и за рубеж, прекрасно понимал, что легче готовить переворот в период отсутствия смещаемого в столице. Так, например, в 1953 г. был смещен Берия, в 1957 г. — Жуков.

Хрущёв остался в общественном сознании реформатором. Интересно поставить вопрос об общем характере реформ Хрущёва — насколько они носили глубокий, революционный характер. Реформы были объективно необходимы, но заранее были ограничены неизбежностью существовавшей экономической, политической системы.

Сталинский стиль и сталинское наследие проявились не только в утверждении единоличного вождя. Оно сказалось в форме борьбы — в 1953, 1955, 1957 и 1964 гг. происходило объединение всех против одного, после чего поверженному оставалось только оправдываться и соглашаться с выдвинутыми в его адрес обвинениями, в чем не было особого смысла, ибо все уже было решено. Так и в октябре 1964 г. — что бы ни сказал Хрущёв, какие бы аргументы не выдвинул, его уже никто не слушал, поскольку обратного пути не было³⁴. Все это представляло собой заранее продуманный спектакль, необходимый, чтобы подчеркнуть элементы демократии и унижить проигравшего.

Советский вождь всегда прав, иначе он уже не вождь. Его идеи абсолютно правильны. Открыто ему возражать — опасно. Молотов, пребывая на пенсии, отмечал резкий разворот относительно идей Хрущёва среди его окружения в октябре 1964 г.: «Если они понимали, товарищи нынешние участники пленума, что эти мероприятия или неправильны по существу или неправильно проводятся, — тогда спрашивается, почему же они своевременно не пресекли их проведение в жизнь? Почему?»

Где, в каких материалах после 1957 г. и вплоть до октября 1964 г. можно найти хотя бы малейшее возражение Хрущёву? Их нет ни в одной из тысяч страниц, опубликованных за все эти годы, по пленумам ЦК КПСС, по партийным съездам, по десяткам и сотням совещаний на высшем уровне как всесоюзного, так и республиканского масштаба.

Все эти тысячи страниц заполнены одними дифирамбами в адрес Хрущёва, приветствиями по адресу любого из выдвигавшихся им предложений. Картина — пренеприятная в свете октябрьского и мартовского пленумов ЦК.

Ныне, эти же люди, с помощью которых Хрущёву удалось в свое время сломить сопротивление своих идейных противников и которые на протяжении 7 лет, не уставая, по любому поводу и любому случаю пели ему хвалебные гимны, — эти же люди склоняют его по всем швам, ссылаясь на «волевой нажим»³⁵.

Как после прихода к власти Екатерины II последовал «золотой век» российского дворянства (уставшего в определенной мере от нестабильности высшей власти и постоянных опасений за собственную судьбу), так и после смещения Хрущёва и прихода к власти Л.И. Брежнева последовал «золотой век» советской номенклатуры, которой надоели шараханья Хрущёва, его непредсказуемость. Не могла не сказаться и усталость от необходимости делать постоянный выбор между кремлевскими кланами. Новый правитель должен был оплачивать долги перед теми, кто привел его к власти.

Хрущёв поспешил избавиться от маршала Жукова через 3 месяца после его безоговорочной поддержки на Пленуме ЦК в июне 1957 года. Как в XVIII столетии гвардии, так и в XX армии была уготована только роль исполнителя воли элиты в борьбе за трон.

Говоря о методах утверждения личной власти Первого секретаря ЦК, нужно учитывать, что Хрущёв как государственный деятель сложился в сталинское время и не сомневался в основных положениях социализма. «Если говорить обо мне, я являюсь продуктом сталинской эпохи... При Сталине, так сказать, я пошел на партийную работу, при Сталине выдвигался, Сталин меня выдвигал: я стал членом Политбюро, я стал секретарем крупнейшей партийной организации — украинской. Одним словом, я был со Сталиным, я боготворил Сталина, я Сталина поддерживал»³⁶ — как-то заявил он.

С периодом «оттепели» связано развитие еще одной особенности политического соперничества XX в. — каждый новый лидер начинал с критики предыдущего, действуя в определенной степени вопреки предшественнику. Сталин создал культ Ленина. Хрущёв при незыблемости системы провел критику Сталина, Брежнев выступил с критикой «волюнтаризма и субъективизма» Хрущёва, после чего критиковать эпоху «застоя» придет уже М.С. Горбачёв.

Политическая власть — это инструмент, который можно и нужно использовать для решения определенных задач. И чем более власть абсолютна, тем более универсальным и эффективным будет являться этот инструмент. В условиях советской политической системы победа в борьбе за лидерство Хрущёва означала выбор курса, поскольку лидер, наделенный абсолютной властью, был прав в своих действиях абсолютно.

И после Петра I, и после смерти Сталина десакрализация власти не могла не произойти, хотя бы потому, что в созданных ими империях и по логике исторического развития не могло быть сразу двух великих лидеров, шедших один за другим, поскольку преемник «великана» находился в его свите.

Хрущёв, критикуя Сталина, до конца своего пребывания у власти не смог выйти за рамки созданной им системы, пытаясь реформировать лишь ее отдельные стороны. По мнению Н.Л. Роголиной, верность Хрущёва сталинским подходам выразилась как в идеологии, так и в стратегической линии. Он полагался на огромные мобилизационные возможности социалистической системы. Как истинный марксист и «последний романтик», Хрущёв выступал за «настоящий коллективизм» с его идеалом социального и материального равенства и отвержением всего рыночного и частного³⁷.

О вере Хрущёва в огромные возможности советской системы говорил Ю.В. Аксютин: «Хрущёв ... продолжал верить в огромные мобилизационные силы советской системы, а причины ее сбоя виделись ему в “маленьких недостатках механизма”»³⁸.

Отмечал сталинский образ мыслей Хрущёва и Бурлацкий: «... в теории он, увы, оставался вечным сталинским пленником. Хотя в мемуарах у Хрущёва были свободны руки, тем не менее, и здесь — быть может, в особенности здесь — мы видим отчетливо теоретические основы ограниченности его взглядов, догматические лимиты “их не перейдешь”»³⁹.

Своеобразной программой действий Хрущёва в сельском хозяйстве можно считать его статью «Об агрогородах» — о преобразовании деревни в сторону благоустроенного поселка и превращении крестьянина в сельскохозяйственного рабочего, которую он будет проводить в жизнь после прихода к власти. Альтернативу сельскохозяйственным реформам Хрущёва предлагали Маленков и Молотов, выступивший с критикой принятых мер и особенно освоения целины⁴⁰. Прогрыш в политической борьбе оставил их идеи нереализованными.

Сакрализованной можно считать только высшую власть, которая формировалась по скрытым, непонятным для общества законам — в то время как власть на местах назначалась высшей властью, подпитывая идею ее верховенства и высшего происхождения. Хрущёв, сделавшись доступным в прямом общении с народом, подорвал тщательно формировавшееся на примере Ленина и Сталина представление о сверхъестественной природе советского правителя. Отныне все трудности и неудачи общество стало соотносить, в том числе, если не в первую очередь, с действиями лидера.

В условиях советской политической системы, когда отсутствовал законный преемник, выдвинутый волей вождя, каждый должен был доказывать свое право на пребывание во власти. При жизни Сталина это делалось его волей и авторитетом — раз вождь выдвигал того или иного управленца на должность, значит это было законно. Но после смерти вождя, а тем более при политике «развенчания культа личности» такой аргумент стал не только сомнителен, но и просто опасен. Однако политическая система, выстроенная Сталиным, воспроизводила и повторяла сама себя. Только теперь все стало зависеть от воли новых вождей.

Укрепить свой авторитет за счет вождя члены коллективного руководства не могли — Сталин не выдвинул никого из них, наоборот, подвергал поочередно опале. Претендовать на уровень лидерства Сталина никто из соратников не мог по определению, поэтому им ничего не оставалось, как действовать от противного в отношении ушедшего вождя. Отсюда и доклад на XX съезде, и политика критики культа личности. Безусловно, советское общество в 1953 г. объективно требовало перемен: наличие ГУЛага, нищенского уровня жизни, «второй редакции крепостного права» в деревне — все это нуждалось в пересмотре. Но вождь прав лишь потому, что он вождь. Победа Хрущёва означала выбор пути и методов реформ, предначертанных им.

Необходимость борьбы за лидерство в отсутствие законной и признанной в обществе системы смены власти явилась одним из самых слабых звеньев советского режима. При Сталине все объяснялось величием вождя, Хрущёв это величие разрушил, глава партии перестал быть великой фигурой в глазах общества. Все последующие вожди после Хрущёва — Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, Горбачёв — появлялись в результате внутривластной борьбы и компромисса между узким кругом лиц из властного ареопага, и были вынуждены в силу процедуры своего выдвижения думать более о стабильности и благах правящего аппарата, чем о реальных потребностях страны.

И все же, и в результате дворцовых переворотов, и в результате «оттепели» страна и власть изменились. К 1762 г. монарх чувствовал свою зависимость от аристократии и от гвардии, власть Екатерины II

была уже иной, чем у Петра. Дворцовые перевороты вершились силами дворянства — и после воцарения Екатерины II наступил «золотой век российского дворянства». Относительно благ дворянства в XVIII в. В.О. Ключевский отмечал: «Государство не скупилось на вознаграждение дворянства за его административные и военные заслуги, увеличивало податное бремя народа на содержание дворян, роздало им громадное количество государственных земель и даже закрепостило за ними до двух третей сельского населения. Наконец, после Петра дворянство во всем своем составе через гвардию делает случайные правительства, освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, держащим в своих руках и управление и народное хозяйство»⁴¹. В годы «оттепели» борьба за власть велась силами партийного аппарата, и после прихода к власти Брежнева наступил «золотой век номенклатуры».

В результате событий 1953—1964 гг. иной стали власть лидера, его восприятие обществом, даже судьба его оппонентов. Если в 1953 г. Берия расстреляли (что вполне вписывается в логику сталинской системы), то Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина, а потом и самого Хрущёва просто отправили на пенсию.

Дворцовые перевороты Российской империи и подковерная борьба за власть высшей партийной номенклатуры не затрагивали устоев политической системы, но они способствовали приходу к власти новых лиц, а новый царь в России всегда означал новые надежды. При всей объективной необходимости изменения курса (прежде всего, внутри страны) в 1953 г., это было невозможно при сохранении власти Сталина. Власть императора в 1725 г. и Генерального секретаря в 1953 г. была безграничной, государство претерпело огромные изменения в результате деятельности Петра I и Сталина, и очень многое зависело от фигуры преемника. В СССР отсутствовали традиции систематического обновления высшей власти путем выборов, все решала властная элита, рекрутирующая сама себя.

Утверждение единоличной власти в 1950-е гг. кого-либо другого кроме Хрущёва означало бы иную степень и направление перемен, в силу различного жизненного опыта, лидерских качеств, наконец, свойств характера. Вождь всегда прав — таково было правило царской России XVIII в. и Советского Союза века XX. Поэтому, при всей кажущейся субъективности избранного курса в период «оттепели», перемены в стране были объективно определены самой советской политической системой и свойствами политического лидерства в СССР. В силу ряда причин (проблем в сельском хозяйстве, наличия ГУЛага) действовать полностью по-сталински Хрущёв не смог, возможно, не хватило и качеств личности. Период «оттепели» может в каком-то смысле рассматриваться как эпоха «кремлевских переворотов».

Примечания

1. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999; Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 2007; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1998; Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.). — Вопросы истории. 2011, № 1, с. 63—81; № 2, с. 65—89; № 3,

- с. 75—90; № 4, с. 33—49; № 5, с. 55—70; № 6; № 8, с. 64—85; № 9, с. 58—86; № 10, с. 65—79; № 11, с. 72—91; 2012, № 1, с. 67—89; № 3, с. 83—96; Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М. 2004; Н.С. Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1—2. М. 2009.
2. ПЫЖИКОВ А.В. Хрущевская оттепель. М. 2002.
 3. ПИХОЯ Р.Г. СССР. История великой империи. Под знаком Сталина. М. 2009; СПб. 2009.
 4. ЗУБКОВА Е.Ю. Маленков и Хрущёв: личный фактор в политике послесталинского руководства. — Отечественная история. 1995, № 4, с. 103—115.
 5. ВАНЮКОВ Д.А. Хрущевская оттепель. М. 2007.
 6. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Т. IV. М. 1989, с. 236—239.
 7. САХАРОВ А.Н. Тяжкий путь российского реформаторства. — Свободная мысль. 1995, № 7, с. 66.
 8. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Русская история. М. 1997, с. 153.
 9. КУЛИКОВ В.В. Очерк истории Российской государственности. Обзорные лекции по истории государственного управления России. Киров. 2009, с. 31.
 10. СТАЛИН И.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года. В кн.: Слово товарищу Сталину. М. 2002, с. 482.
 11. ВАНЮКОВ Д.А. Ук. соч., с. 3.
 12. ПЫЖИКОВ А.В. Ук. соч., с. 86.
 13. АЛЛИЛУЕВА. С.И. Только один год. М. 1990, с. 137.
 14. СТЕЙНБЕК Дж. Русский дневник. М. 1989, с. 42—43.
 15. ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. 1999, с. 172.
 16. БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Никита Хрущёв и его советники — красные, черные, белые. М. 2008, с. 44—45.
 17. ШЕПИЛОВ Д.Т. Воспоминания. — Вопросы истории. 1998, № 8, с. 24.
 18. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. IV, с. 236—239.
 19. ЛЕНИН В.И. Письмо к съезду. ПСС. Т. 45. М. 1975, с. 343—348.
 20. Лаврентий Берия. 1953, с. 353.
 21. ЛЕНИН В.И. Ук. соч., с. 343—344.
 22. СТАЛИН И.В. Ук. соч., с. 482.
 23. ПИХОЯ Р.Г. Ук. соч., с. 217.
 24. Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1953 г. «О преступных антигосударственных действиях Л.П. Берия». — Консультант Плюс.
 25. ДОБСОН М. Холодное лето Хрущёва. Возвращенцы из ГУЛага, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М. 2014, с. 42.
 26. ХРУЩЁВ С.Н. Никита Хрущёв реформатор (трилогия об отце). М. 2010, с. 127.
 27. История Коммунистической партии Советского Союза. М. 2013, с. 613.
 28. «А товарищ Маленков говорит о “гибели цивилизации”!» Стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. — Источник. 2003, № 6, с. 30—32.
 29. Н.С. Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва, т. 1, с. 526.
 30. ПИХОЯ Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945—1958 гг. — Новая и новейшая история. 1995, № 6, с. 10.
 31. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М. 2002, с. 588.
 32. Молотов, Маленков, Каганович. 1957, с. 572—573.
 33. ЗАЙЦЕВА Е. ВИП из Москвы. — Родина. 2012, № 12, с. 7.
 34. Никита Хрущёв. 1964.
 35. Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.). — Вопросы истории. 2012. № 3, с. 94.
 36. Источник. 2003, № 6, с. 130.
 37. РОГАЛИНА Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. 2010, с. 176.
 38. АКСЮТИН Ю.В. «В Москве хорошая погода», или почему Хрущёва отправили в отставку. — Исторический архив. 2008, № 5, с. 216.
 39. БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Ук. соч., с. 65—66.
 40. Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.). — Вопросы истории. 2012, № 3, с. 83—84.
 41. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. 1991, с. 254.

Организация агентурной разведки спецгрупп НКВД-НКГБ в тылу противника. 1941—1944 гг.

Н.В. Греков

Аннотация. В работе анализируется деятельность оперативных групп госбезопасности по формированию контингента агентов-разведчиков на оккупированной противником территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор акцентирует внимание на эволюции методов работы групп, способах преодоления трудностей, выделяет этапы развития агентурной разведки. Рассмотрены проблемы координации агентурной работы советских разведывательных служб в тылу противника.

Ключевые слова: разведка, агент, оперативная группа, партизаны, резидент, государственная безопасность.

Abstract. The work analyzes the activities of task forces of state security on the formation of a contingent of agents-spies in the occupied enemy territory of the USSR during the great Patriotic war. The author focuses on the evolution of the working methods of the groups, ways of overcoming difficulties, highlights the stages of development of human intelligence. Considers the problems of coordinating the intelligence work of the Soviet intelligence services behind enemy lines.

Key words: intelligence, agent, task force, guerrillas, resident, public safety.

Разведывательная деятельность органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны, несмотря на прошедшие после Победы семь десятилетий, в целом остается малоисследованной темой. Лишь отдельные вопросы освещены в работах ряда советских и современных авторов ¹. В силу отсутствия доступа историков к нерассекреченным архивам, проблемы организации агентурной разведки не получили должного внимания в литературе ².

Тем не менее, информация, содержащаяся в исторических трудах, опубликованные документы и вводимые в научный оборот некоторые архивные материалы позволяют восстановить общую картину организации агентурной разведки НКВД-НКГБ в тылу противника.

В период второй мировой войны роль агентурной разведки в сборе информации о противнике невероятно возросла. Большое значение ей придавали как государства антигитлеровской коалиции, так и страны

Греков Николай Владимирович — доктор исторических наук, профессор. E-mail: nikon.gor@mail.ru.

Grekov Nikolay V. — doctor of historical sciences, professor. E-mail: nikon.gor@mail.ru.

германского блока. Эту ситуацию еще в конце первой мировой войны предвидел русский военный теоретик генерал П.Ф. Рябиков. Он писал: «Учитывая коалиционный характер современных войн, наличие целого ряда театров борьбы и громадное значение стратегических перебросок с театра на театр и с фронта на фронт в пределах театров, приходим к выводу, что агентура в современной войне приобретает особое значение как орган стратегической разведки, могущей давать высшему командованию крайне важные сведения»³.

Разведку в тылу противника в 1941—1944 гг. осуществляли 3 советские структуры: органы госбезопасности (НКВД-НКГБ), военная разведка (Разведуправление Генерального штаба Красной армии — Главное Разведуправление Красной армии), а с середины 1942 г. — Центральный штаб партизанского движения и его подразделения. Поэтому для осмысления роли органов госбезопасности в тайной борьбе за линией фронта важно выйти за рамки сложившейся вокруг разведки мифологии и попытаться увидеть реальный опыт ее функционирования.

Органы госбезопасности дважды подвергались реорганизации. 20 июля 1941 г. были объединены Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР в единый Наркомат внутренних дел СССР. 14 апреля 1943 г. вновь были образованы самостоятельные НКВД и НКГБ СССР. Такие же перемены происходили и в наркоматах союзных республик. Непосредственно разведывательно-диверсионной зафронтовой работой госбезопасности руководило подразделение, которое в ходе войны меняло свое название и подчинение: Особая группа при НКВД СССР, 2-й отдел НКВД СССР, 4-е Управление НКВД СССР, 4-е Управление НКГБ СССР. Неизменным оставался только руководитель — П.А. Судоплатов.

В данной работе основное внимание сосредоточено на организации агентурной разведки спецгруппами (оперативными группами), сформированными непосредственно 4-м Управлением НКВД-НКГБ СССР. Эти группы отличались от иных формирований более высоким качеством подготовки, профессионализмом и эффективностью.

С первых дней войны состояние агентурно-оперативной работы на захваченной противником территории крайне обеспокоило руководителей органов госбезопасности. Возникла ситуация, которой не ожидали. Красная армия вместо того, чтобы «бить врага на его территории», как это виделось в предвоенный период, отступала, оставляя противнику обширные густонаселенные районы страны. В мирное время не были разработаны и предусмотрены планы развертывания агентуры на занятой противником советской территории. Уже 24 июня 1941 г., в третий день войны, начальникам республиканских и областных управлений НКГБ была направлена директива о задачах органов госбезопасности прифронтовых областей. Анализ ее текста позволяет предположить, что в Центре, так же как и на местах, не знали, что предпринять. Местным органам предлагалось «выявлять двурушников и предателей в составе агентурно-оперативной сети»⁴. В случае отхода советских войск агентуре надлежало оставаться на местах, вести непрерывную диверсионную работу в тылу противника. При этом игнорировалось одно важное обстоятельство: агентурный

аппарат, созданный органами НКВД-НКГБ для решения специфических задач мирного времени, не мог быть автоматически переключен на разведывательно-диверсионную работу в тылу противника. Значительная часть имевшейся агентуры по своим моральным, психофизическим и интеллектуальным качествам была непригодна для выполнения опасной работы на оккупированной территории. Считается, что на приведение разведки в необходимую степень боевой и мобилизационной готовности требуется несколько лет. Поэтому такая подготовка должна проводиться разведкой постоянно, в ходе повседневной работы мирного периода ⁵.

Вполне очевидно, что до войны предварительная работа не велась, а после ее начала времени у органов госбезопасности уже не было, хотя срочно нужно было что-то предпринимать. Директива НКГБ СССР от 1 июля 1941 г. о развертывании агентурно-оперативной работы требовала «весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории, в случае занятия ее врагом, для нелегальной работы против захватчиков» ⁶.

Крайне острой проблемой в условиях стремительного продвижения вермахта стала утрата связи с агентурой. В самом начале войны разведка Красной армии потеряла связь с рядом источников и резидентур в Германии, в союзных с ней странах; нарушилась связь с агентурой приграничных военных округов СССР ⁷. Ситуация продолжала ухудшаться. Если директива НКГБ СССР от 1 июля 1941 г. предписывала уделять особое внимание заблаговременному определению способов связи с оставленными резидентурами, то сформированному 3 октября 1941 г. 2-му отделу НКВД СССР была поставлена задача восстановить контакты с «ценной проверенной агентурой, оставленной на временно оккупированной советской территории» ⁸.

2-й отдел (с 18 января 1942 г. 4-е Управление) НКВД СССР, а также подчиненные ему республиканские и областные подразделения обязаны были обеспечивать формирование нелегальных резидентур в крупных населенных пунктах на оккупированных территориях, внедрять агентов в создаваемые противником административные органы, готовить и переправлять через линию фронта разведывательно-диверсионные группы, организовывать резидентуры в районах, находящихся под угрозой оккупации ⁹. Количественные показатели этой работы впечатляют. В период отхода Красной армии на восток (1941—1942 гг.) органы НКВД Украинской ССР оставили в тылу противника 12 726 агентов, в том числе 43 резидента, которым подчинялись 644 агента, а также иные виды агентуры, включая 9541 агента «с разными заданиями», 1367 одиночек агентов-разведчиков, 101 содержателя конспиративных квартир и т.д. Органы НКГБ Белорусской ССР завербовали и оставили в тылу противника 1192 агента ¹⁰.

Казалось бы, столь многочисленная агентура должна была решить все проблемы информирования высшего руководства страны и армии. Однако массовость агентуры сама по себе не могла обеспечить высоких результатов. Важно было ее качество. Нередко из-за крайней спешки агентов подбирали без проверки и учета их способности работать в тылу противника. Например, в западных районах Воронежской области было создано 39 резидентур с общим охватом более

200 чел., но результативность их работы была невелика из-за низкого уровня подготовки агентов. По авторитетному мнению полковника А.К. Кириллова, вся предварительная работа сводилась к следующему: сотрудник госбезопасности приходил к будущему резиденту (или агенту) и проводил с ним «единственный инструктаж, включавший в себя задачи разведывательно-диверсионного характера, изложенные на двух листах, имена и псевдонимы его негласных помощников, явки и пароли. В мирное время на подготовку опытного агента или резидента уходят годы, а тут единственная беседа...»¹¹

Значительная часть оперативных сотрудников НКВД-НКГБ сама плохо владела основами конспирации и не могла организовать нелегальную работу в тылу противника. После политических чисток конца 1930-х гг. мало осталось опытных оперативников. Только в 1939—1940 гг. к уголовной ответственности были привлечены около 2 тыс. сотрудников НКВД. Судоплатов, чтобы вернуть на службу профессионалов, разыскивал в лагерях бывших сотрудников госбезопасности и возбуждал ходатайства об их освобождении и снятии судимости. С аналогичными проблемами столкнулась военная разведка, которая накануне войны испытывала острый недостаток оперативного состава. Почти все офицеры, прибывшие на укомплектование, не имели опыта разведывательной работы, и это отрицательным образом сказало на руководстве агентурой¹².

Следует отметить, что в начальный период войны отдельные разведывательные группы, состоявшие из хорошо подготовленных сотрудников НКВД, несмотря на все трудности, действовали успешно в течение относительно долгого времени, прежде чем были раскрыты и ликвидированы противником. Примером могут служить разведывательно-диверсионные резидентуры под руководством В.А. Лягина, В.А. Молодцова, И.Д. Кудри.

Что происходило с основной массой агентуры, оставленной в тылу противника? Часть агентурных сетей распалась, с агентами теряли связь, и они исчезали без вести. Отдельные группы вели разведывательную работу, но не могли восстановить связь с Центром. Агенты погибали, оказавшись в зоне боев, при налетах авиации, артобстрелах. Многие, не выполнив основного задания, уходили в партизанские отряды. Кроме того, секретные архивы ряда областей попали в руки немецких спецслужб, и они получили возможность быстро ликвидировать часть советской агентуры.

Потери в цифрах восстановить не удастся, но судьба агентуры НКВД, по всей вероятности, близка к участи партизанских отрядов, оставленных в тылу противника в 1941—1942 годах. Аналогия представляется вполне уместной, поскольку органы НКВД-НКГБ сыграли главную координирующую роль в становлении партизанского движения. Почти все видные партизаны и подпольщики действовали в качестве доверенных лиц органов, опираясь на их агентуру¹³. Согласно подсчетам В.И. Боярского, 90% партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп в течение 1941 г. было подготовлено и оставлено в тылу противника или переброшено туда органами НКВД-НКГБ¹⁴.

К июню 1942 г. на территории Белоруссии сохранилось менее 13% отрядов. На Украине выжили лишь 7%. Всего в первый год вой-

ны из 2800 отрядов и групп уцелело только 9,6%. Катастрофические потери в начальный период несло партийно-комсомольское подполье. Основная часть групп была либо уничтожена, либо распалась, и только немногие смогли укрыться в партизанских отрядах¹⁵.

В этих условиях необходимо было срочно найти новые, эффективные формы работы в тылу противника. Одной из них стала подготовка и заброска через линию фронта оперативных групп (спецгрупп, спецотрядов) НКВД¹⁶. Им предстояло сыграть роль очагов сопротивления, на базе которых органы госбезопасности смогли бы наладить агентурно-оперативную работу за линией фронта.

Формированием и заброской оперативных групп в тыл противника занимались как подразделения центрального аппарата НКВД-НКГБ (Особая группа, 2-й отдел, 4-е Управление), так и органы госбезопасности Украины, Белоруссии, управления НКВД прифронтовых областей. Всего за линию фронта в годы войны было направлено 2222 группы, в составе которых находилось ок. 15 тыс. оперативных работников. 244 группы числились за 4-м Управлением, остальные — за подразделениями территориальных органов¹⁷. В 1944 г. часть групп 4-го Управления была передана республиканским наркоматам госбезопасности.

Группы, формировавшиеся Центром, в основном получали подготовку при Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Эти группы (отряды) являлись по сути ориентированными на автономную работу за линией фронта разведывательно-диверсионными командами смешанного типа численностью от 15 до 50 человек. В их состав входили оперативные работники, радисты, подрывники и рядовые бойцы. Командирами назначали офицеров госбезопасности или пограничников. В зависимости от поставленных задач в группу могли быть включены бойцы-иностранцы или переводчики. Судоплатов требовал, чтобы при комплектовании групп прежде всего отбирали тех, кто умел работать с агентурой¹⁸.

Первые оперативные группы Центра начали действовать уже в августе 1941 года. В тыл противника были переброшены группы «Галка» (командир И.П. Галковский), «Митя» (Д.Н. Медведев) и др. За первые 15 месяцев войны через линию фронта было переправлено 58 таких групп. К концу 1942 г. на оккупированной территории СССР и в странах Восточной Европы действовало 77 оперативных групп 4-го Управления НКВД СССР, к декабрю 1943 г. — 125¹⁹.

Районы действия своих групп 4-е Управление согласовывало с Генштабом Красной армии. Главными объектами были железнодорожные узлы, транспортные коммуникации, а также крупные административные центры — Киев, Минск, Ровно, Смоленск, Витебск и др.

В первое полугодие войны оперативные группы получали от командования задачи общего плана, охватывавшие сразу все виды зафронтовой деятельности. Однако комплекс задач не был статичен, а в течение 1942 г. приоритеты постепенно смещались с боевой работы и организации партизанского движения к разведывательной и диверсионной деятельности. Так, 20 февраля 1942 г. спецгруппа «Боевой» (44 чел.) получила приказ начальника 4-го Управления, старшего майора госбезопасности Судоплатова, в котором были выделены 23 пункта задач. Отряду предстояло взять под контроль линии железных

дорог западнее г. Невель и систематически нарушать их работу, подрывать эшелоны, разрушать телефонные и телеграфные линии, расстреливать предателей (комендантов, бургомистров, старост, полицейских), уничтожать склады, организовывать партизанские отряды и руководить ими. И только 7-й пункт приказа требовал «вести глубокую разведку о расквартировании, перегруппировках, передвижении вражеских войск». Для этого нужно было в крупных населенных пунктах, расположенных у стратегических дорог, «завербовать небольшие группы лиц из местного населения, которых и использовать в качестве разведчиков»²⁰.

Разведывательная информация изначально не считалась приоритетной для «Боевого». Данные разведки отряд должен был передавать одновременно с сообщениями о боевой и диверсионной работе. Но спустя 4 месяца в отчете о проделанной работе первый командир «Боевого» А.С. Горячев подчеркивал: «... с приходом в тыл противника основной упор мной был взят на агентурно-оперативную работу с первоочередной задачей разведки противника»²¹. В итоговом письменном отчете о деятельности «Боевого» за 1942—1944 г. В.Л. Нелюдов, принявший командование спецгруппой в июне 1942 г., на первое место поставил обширный раздел «Агентурно-оперативная работа». К июню 1944 г. разведывательные задачи выполняли 67% агентов спецгруппы, 24% были «диверсионниками», 9% вели работу «по террору», то есть готовили ликвидацию коллаборационистов, немецких чиновников и старших офицеров²².

После того как весной 1942 г. все функции по организации и руководству партизанскими отрядами были переданы штабам партизанского движения, 4-е Управление сосредоточило свои усилия на агентурно-разведывательной и диверсионной деятельности. Многим группам перестраиваться пришлось уже в процессе работы. При этом личный состав групп в тылу противника испытывал постоянные лишения и физические перегрузки. В спецгруппы отбирали спортсменов и бойцов-добровольцев с крепким здоровьем, но выдерживали не все. Так, уже через 5 месяцев пребывания в тылу противника из 39 оставшихся в живых участников группы «Боевой» 13 были возвращены на советскую территорию для лечения в госпиталях²³.

С весны 1942 г. началась специализация оперативных групп. Например, глубокая разведка была главной задачей заброшенной на Западную Украину группы 4-го Управления НКВД СССР «Победители» (командир Медведев), главной задачей спецгруппы «Соколы» (командир К.П. Орловский), действовавшей в Белоруссии, была подготовка условий для приема агентуры из Москвы и ее переправка на запад. Отдельным группам в качестве внеочередного задания 4-е Управление поручало подготовку ликвидации представителей германских властей. Так, опергруппа «Юрий» под руководством Э.С. Куцина готовила операцию по уничтожению группенфюрера СС Курта фон Готтберга. Группа «Соколы» вела оперативную разработку гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе²⁴.

Независимо от наличия приоритетных задач, каждая опергруппа проводила диверсии, участвовала в боях с противником, занималась контрразведкой. Многие группы осуществляли «разложенческую» работу в частях коллаборационистов. Так, группой «Соколы» были раз-

громлены 2 гарнизона, выведены из строя 4 предприятия, подорваны 2 моста. Группа «Вперед» пустила под откос 101 воинский эшелон, взорвала и сожгла 38 мостов, спецгруппа «Боевой» пустила под откос 125 эшелонов противника, взорвала 25 железнодорожных мостов, уничтожила и повредила 3 бронепоезда и т.д. Группа сумела «разложить» 3 подразделения противника и перевести на сторону партизан 3091 чел. из этих формирований. К концу 1943 г. «Победители» участвовали в 92 боях с противником, взорвали 4 моста, пустили под откос 80 эшелонов ²⁵.

Сложно определить, насколько подобный разброс активности препятствовал или содействовал решению главных задач опергрупп. Определенно можно сделать лишь один вывод: группы находились в постоянном действии.

Большую роль в реализации потенциальных возможностей агентурной разведки оперативных групп играли политические взгляды и симпатии населения оккупированных территорий страны. Спектр этих настроений вмещал в себя все мыслимые оттенки, расположенные между двумя крайностями: от искреннего патриотизма и самопожертвования до демонстративной враждебности советской власти и открытого сотрудничества с оккупантами. Кто-то занял отстраненную, выжидательную позицию. У отдельных категорий населения под влиянием побед вермахта сложилось впечатление, что немцы пришли навсегда. Пользуясь этим, германские и союзные им спецслужбы начали интенсивно создавать свои агентурные сети на захваченных территориях. В 1943 г. оперативные группы установили личности свыше 15 тыс. агентов и пособников противника, действовавших на оккупированной территории страны. Только опергруппы НКГБ Белорусской ССР, находившиеся в тылу противника, через свою агентуру выявили 36 резидентур и 6642 германских агента ²⁶.

Оперативные группы разворачивали агентурно-оперативную работу в сложных условиях. В мирное время обычный советский гражданин видел в сотруднике НКВД представителя могущественной государственной организации, связь с которой обещала защиту и привилегии. А вот в глазах жителя занятой противником местности сотрудник госбезопасности зачастую уже не имел былого ореола могущества. Ведь теперь он представлял власть, которой уже не было здесь и сейчас. Особенно острые проблемы возникали в тех случаях, когда группы приходили в районы, где у оперативников и бойцов изначально отсутствовали помощники среди населения. Командир спецгруппы «Боевой» Неклюдов так описывал положение: «Мы с трудом находили человека, который бы мог нам правдиво обрисовать обстановку и охарактеризовать население в районе». Запуганные террором и обремененные тяготами войны люди подчас недружелюбно встречали чужаков. Тогда приходилось начинать с «пропагандистской» очистки территории, наглядно демонстрируя населению возвращение советской власти.

С марта 1942 г. на оккупированной территории Витебской области действовала опергруппа «Неуловимые» под руководством М.С. Прудникова. Опергруппа провела ряд операций по очищению своего района от немецких пособников и быстро завоевала авторитет у местных жителей. В нескольких крупных селах Ровенской области она

сформировала отряды, которые вылавливали немецких ставленников, вели агитацию среди населения. Бойцы раздавали местным жителям отнятые у немцев скот и зерно. В результате вокруг опергруппы сплотился большой актив, помогавший в работе. Обосновавшись в Невельском районе, спецгруппа «Боевой» в марте 1942 г. начала свою работу с выявления и ликвидации «антисоветских агитаторов», распускавших по заданию немцев ложные слухи. Спасаясь от расправы, местные бургомистры, старосты и полицейские бросали свои посты и уходили в «гарнизоны» (крупные населенные пункты, в которых были размещены воинские части) под защиту немцев. Среди верующих бойцы распространяли присланные 4-м Управлением листовки с призывом ко всем православным объединиться ради борьбы с чужеземцами ²⁷.

Оперативные группы базировались, как правило, в лесных массивах, а наиболее ценную информацию можно было получать от агентурных сетей, сформированных в городах. Кроме того, в 1942 г. из-за жесткого контрразведывательного режима, установленного германскими спецслужбами, резидентуры органов госбезопасности были выведены из городов.

Действовать в этом случае приходилось осторожно, наощупь. Вербовки шли трудно. Приходилось иметь дело с мирными, часто уже немолодыми людьми. Первое время оперативники «Боевого», чтобы познакомиться с населением, посещали жителей окрестных сел только по ночам, маскируясь под рядовых партизан, добывающих продукты. Наметив кандидата, вели с ним беседы на отвлеченные темы, стараясь выяснить его прошлое, взгляды и возможности. Ночные визиты пугали людей. Случалось, что жена и дети ни на миг не оставляли кандидата одного с гостями, опасаясь, что его могут забрать или убить. Тогда оперативникам приходилось многократно посещать эти семьи, чтобы войти в доверие, и лишь после этого начинать обработку нужного человека для вербовки. Соглашаясь на сотрудничество, люди понимали, что рискуют не только своей жизнью, но в случае провала, вероятно, обрекают на гибель и свою семью. Неклюдов (псевдоним «Новый») так описывал схему действий на первом этапе: «Сначала вербовки производились из бывших советских работников и других советски настроенных лиц. Приобретая несколько человек, и получая от них материалы, мы интересовались связями и окружением завербованных для последующих вербовок» ²⁸. Устанавливая контакты с бывшими советскими служащими, чекисты серьезно рисковали, так как было известно, что немцы специально насаждали свою агентуру среди оставшихся на свободе советских активистов в надежде на то, что на них рано или поздно выйдут партизаны. Из отчета «Нового»: «знакомясь с населением и выбирая подходящую кандидатуру для вербовки, мы под разными предлогами посещали жителей и стремились завербовать хотя бы по одному человеку в интересующих нас населенных пунктах» ²⁹. Подобная агентура давала возможность вести лишь тактическую разведку, обеспечивать безопасность самой группы. Таким образом, формировалось агентурное прикрытие баз опергрупп.

Для этой цели набирали осведомителей, которые наблюдали за гарнизонами вблизи районов дислокации опергрупп, и в случае выхода подразделений противника из гарнизонов, через организованные цепочки и «почтовые ящики» немедленно сообщали командова-

нию. Опираясь на сформированную осведомительскую сеть можно было начинать работу по приобретению негласных источников в учреждениях оккупационных властей, располагавшихся в городах. Этот этап был самым сложным.

Наибольшего успеха добивались оперативные группы, с момента начала работы располагавшие связями с надежным городским подпольем, сумевшие восстановить контакты с внедренными агентами. Образцом такой работы может служить деятельность группы «Победители». Примером агентурного проникновения в города с опорой только на собственные силы служит «Боевой». Большинству оперативных групп 4-го Управления удавалось комбинировать собственные усилия с поддержкой партийного подполья, поскольку организации, сумевшие выжить в 1941—1942 гг., приобрели опыт конспиративной работы и могли быть полезны органам госбезопасности.

В г. Ровно, который немцы сделали столицей Украины, группа «Победители» вышла на контакт с подпольными организациями, которые возглавляли Т.Ф. Новак и П.М. Мирющенко. К середине 1943 г. в организации Мирющенко было 130 чел., Новака — 60 человек. С их помощью разведка опергруппы сформировала разветвленный агентурный аппарат. Более 100 агентов группы работали в немецких учреждениях, в полиции и жандармерии. Подпольная организация во главе с Островским в марте 1943 г. установила связь с отрядом «Победители» для создания разведывательной сети в Ровно. Появилась агентура во Львове, Виннице и др. городах³⁰. Партизанский командир П.П. Вершигора так характеризовал работу Медведева, руководителя опергруппы «Победители»: «он ограничивал свою деятельность только несколькими крупными центрами; вцепившись в них, опутывал эти города и городишки сплошной сетью агентов и диверсионных групп»³¹.

Что же касается оперативных групп, вынужденных без чьей-либо помощи проникать в города, то им приходилось действовать по трем направлениям: поэтапно выстраивать многоходовые комбинации, опираясь на агентуру сельских районов; навязывать контакты работающему в городе объекту, выводя его за пределы города или вступая с ним в переписку; пытаться забросить в город и легализовать там собственных агентов. Так, для приобретения агентуры в городских учреждениях немцев разведка «Боевого» должна была изменить выбор объектов вербовки. Неклюдов пояснял: «в этом случае мы производили вербовки из лиц (сельских жителей. — *Н.Г.*), которые имели родственников или просто знакомых, работающих в гарнизонах». Впоследствии эти люди помогали «обработать на вербовку» тех, кто непосредственно служил у немцев, и затем сами выполняли роль связных³².

Когда необходима была целевая вербовка конкретного человека, а времени оставалось мало, использовали ускоренные методы. Например, с помощью писем. Подготовленные оперативными сотрудниками депеши передавали через посредников. Установившаяся переписка, после ряда страховочных проверок, вела, как правило, к личной встрече адресата с оперативником. Именно так под псевдонимом «Орлов» был завербован один из сотрудников немецкого учреждения. Письмо он получил через своего отца, которому сначала не поверил, решив, что это провокация немцев. Начальник секретариата

гебитскомиссариата г. Вилейка, после получения нескольких писем от «друга из Лиды» с вложенными рейхсмарками и ответных посланий, был завербован под кличкой «Ловкий».

При «быстрой» вербовке использовали разные способы выхода на нужных людей в городах и гарнизонах. Диверсионная группа «Боевого» на линии Вильно — Лида подорвала поезд, пассажирами которого были служащие немецких учреждений. Большая часть пассажиров разбежалась, но несколько человек разведчики задержали и доставили к оперативному работнику для беседы. Один из задержанных был завербован под псевдонимом «Лёня» и позже добросовестно работал, став резидентом.

Еще летом 1942 г. оперативники выяснили, что «церковные служители на наши вербовки идут весьма охотно». Для выполнения поставленных Центром задач по работе среди «церковников» командование «Боевого» решило завербовать польского ксендза, который жил в городе. Осведомители сообщали, что тот симпатизирует партизанам, но открыто войти с ним в контакт невозможно. За ксендзом установили наблюдение, и когда он возвращался из своего имения через лес, ему была «навязана» встреча с оперативником. После продолжительной беседы ксендз дал согласие на сотрудничество под кличкой «Подпольщик»³³.

Умелое использование разных, в том числе нестандартных, методов вербовки позволило «Боевому» создать разветвленную агентурную сеть. Приобретенная городская агентура уже сама по себе представляла большую ценность, поскольку могла быть использована для решения различных задач, связанных с пребыванием в городах. В тех случаях, когда не предоставлялась возможность завербовать сотрудника немецкого учреждения, а для выполнения задания Центра нужны были сведения из этой организации, агенту, проживавшему в городе, предлагали внедриться в данный объект. Так, агент «Жук» (В.В. Захарыч) получил задание проникнуть в тайную агентуру СД г. Молодечно. «Жук» достойно справился с задачей, добыв сведения о 12 агентах противника. Резидент «Маляров» (Л.И. Послед) был внедрен в агентуру СД г. Вилейка и предоставил сведения на 39 агентов тайной полиции.

В январе 1944 г. под покровительством немцев была создана Белорусская Центральная Рада (БЦР). Агентура «Боевого» получила задание следить за деятельностью этой организации. Когда по указу БЦР началось формирование отрядов Белорусской краевой обороны, агентам «Ветке» и «Новосёлову» было приказано устроиться на работу в штаб этих формирований. «Ветка» (В.А. Сивец) установил приятельские отношения с офицером Краевой обороны и затем с его помощью получил должность писаря в штабе Вилейского военного округа. Впоследствии этот агент был сделан резидентом. В созданном по указанию германских властей Союзе белорусской молодежи спецгруппа приобрела 5 осведомителей³⁴. Агент госбезопасности Л.И. Лисовская, вдова польского офицера, вместе с М.М. Микотой создала в Ровно своего рода светский салон, где собирались немецкие офицеры. Там же под видом оберлейтенанта Пауля Зиберта заводил нужные знакомства разведчик опергруппы «Победители» Н.И. Кузнецов. Позже Лисовская была внедрена на службу к генералу фон Ортелю³⁵.

Специально приходилось разрабатывать операции по заброске агентов в города, удаленные от мест базирования опергрупп. Засылка агента и его легализация в городе, где у группы отсутствовали связи, представляла собой крайне сложную задачу. Риск особенно возрастал, когда не было надежных документов и оставался неизвестен пропускной режим. Именно так спецгруппа «Боевой» переправляла в Вильно (Вильнюс) агента «Налима» (Болеслава Литвина) и его связного «Дядю» (П.П. Пища). Предварительно были сделаны пробные поездки, просчитаны шансы на успех при следовании разными маршрутами. Продумали массу мелочей, включая объемы запасов масла и сала, предназначенных для взяток немецким патрулям, устройства в санях тайников с деньгами и оружием. Но все просчитать было невозможно, и даже проработанная до мельчайших деталей операция могла иметь трагический финал. В ноябре 1942 г. разведкой группы был приобретен агент «Москвич», который хорошо знал г. Двинск (Даугавпилс), владел немецким языком, имел техническое образование и связи среди немцев. Было решено заслать его в этот город с задачей устроиться на службу в конструкторское бюро броневагонного завода. После соответствующей подготовки его снабдили деньгами, документами и одного, без сопровождения, чтобы не привлекать внимания, отправили в город. Но по дороге «Москвича» задержали партизаны, а затем расстреляли как «подозрительную личность»³⁶.

Отдельно опергруппы разрабатывали специфические каналы заброски агентуры в части Русской освободительной армии (РОА) и подобные им формирования. Так, «Боевой» для «насаждения» своей агентуры в частях РОА использовал три способа: «подставляли» своих агентов под мобилизацию в антисоветские бригады, дружины и т.п., а затем восстанавливали с ними связь через «агентуру окружения»; засылали агентов под видом партизан-перебежчиков, которые затем устанавливали дружеские контакты с сослуживцами и привлекали к агентурной работе новых участников; приобретали агентуру среди населения в местах квартирования частей коллаборационистов и через нее искали выходы на офицеров и солдат. «Новый» (Неклюдов) докладывал Центру: «других путей нет». При этом самая главная трудность в работе с подобной агентурой заключалась в том, что части РОА, украинские батальоны и им подобные постоянно перемещались и вели бои с партизанами. Например, в с. Княжецы «Новый» завербовал писаря батальона и через него установил связь с майором-комбатом, но внезапно эту часть перебросили в другой район, поэтому пришлось восстанавливать связи, создавать «агентуру из окружения» на новом месте, тратя драгоценное время³⁷.

Большой удачей для оперативных групп был каждый факт привлечения к сотрудничеству германских военнослужащих. Происходило это, как правило, через внедренную в немецкие учреждения агентуру. Разведчица «Неуловимых» Л.П. Костецкая устроилась в «паспортный стол» полоцкой полиции. Вскоре она сообщила о возможности использования немецкого капитана Карла Миллера, ее непосредственного начальника. Под именем «Инициатор» капитана начали привлекать к работе. По приказу Центра с его помощью были получены ценнейшие бланки удостоверений личности. Их сразу же переправили в Москву. Эти документы были необходимы для легализа-

ции агентов в городах и для маршрутной агентуры. После гибели Костецкой связь с «Инициатором» была утрачена ³⁸. Опергруппа «Вихрь» (командир П.В. Владимиров) сумела завербовать под псевдонимом «Черный» 19-летнего солдата Вальтера Рашеля. Весной 1943 г. минские подпольщицы с помощью опергруппы П.Г. Лопатина «Бывалые» установили связь с офицером разведотдела штаба ВВС группы армий «Центр» Карлом Кругом. Он оказался весьма полезным для советской разведки источником информации ³⁹. Всего, по содержащимся в литературе сведениям, на советскую разведку, в том числе партизанскую, работало около 200 немецких солдат и офицеров.

Важнейшим методом обеспечения целенаправленной работы агентурной сети была организация регулярной связи с агентами. Находившимся в лесных зонах оперативным группам приходилось продумывать 2 способа связи: с агентурой, находившейся в сельской местности, и с городской агентурой.

Организация связи с «осведомлением по району» была относительно проста. Оперативный работник мог назначать встречи по необходимости или ночью навестить осведомителя. Легче всего было маскировать встречи в лесу в заранее обусловленном месте. Оперативник с группой бойцов прикрытия приходил раньше назначенного времени, устанавливал наблюдение за вероятным направлением движения агента. Во время встречи с агентом или осведомителем группа прикрытия наблюдала за местностью. На тот случай, если агент (осведомитель) не смог бы явиться в назначенное время, оперативник заранее оговаривал место и время контрольной явки.

Гораздо сложнее было организовать связь с агентурой, работавшей в городах (гарнизонах противника). В большинстве случаев здесь контакты с агентурой осуществляли через связных. Следует подчеркнуть, что опергруппы использовали массу разнообразных способов связи с агентурой. Рассмотрение всей их совокупности не имеет принципиального значения в данном исследовании. Достаточно в качестве примера описать отдельные фрагменты работы связных группы «Боевой». Связному, ради соблюдения конспирации, полагалось знать в городе только одного человека и чаще всего не самого агента, а связного-посредника. Направляясь в гарнизоны, связные для маскировки брали с собой что-либо на продажу: продукты, самогон, дрова. После встречи с нужным лицом договаривались с ним о дне следующего контакта и о мотивах посещения. Это была своеобразная страховка связного. Если его задерживали, он называл того, кто ждал его в гарнизоне и объяснял причину поездки. В случае проверки объяснения обоих должны были совпасть. Старались придумывать причины простые, не вызывавшие подозрений. Так, связной «Лампа» (И.С. Селюн) посещал агента «Любу», работавшую в аптеке немецкого госпиталя. «Люба» каждый раз выписывала рецепт и указывала в нем день прибытия за лекарством ⁴⁰. Чтобы регулярно проходить через посты немецких частей и местных полицейских, не вызывая подозрений, связным нужно было постоянно проявлять изобретательность и недюжинное самообладание.

Неожиданным препятствием в работе связных становились неуправляемые действия партизанских командиров. Они, например, запрещали жителям сел посещать гарнизоны и преследовали слушников. Вопреки требованиям конспирации оперативники вынужде-

ны были снабжать своих связных документами, подтверждавшими их принадлежность к подполью, но это не помогало. Партизаны все равно задерживали людей, несмотря на наличие удостоверений, и в результате срывали оперативные мероприятия ⁴¹.

Для руководства агентурной сетью непосредственно в городах (гарнизонах) и на отдельных объектах опергруппы создавали резидентуры. Резидентов подбирали из наиболее способных и проверенных агентов, имевших возможность беспрепятственно перемещаться по объектам или выходить из города. Как правило, резидент долгое время жил в городе, знал местные условия и людей, поэтому нередко ему доверяли производить вербовку самому или рекомендовать оперативникам способы подхода к лицам, интересовавшим разведку. Резидент «Смиринов», работавший в г. Молодечно начальником отдела одного из немецких учреждений, самостоятельно завербовал для отряда Неклюдова агентуру в Минске, Вилейке, Волохине и Сморгони ⁴².

Какова была численность агентуры оперативных групп 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР? Если подобная информация вообще существует, то она недоступна для исследователей и вряд ли когда-либо ее предадут огласке. Некоторое представление дают имеющиеся в литературе приблизительные оценки. Например, по мнению В.К. Киселёва, только на территории Белоруссии в годы войны действовало более 200 разведывательных групп госбезопасности и военной разведки, общей численностью свыше 6 тыс. человек. Им помогали почти 10 тыс. патриотов из местного населения ⁴³. Соединение Прудникова, ядром которого стала группа «Неуловимые», за 28 месяцев работы в тылу противника, по оценке В.И. Боярского, установило и постоянно поддерживало связь с 350 подпольщиками ⁴⁴. Более 400 подпольщиков выполняли задания, полученные через «Градова» — командира «Местных» С.А. Ваупшасова ⁴⁵. Полные и достоверные сведения из архивных документов могут быть представлены только по спецгруппе «Боевой», общая численность агентуры которой за два с половиной года работы составили 334 чел., в том числе 20 резидентов, 126 агентов, 188 осведомителей. Кроме того, еще 211 чел. были связными спецгруппы ⁴⁶. Учитывая относительное сходство основных задач оперативных групп 4-го Управления, близость методов их работы, структуры и качества руководства агентурно-оперативной деятельностью, можно с высокой долей уверенности говорить о том, что численные показатели агентуры «Боевого» в целом характерны для большинства опергрупп.

Гораздо более многочисленной была агентура партизанских формирований. На 1 января 1944 г. в Белоруссии партизаны имели около 28 тыс. агентурных разведчиков ⁴⁷. К этому времени большинство опергрупп госбезопасности использовало в своей работе разведывательный аппарат партизан. Однако возникавшие на первых этапах войны трения между партизанами и опергруппами НКВД-НКГБ свидетельствовали о серьезной ведомственной разобщенности советских сил в тылу противника.

До начала войны не были разработаны механизмы координации действий разведывательных органов госбезопасности, Красной армии и Военно-Морского флота в военное время. Тем более, никто не предполагал вероятности совместных действий органов госбезопас-

ности и партизан на советской территории. С первых дней войны партийные структуры и органы НКВД-НКГБ приступили к формированию партизанского движения в тылу противника. Между высшей партийной номенклатурой и руководством НКВД началась скрытая борьба за первенство в информировании лидеров страны о ситуации на захваченных противником территориях. После того, как 30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), все партизанские отряды были подчинены соответствующим штабам республик и областей, а в ведении НКВД остались разведывательно-диверсионные группы, разведывательная агентура, курьеры, связники и резиденты в немецком тылу. Например, на Украине в результате такого разделения всю агентуру органы НКВД забрали себе, оставив партизанские формирования и без агентурных сетей, и без специалистов-разведчиков. Во многом это объясняет то, почему разведка в интересах Красной армии стала основой разведывательной работы партизан только в 1943 году. По оценке Боярского, местнический подход не только мешал взаимодействию разведывательных сил, но и снижал результативность их работы⁴⁸. Командованию Красной армии, партийным органам, партизанским штабам и руководству НКВД пришлось приложить колоссальные усилия для того, чтобы создать сколько-нибудь дееспособную разведку партизанских бригад, однако ведомственная разобщенность не исчезла. И представители штабов партизанского движения, и сотрудники НКВД винили в этом друг друга.

Картину хаоса в организации разведывательной работы на оккупированной территории Орловской области к концу 1942 г. рисует в своем докладе заместитель представителя ЦШПД на Брянском фронте подполковник Горшков. Он отмечает, что на одной территории разведку ведут партизанские отряды, Управление НКВД по Орловской области, 4-е Управление НКВД СССР и разведотдел штаба Брянского фронта и, казалось бы, успех должен быть обеспечен. Однако Горшков приходит к выводу: «по сути дела ни один из самостоятельно действующих органов разведкой не занимается, они только мешают друг другу». По его мнению, вся разведка держится на партизанских бригадах, а «остальные органы занимаются перехватыванием и присваиванием всеми путями разведанных, добываемых партизанскими бригадами, иначе говоря, крадут сведения... Никакой взаимной информации и контакта в работе между существующими разведорганами в партизанском крае нет. Каждый орган стремится занять главенствующее положение»⁴⁹.

Совершенно иначе ситуацию оценивали люди из НКВД. 25 мая 1943 г. В.Н. Зеленецкая, отработавшая более года за линией фронта в составе спецгруппы «Боевой», представила донесение наркому НКВД Л.П. Берии, в котором сообщала о том, что с осени 1942 г. в организации разведки «стало проявляться много вредной партизанщины», а к весне беспорядки приняли массовый характер. Зеленецкую возмущал тот факт, что агентурно-разведывательную работу помимо спецгрупп госбезопасности вели штабы партизанских бригад и отрядов, причем, не согласовывая между собой ни районы, ни объекты разведки. Подготовленных оперработников за линией фронта было очень мало, поэтому разведка велась непрофессионально. Зеленецкая под-

черкивала, что осведомители и агентура «подбираются неумело, без соответствующей проверки работают с ней, и она сама так топорна, что немецкая разведка, дав разрастись связям и организациям, не раз их изымала целиком». По мнению историка, отсутствие согласованности в организации разведывательной работы вело к постоянным конфликтам «то из-за одновременного использования разведчиков несколькими штабами, то из-за вмешательства в работу “закрепленных” разведчиков, то из-за уничтожения “по подозрению” людей, работающих в нашей разведке»⁵⁰.

Разобщенность отрядов разных ведомств нередко становилась причиной срыва операций и гибели агентов. В марте 1943 г. партизаны одной из бригад Калининской области арестовали бойцов опергруппы «Неуловимые». Командир бригады заподозрил в них полицейских. Бойцов подвергли пыткам. Командир «Неуловимых» Прудников вынужден был доложить об этом факте Судоплатову⁵¹. В июне 1943 г. разведкой «Нового» несколько местных жителей были засланы с заданием в Родионовскую бригаду (формирование коллаборационистов), а партизаны бригады им. Короткина в качестве наказания конфисковали имущество их семей. В этом случае не помогли ни договоренности с партизанами, ни охранные документы, выданные опергруппой семьям⁵². Известный знаток партизанской войны, «Диверсант № 1» И.Г. Старинов горестно отмечал в мемуарах: «Бывало и так: одни насаждали в тылу врага агентуру, другие, того не ведая, ее уничтожали»⁵³.

Чтобы стать сколько-нибудь результативной, агентурная разведка партизан должна была массовостью участников компенсировать низкий уровень организации. Приказ наркома обороны И.В. Сталина от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» предписывал действовавшим в тылу врага партийным органам и партизанским формированиям «обязательно проникать во все города, большие и малые, широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу»⁵⁴. Приказ Сталина от 19 апреля 1943 г. «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах» среди прочего обязывал партизанские формирования всюду иметь своих разведчиков. Выполняя эти приказы, партизанские структуры начали всеми способами расширять разведывательные сети. По подсчетам А.Ю. Попова, только в Белоруссии с апреля 1943 по май 1944 г. численность агентов партизанских формирований возросла в 9 раз⁵⁵. Бывший начальник ЦШПД П.К. Пономаренко сообщал, что по заданиям партизанских формирований на оккупированной территории Советского Союза действовало около 300 тыс. подпольщиков-одиночек⁵⁶.

Мощный всплеск вербовочной активности партизанской разведки при отсутствии координации действий с органами госбезопасности и армией неизбежно вел к увеличению конфликтов и межведомственных трений. Опергруппы и партизанская разведка действовали на одной и той же территории, сталкиваясь при вербовке одних и тех же людей. В отдельных случаях прямолинейность и непрофессионализм партизан вели к гибели агентуры. Так, на станции Боровичи чекистами «Боевого» была завербована сестра переводчицы комендантуры с целью обработки и последующей вербовки самой переводчицы. Обработка шла успешно, но вмешалась разведка Дриссенской парти-

занской бригады. Партизаны подготовили письмо на имя переводчицы и передали его через двух девушек из соседнего села, не проинструктивровав их должным образом. Девушки, явившись в комендатуру, на глазах у других служащих открыто передали письмо. Немцы сразу установили наблюдение за сестрами. Позже, вероятно после повторных попыток партизан установить контакт с переводчицей, ее уволили, затем арестовали вместе с сестрой. По непроверенным данным, обе были расстреляны, хотя немцы объявили, что вывезли их в Германию. Подобных фактов было много. Причину Неклюдов видел в том, что командование партизанских бригад разрешало каждому бойцу и командиру заниматься агентурной разведкой ⁵⁷.

По мере увеличения численности партизанских бригад и одновременного повышения концентрации советских сил на оккупированной территории, нарастала потребность в координации агентурной работы отрядов разных ведомств. Раньше всего это осознали на низовом уровне. Командиры опергрупп, партизанских бригад и отрядов, действовавших на одной территории, стремились установить личные контакты, а затем выстраивать отношения в рамках взаимной помощи. По свидетельству Георгия Балицкого, командира отряда Чернигово-Волынского соединения Украинского штаба партизанского движения, в создании агентурной сети ему содействовал командир отряда НКГБ СССР «Охотники» Прокопюк. Более эффективным был другой способ координации — направление на базы партизанских отрядов разведывательно-диверсионных и оперативно-чекистских групп НКВД-НКГБ. Эти группы оказывали партизанским отрядам помощь в агентурно-разведывательной работе и, соответственно, решали свои задачи с учетом возможности привлечения агентуры партизан. Так, в Сумском соединении действовала группа НКВД СССР «Поход», на базе соединения И.Ф.Фёдорова вела разведку группа «Волыньцы», базируясь на соединение В.А. Бегмы, действовала группа «Разгром». В 1943 г. вместе с партизанскими отрядами и соединениями работало около 400 оперативных групп органов госбезопасности, включая оперативно-чекистские, выполнявшие контрразведывательные функции ⁵⁸.

Роль координаторов разведывательной работы брали на себя подпольные обкомы и горкомы ВКП(б), которые являлись центрами партизанского движения на соответствующих территориях. К середине 1943 г. в оккупированных противником районах СССР действовали 24 областных и 222 окружных, городских и районных комитетов партии ⁵⁹. В подпольных межрайкомах партии, объединявших парторганизации нескольких районов, были созданы разведывательные органы, координировавшие работу разведки партизанских формирований. Избежать пересечений пытались путем постановки уточненных задач и выделения бригадам секторов для проведения агентурной работы. В частности, к концу 1943 г. каждая партизанская бригада и отряд Белорусского штаба партизанского движения получили конкретные задания по ведению агентурной разведки в районных центрах и поселках ⁶⁰.

Партийные структуры привлекали к организации партизанской разведки силы оперативных групп НКВД-НКГБ. Так, Минский подпольный горком партии в сентябре 1943 г. ответственным за ведение разведки утвердил «Градова», члена горкома и, одновременно, ко-

мандира опергруппы 4-го Управления «Местные». С ноября 1943 г. по январь 1944 г. Минский подпольный горком с помощью «Градова» сформировал на предприятиях города 79 разведывательно-диверсионных групп, в которые вошло 326 человек ⁶¹. Иногда взаимодействие спецгрупп госбезопасности с партизанской разведкой партийные органы рассматривали в качестве повода для полного подчинения обкомам всех групп, действовавших на подведомственной им территории. Например, 4 сентября 1943 г. секретарь ЦК КП(б) Б (Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии) Н.Е. Авхимович в одной из директив писал, что, по мнению ЦК, независимо от того, кем направляются спецгруппы в тыл врага, они должны связываться с подпольными обкомами партии и выполнять все их задания, наряду с задачами, поставленными непосредственно Центром. В качестве главного довода в пользу своих притязаний на главенство партийные лидеры приводили пункт приказа Сталина от 19 апреля 1943 г. об усилении помощи разведке партизан со стороны спецгрупп ⁶². Впрочем, подобные крайности местной централизации Москва не поддерживала.

В итоге, благодаря суммарному эффекту принятых мер остроту конфликтов при организации разведки постепенно удалось снизить. К концу 1943 г. на уровне руководства ЦШПД, НКГБ и Разведуправления Генштаба Красной армии было установлено взаимодействие по линии разведки. Глубину обмена информацией и формы взаимной поддержки определяли на местах сами командиры оперативных групп (спецгрупп) и партизанских формирований в соответствии с их собственными представлениями о пользе совместной работы.

Германские спецслужбы были сильным и опасным противником. Опергруппы НКВД-НКГБ несли большие потери. В годы войны погибло 12 тыс. оперативных работников и бойцов спецподразделений органов госбезопасности. О потерях агентуры опергрупп можно судить лишь по косвенным сведениям. Наибольшие потери несла агентура, действовавшая в городах. Судоплатов утверждал, что средний срок жизни агентурной группы в городских условиях не превышал одного года ⁶³. По подсчетам историка Э.Г. Иоффе, жертвами германских спецслужб стали более 37,5 тыс. из 70 тыс. белорусских подпольщиков, то есть погибло 53,6% участников подполья ⁶⁴. Вероятно, благодаря более высокому уровню организации нелегальной работы, процент потерь агентуры госбезопасности был ниже, однако и он, надо полагать, был достаточно высок. Немецкий историк, а в прошлом кадровый разведчик, Герд Бухгайт писал о том, что только подразделения абвера (без учета других спецслужб Третьего рейха) сумели выявить около 50 тыс. и ликвидировать приблизительно 20 тыс. советских агентов ⁶⁵.

Опергруппы 4-го Управления НКВД-НКГБ, действовавшие на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, стали универсальным инструментом организации разноуровневой разведки. Опергруппы сумели создать агентурные сети, поставлявшие разведывательную информацию не только тактического, но и военно-стратегического значения.

Уникальные по ценности сведения о подготовке наступления германских войск летом 1943 г. поступили от оперативных групп

«Бывалые», «Местные», «Победители». Полученные сведения помогли Ставке Верховного Главнокомандования верно оценить ситуацию и сосредоточить силы для контрудара. Группа «Победители» передала в Центр добытую агентурным путем информацию о готовящейся немецкой разведкой заброске в Иран группы диверсантов для ликвидации руководителей союзных держав во время Тегеранской конференции.

Огромное значение имела информация о переброске и местах дислокации войск противника, о качестве и количестве его вооружения, о политической обстановке, собранная агентурой опергрупп. Эти сведения не носили сенсационного характера, имели будничныи вид, но были крайне важны для советского политического руководства и военного командования. Примером могут служить результаты работы опергруппы «Боевой». Майор госбезопасности Неклюдов, командир этой группы, — одной из сотен, сформированных 4-м Управлением НКВД-НКГБ, — в июле 1944 г. докладывал руководству НКГБ Белорусской ССР о том, что за два с половиной года работы через агентуру были собраны разведанные по 60 гарнизонам, получены списки служащих немецких учреждений, установлена численность гарнизонов, нумерация частей, добыты схемы укреплений четырех городов и военных сооружений с нанесением на карту объектов бомбовых ударов. Через маршрутную агентуру такие же данные были получены по городам Рига, Псков, Остров. Агентурным путем добывались и регулярно сообщались в Центр сведения о переброске войск и техники противника по линиям железных дорог ⁶⁶. Скупые строки отчета скрывали напряженную работу сотен агентов, которым приходилось рисковать жизнью, добывая нужные сведения. Подобная информация, регулярно поступающая от сотен оперативных групп, позволяла Центру своевременно выявлять намерения германского командования, следить за изменением политической и социально-экономической ситуации на оккупированной территории страны.

За годы войны от оперативных групп 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР поступило 4418 разведсообщений, из них 1358 было передано в Разведуправление Генштаба Красной армии, 619 — командующему авиацией дальнего действия, 429 — командующим и военным советам фронтов ⁶⁷. Оперативные группы (спецгруппы) органов госбезопасности стали важным элементом системы советской разведки в годы войны.

Примечания

1. БОЯРСКИЙ В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.-М. 2003; ЗЕВЕЛЕВ А.И., КУРЛАТ Ф.Л., КАЗИЦКИЙ А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М. 1991; КОЛПАКИДИ А.И. Ликвидаторы КГБ. Спецоперации советских спецслужб 1941—2004. М. 2004; КОРОВИН В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. 2003; ПОПОВ А.Ю. НКВД и партизанское движение. М. 2003; ЕГО ЖЕ. Диверсанты Сталина. НКВД в тылу врага. М. 2008; СЕВЕР А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы Второй мировой войны. М. 2008; СУДОПЛАТОВ П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М. 2001; ЧЕРТОПРУД С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М. 2005 и др.

2. ПОПОВ А.Ю. Разведка в тылу врага. Организация войсковой и агентурной разведки. — Обозреватель. 2005, № 2.
3. РЯБИКОВ П. Разведывательная служба в мирное и военное время. Ч. 2. Томск. 1919, с. 8.
4. Цит. по: СЕВЕР А. Ук. соч., с. 39.
5. ПАВЛОВ А.Г. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. — Новая и новейшая история. 1995, № 2, с. 28.
6. Цит. по: СЕВЕР А. Ук. соч., с. 78.
7. ПАВЛОВ А.Г. Ук. соч., с. 27.
8. ОСНАЗ. От бригады особого назначения — к «Вымпелу». 1941—1981 гг. М. 2001, с. 17.
9. Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. М. 2003, с. 40—42.
10. ПОПОВ А.Ю. НКВД и партизанское движение, с. 47; ГОГУН А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941—1944. М. 2008, с. 63; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 92.
11. НИКИФОРОВ А.К. О вкладе Воронежского управления НКВД СССР в разгром немецко-фашистских войск и их сателлитов. — Лубянка. Отечественные спецслужбы вчера, сегодня, завтра, вып. 12, с. 41—42.
12. ХРИСТОФОРОВ В. Охота на «Кабана». Советские разведчики и диверсанты в тылу немецких войск. — Родина. 2007, № 12, с. 76; ПАВЛОВ А.Г. Ук. соч., с. 31; Энциклопедия секретных служб России. М. 2004, с. 242.
13. СУДОПЛАТОВ П.А. Победа в тайной войне. 1941—1945 годы. М. 2005, с. 331.
14. БОЯРСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 83.
15. ПОПОВ А.Ю. НКВД и партизанское движение, с. 47, 51—53.
16. В документах НКВД-НКГБ одно и то же подразделение, независимо от изменений его численности, времени формирования, объема и характера задач, может называться по-разному: «спецгруппа», «спецотряд», «отряд». В современной литературе эти подразделения еще именуется «оперативными группами». Официальных критериев разделения на группы, отряды и т.п. не выявлено.
17. БОЯРСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 85; ХРИСТОФОРОВ В. Ук. соч., с. 83.
18. СУДОПЛАТОВ П.А. Ук. соч., с. 272.
19. ХРИСТОФОРОВ В. Ук. соч., с. 80.
20. Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (Архив КГБ РБ), материалы спецгруппы «Боевой» (мсБ), арх. № 10, т. 1, ч. 1, л. 1, 3.
21. Там же, л. 118.
22. Там же, л. 26.
23. Там же, л. 135, 137.
24. ХРИСТОФОРОВ В. Ук. соч., с. 80, 82; КУЗНЕЦОВ И.Р. Без грифа «секретно»: тайны архивов и материалов спецслужб. Ростов-на-Дону. 2007, с. 199.
25. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 82; ЗЕВЕЛЕВ А.И., КУРЛАТ Ф.Л., КАЗИЦКИЙ А.С. Ук. соч., с.134.
26. КОРОВИН В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. 2003, с. 170, 174.
27. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 4, 5; т. 1, ч. 1, л. 140; СУДОПЛАТОВ П.А. Ук. соч., с. 336—338.
28. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 7.
29. Там же, л. 6.
30. КОРОВИН В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны, с. 192—193; МИЩЕНКО Г.П., МИГРИН Г.П. Задача особой важности (Партизанская разведка. 1941—1945 гг.). Киев. 1985, с.86, 145.
31. ВЕРШИГОРА П. Люди с чистой совестью: кн. 1—2. М. 1989, с. 446.
32. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 5.
33. Там же, л. 9, 10; т. 1, ч. 1, л. 140.
34. Там же, л.12, 13, 31.
35. МИЩЕНКО Г.П., МИГРИН Г.П. Ук. соч., с. 147.
36. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 16.
37. Там же, т. 2, л. 12.
38. ПРУДНИКОВ М.С. Неуловимые действуют. М. 1965, с. 97—104.

39. ЗЕВЕЛЕВ А.И., КУРЛАТ Ф.Л., КАЗИЦКИЙ А.С. Ук. соч., с. 205.
40. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 17, 18.
41. Там же, л. 24.
42. Там же, л. 23.
43. КИСЕЛЁВ В.К. Партизанская разведка в Белоруссии (июнь 1941 — июль 1944 г.). — Вопросы истории. 1974, № 12, с. 26.
44. БОЯРСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 146.
45. ЗЕВЕЛЕВ А.И., КУРЛАТ Ф.Л., КАЗИЦКИЙ А.С. Ук. соч., с. 123.
46. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 26.
47. ДОЛГОТОВИЧ В. Ведение разведки партизанами при освобождении Белоруссии. — Военно-исторический журнал. 1976, № 3, с. 90.
48. БОЯРСКИЙ В.И. Ук. соч., с. 89; АНДРИАНОВ В. Разведывательная деятельность партизан. — Военно-исторический журнал. 1971, № 8, с. 24.
49. Цит. по: ПОПОВ А.Ю. НКВД и партизанское движение, с. 334—335.
50. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 1, ч. 2, л. 209, 210.
51. ПОПОВ А.Ю. Диверсанты Сталина, с. 339.
52. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 25.
53. СТАРИНОВ И.Г. Мины замедленного действия. М. 1999, с. 145.
54. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2, с. 210—211; Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2. М. 1972, с. 435.
55. ПОПОВ А.Ю. Диверсанты Сталина, с. 277.
56. Герои подполья, вып. 2, с. 455.
57. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. № 10, т. 14, л. 25.
58. КОРОВИН В.В. Ук. соч., с. 172.
59. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М. 1970, с. 278.
60. ДОЛГОТОВИЧ В. Ук. соч., с. 90.
61. Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М. 1970, с. 69.
62. КИСЕЛЁВ В.К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. Мн. 1980, с. 113.
63. ХРИСТОФОРОВ В. Ук. соч., с. 83; СУДОПЛАТОВ П.А. Ук. соч., с. 268.
64. ИОФФЕ Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. Мн. 2007, с. 340—341.
65. БУХГАЙТ Г. Абвер — щит и меч Третьего рейха. М. 2005, с. 237.
66. Архив КГБ РБ, мсБ, арх. №10, т. 14, л. 36.
67. ПОПОВ А.Ю. Диверсанты Сталина, с. 287.

Учреждение царской «охранки» в Русском Туркестане

П.П. ЛИТВИНОВ

Аннотация. В работе выясняются причины и предпосылки появления царской «охранки» в Русском Туркестане. Отмечается, что в течении 40 лет здесь не было органов имперского политического сыска, так как его функции, на основании соответствующих законов, исполняла «военная» полиция. Но события 1905—1907 гг. вынудили военную администрацию региона пойти на сотрудничество с Министерством внутренних дел и согласиться на организацию в Русском Туркестане «охранных» учреждений.

Ключевые слова: Русский Туркестан, политический сыск, «военная» полиция, департамент полиции, революционеры, «охранка».

Abstract. In clause the reasons and preconditions of occurrence imperial «okhranka» in Russian Turkestan are found out. It is marked, that in current of 40 years here there were no bodies of imperial political investigation as its functions, on the basis of corresponding laws, the «military» police executed. But events 1905—1907 have compelled military authorities of region to go for cooperation with the Ministry of Internal Affairs and to agree on the organization in Russian Turkestan «security» establishments.

Key words: Russian Turkestan, political investigation, «military» police, department of police, revolutionaries, «okhranka».

Об истории царской «охранки» в России написано очень много. Однако большинство работ более приближено к научно-популярному жанру, нежели к научному. Кроме того, среди соответствующих исследований преобладают труды, посвященные деятельности царской «охранки» в так называемых «внутренних» губерниях России; что же касается «национальных окраин» империи, то о них в рассматриваемом плане пишут намного меньше. С одной стороны, это оправданно, поскольку революционные события начинались в центральных регионах страны, но, с другой, — такой подход ограничивает представление о деятельности данной службы как целостном явлении в истории всей Российской империи.

Литвинов Пётр Петрович — доктор исторических наук, профессор Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. E-mail: vladlenli@yandex.ru.

Litvinov Petr P. — doctor of historical sciences, professor of Elets State University named after I.A. Bunin. E-mail: vladlenli@yandex.ru.

Как известно, диалектика требует синхронного взаимодействия своих категорий. Нельзя знать о данной проблеме только в общем, не учитывая регионального своеобразия. Например, многие видные представители революционного движения в Российской империи были выходцами из коренных кавказских народов. Вместе с тем, положение на «национальных окраинах» Российской империи нужно рассматривать в соответствии с общественно-политической ситуацией в стране в целом. Известный российский историк О.И. Чистяков писал: «С разрушением Союза сразу возникла проблема границ и не только государственных, но и научных. У историков появился большой соблазн отказаться от нерусских районов нашей страны... между тем, представляется, что такое решение глубоко ошибочно: отрывать историю русского народа от истории всех народов, живших вместе с ним»¹.

Русский Туркестан отличался от подавляющего большинства административно-территориальных образований тем, что изначально находился не в подчинении МВД, а управлялся военным министерством. Если после учреждения в России в 1864 г. военно-окружной системы, во всех иных краях страны должности генерал-губернаторов отделялись от должностей командующих военными округами с отдельным подчинением МВД и военному министерству (даже при их совмещении в лице одного человека), то в Туркестанском крае существовала «нераздельность» власти, когда генерал-губернатор был одновременно и командующим военным округом с подчинением одному центру — военному министерству. «Главный начальник края» сочетал в себе две власти: гражданско-административную и военную. Такая специфика придавала должности руководителей Русского Туркестана большой вес и значение, нежели главам прочих краев империи. Именно поэтому на протяжении более сорока лет на территории региона не было никаких органов имперского политического сыска («охранки»). Бывший митрополит Среднеазиатский и Ташкентский Владимир (Иким) в 2002 г. возмущенно писал о том, что «первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, при вступлении в должность сразу же заявил о том, что при нем в крае «не будет ни архиерея, ни жандарма»². Несмотря на это, в 1872 г. была учреждена Туркестанская православная епархия во главе с епископом, которого генерал-губернатору удалось поселить не в краевом центре — Ташкенте, а на периферии — в городе Верном — «столице» Семиреченской области. С имперским политическим сыском вышло иначе. Вопреки усилиям III отделения «Собственной Его Императорского Величества Канцелярии», а после его ликвидации — Департамента полиции МВД учредить свои «филиалы» в Русском Туркестане, ни при Кауфмане, ни при его преемниках (Черняеве, Розенбахе, Вревском, Духовском, Иванове, Тевяшеве и Суботиче) в регионе не появилось ничего подобного. Может возникнуть закономерный вопрос: как же можно было при отсутствии органов политического сыска поддерживать должный порядок в таком огромном крае, в котором мусульманское население составляло не менее 95% от общего числа его жителей? Можно было, причем достаточно эффективно.

В Русском Туркестане была своя, так называемая «общая», полиция, однако в отличие от всех других регионов царской империи, она подчинялась военному министру, который, по смыслу «Общего гу-

бернского учреждения» и иных законов, на подведомственных ему территориях исполнял полномочия министра внутренних дел. Поэтому «общая» полиция в регионе носила армейскую форму и имела воинские звания и чины, в связи с чем мы будем называть ее «военной» полицией³. Она осуществляла функции политического сыска на основании приложения к примечанию статьи 161-й «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. — «Особые правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям в местностях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства», которое содержало всего пять пунктов, главным из которых был первый, гласивший: «Обязанности чинов корпуса жандармов по производству... дознаний о государственных преступлениях возлагаются, в местностях, в коих не учреждено жандармских управлений, на чинов полиции, которым представляется... заменять жандармского офицера во всех вообще действиях по дознанию»⁴. Остальные пункты касались обязанностей прокурорского надзора в Русском Туркестане в отношении дел о государственных преступлениях, а также обширных прав генерал-губернатора по разрешению споров между таким надзором и «общей» (военной) полицией в регионе и направлению всех дел по расследованию государственных преступлений. Таким образом, органы «военной» полиции в этом отношении ничем не уступали губернским жандармским управлениям в России, и в учреждении «филиалов» царской «охранки» в Туркестане долгое время не было никакой надобности. Однако объективное общественно-историческое развитие рассудило иначе.

Революционная «энергетика» в России последней трети XIX — начала XX в. вызвала мощный рост национального освободительного движения коренного мусульманского населения Средней Азии, влившегося в единый революционный процесс в России, приведший, в конце концов, к реализации общей для всего угнетенного населения страны многовековой «мечты» — победе всенародной (социалистической) революции трудящихся масс. Мы бы не стали категорично отрицать известную общность идеалов «освободительной» борьбы русскоязычного и коренного мусульманского населения Русского Туркестана против царского самодержавия. Между тем, один из лидеров джадидов Ф. Ходжаев в 1920-х гг. признавал, что они не были революционерами «большевистского» типа и «представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих, затронутых европейской культурой мелких буржуа»⁵. Исследователь И.А. Стеценко утверждал, что «джадиды встретили враждебно революцию (1905—1907 гг. — П.Л.) и всемерно поддерживали царизм в ее подавлении»⁶. Вряд ли он был прав. Известно, что видный туркестанский джадид Махмуд-ходжа Бехбуди (1874—1919) в октября 1906 г. в своей газете «Хуршид» («Солнце») резко критиковал развязавших революцию «социалистов» и агитировал население голосовать за кадетов. При этом «он призывал организовать чисто мусульманскую партию, опирающуюся не на класс, а на религии, которая будет стремиться к установлению конституционной монархии»⁷.

Совершенно ясно, что туркестанским джадидам идеи первой русской революции были чужды, и она не рассматривалась ими как «свое» движение. Точно так же полагали и иные лидеры мусульманских круж-

ков региона, не исключая татар-«прогрессистов», считавших своим идеалом «младотурецкую» революцию в Османской империи. Поэтому специфика революционной ситуации в Русском Туркестане, на наш взгляд, заключалась в том, что среди местного мусульманского населения она не имела эндогенных истоков. Они находились непосредственно в самой России, а в Туркестан привносились переселенцами и ссыльными.

Один из жандармских офицеров замечал, что революция в Среднюю Азию «прибывала по рельсам». Но рельсы появились в регионе значительно позже революционеров, которые обосновались здесь еще в 1860-х гг., непосредственно после присоединения Средней Азии к России. И первыми такими «революционерами» (как их называла советская историография) были ссыльные поляки — участники католического мятежа в Польше, перемещенные российским правительством из Сибири в Зеравшанскую долину. Польские «революционеры» «своими антиправительственными настроениями так досадили окружному (Зеравшанского округа. — П.Л.) начальнику, генерал-майору Абрамову, что он потребовал их поголовного переселения в Ташкент под «гласный надзор полиции».

Следует отметить, что с присоединением Средней Азии она стала часто использоваться царизмом как место ссылки, разделив, таким образом, сходную «участь» Сибири и Кавказа. В 1870-х гг. в Ташкент был сослан русский революционер, друг К. Маркса и первый переводчик «Капитала» на русский язык Г.А. Лопатин. В регион в это время ссылали, преимущественно, «народников». Позже в Туркестан стали высылать представителей новых революционных течений — социал-демократов, эсеров, анархистов и прочих. Многие из них пытались продолжать свою «вредную» деятельность, но политический сыск «военной» полиции достаточно быстро ее пресекал. Например, в 1903 г. в Пржевальске поселился молодой ссыльный революционер В.И. Лойцнер, который стал разъезжать по крупным городам края, устанавливая связи с местными социалистами и организуя подпольные типографии. Однако уже в январе 1904 г. «военная» полиция прекратила его деятельность, а власти края «выхлопотали» ему у МВД место новой ссылки Олонецкую губернию. Таким образом, очевидно, что революционная ситуация в Русском Туркестане имела преимущественно экзогенный характер. То, что революционные настроения в начале XX в. охватили части Туркестанского военного округа, также имело «рельсовый» характер, поскольку в них служили только приезжие «нижние чины», ментальность которых была российской, а, значит, подходящей для произрастания семян революционных идей, которые сеяли в регионе профессиональные революционеры из разных оппозиционных царскому режиму партий и движений, также прибывшие «по рельсам».

Вместе с тем, было бы ошибочным отрицать наличие в указанной ситуации и некоторых объективных условий, побуждавших русскоязычных старожилов Туркестана примыкать к «делу» заезжих революционеров. Это были, преимущественно, кадровые рабочие-железнодорожники, жизнь которых мало чем отличалась от жизни пролетариата российских губерний, но была хуже, чем у многих мусульман региона. Исследователь А. Вишневецкий справедливо отмечает, что в дореволюционный период «пришлое население в Средней Азии не пользо-

валось особыми привилегиями, условия жизни, по некоторым параметрам, часто были даже хуже, чем у местного»⁸. Именно поэтому туркестанские железнодорожники с воодушевлением относились к революционной пропаганде, однако более эсеровской, нежели социал-демократической. Естественно, революционные идеи захватили часть туркестанской интеллигенции, но преимущественно молодых ее представителей. Что касается «аграрной» части русскоязычного населения края, то в русских селах с давно прибывшими переселенцами революционные идеи не имели распространения — люди в них были в основном зажиточными. Иное дело — «столыпинские» переселенцы, тяжелое положение которых эффективно использовали преимущественно эсеры, однако массового движения среди мигрантов им вызвать не удалось, что во многом объяснялось разгромом эсеровских организаций силами «неожиданно» появившейся туркестанской «охранки».

Советская историография старалась доказать, что мусульманское население Туркестана встретило первую русскую революцию с воодушевлением и приняло в ней активное участие. С солидной монографией на эту тему выступил, например, А.В. Пясковский⁹. Постарались и другие, особенно историки из республик Средней Азии и Казахстана — одни только ссылки на их труды по данной теме могли бы занять не одну страницу. Однако на деле все обстояло далеко не так. Простое коренное население Русского Туркестана всем своим поведением демонстрировало то, что идеи русской революции были ему чужды. Военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Гаскет отмечал в отчете о положении области в 1906 г., что мусульманское население Туркестана «оставалось совершенно глухим к тем учениям европейского социализма, которые создали столь уродливое и дикое в своих проявлениях революционное движение в центрах России и на других окраинах»¹⁰. «Ревизор» Туркестанского края в 1908—1909 гг., сенатор К.К. Пален, в черновиках своего отчета писал о том, что революция 1905—1907 гг. в Туркестане осуществлялась силами русских и кавказских революционеров, а местное мусульманское население своим безразличием помогло усмирить ее в крае¹¹. Такое безразличие мусульман к революционным событиям признавала даже советская историография¹². Вместе с тем, было бы ошибочным утверждать, что революция 1905—1907 гг. абсолютно не влияла на ситуацию в регионе. Кризис в стране воздействовал на мусульман Средней Азии за счет усиления в Туркестане мер так называемой «усиленной» и «чрезвычайной» охраны.

В конце 1905 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Д.И. Суботич писал в Главный штаб: «Мною получены негласные сведения, что последние события внутри России вызывают сильное брожение в туземном населении»¹³. Безусловно, и в 1905—1907 гг. в Русском Туркестане имели место волнения среди коренного населения. Временами оно восставало против гнета режима и своих соплеменников-угнетателей, но вряд ли советская историография имела основания укладывать выступления «туземцев» региона в контекст общероссийского революционного движения, хотя, разумеется, они имели к нему известное косвенное отношение. Поэтому события первой российской революции в Средней Азии были связаны толь-

ко с осознанными действиями русского и русскоязычного населения, среди которого были рабочие, крестьянская беднота, мелкие предприниматели, низшие чиновники, экзальтированные интеллигенты и часть учащейся молодежи. Так, в 1905 г. в Русском Туркестане имели место забастовки железнодорожных рабочих, нефтяников акционерного общества «Чимион», работников почтово-телеграфных служб и др. Осенью 1905 г. вспыхнуло восстание русских крестьян в Семиречье. В первом революционном году повсеместно проходили митинги, демонстрации и манифестации. Апогеем процесса стал расстрел митингующих в Ташкенте и Пишпеке в октябре 1905 г., выступивших в поддержку всероссийской политической стачки. 8 ноября 1905 г. в Пишпеке снова собралась манифестация, на которой обсуждался царский манифест от 17 октября и выдвигались требования: введение в крае земств «с расширенными правами», решение земельного вопроса как для русского, так и для кочевого населения, выведение из города казачьих войск и т.п.¹⁴ В 1905 г. произошел бунт среди солдат Ташкентского гарнизона, в котором участвовало около 300 «нижних чинов». Он был подавлен. 76 участников восстания арестовали, но только 49 из них были приговорены к разным срокам заключения и службы в «дисциплинарных ротах». Ранее инициаторами этого выступления считали большевиков, однако на деле ими были эсеры.

Военная администрация Русского Туркестана, сделавшая все для того, чтобы погасить разного рода эксцессы в первый год общероссийской революции, надеялась, что новый, 1906 г., принесет ей успокоение. Но она ошиблась. 18 марта 1906 г. эсеры-боевики взорвали бомбу у дома начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта В.А. Косаговского, бывшего начальника «подготовки персидской кавалерии». Взрыв был такой силы, что его слышали во всех концах города, а одна из пушек, стоявших у «губернаторского» дома, взрывной волной была сдвинута с места. На следующий день, 19 марта 1906 г., Косаговский подал в отставку со всех постов. Но она не была принята, и он остался «врио» начальника области и командира 2-го Туркестанского армейского корпуса.

В ночь с 20 на 21 марта близ станции «Голодная степь» Средне-Азиатской железной дороги было совершено нападение на почтовый поезд, следовавший из Ташкента в Асхабад. При этом нападавшие убили двух чиновников и почтальона и, захватив «денежную корреспонденцию», скрылись. Однако «военной» полиции удалось их быстро поймать на территории железнодорожной станции Черняево. Грабителей оказалось двое и при них нашли несколько тысяч рублей. Оба принадлежали к «боевой» группе эсеров, но были, очевидно, еще малоопытны в проведении «эксов» (экспроприации)¹⁵. Летом 1906 г. вспыхнуло солдатское восстание в 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне, продолжавшееся с 13 по 18 июня 1906 года. «Нижние чины» выступили против издевательств некоторых офицеров. Их поддержали солдаты 2-го Закаспийского батальона, также дислоцированного в Асхабаде. Над повстанцами был устроен военный суд. Правительственные власти прислали для расследования обстоятельств восстания прокурора Туркестанского военно-окружного суда, генерала Рымкевича и полковника Ханькова. Во время судебного заседания генерал был застрелен

эсером-террористом Морозовым¹⁶. Жандармский подполковник Л.А. Квицинский, расследовавший деятельность организации эсеров в Закаспийской области, писал по этому поводу, что «Морозов убил Прокурора Туркестанского военно-окружного суда, генерал-майора Рымкевича, который на процессе по солдатскому бунту особенно яро требовал жестоких мер наказания для солдат-бунтарей»¹⁷.

Любопытно, что незадолго до восстания, 1 июня 1906 г., туркестанский генерал-губернатор и командующий Туркестанским военным округом, генерал-лейтенант Суботич писал начальнику Закаспийской области и командиру 2-го Туркестанского армейского корпуса, генерал-лейтенанту В.А. Косаговскому о том, что во вверенных ему частях не все офицеры соответствуют своим должностям и званиям. «Грубое и резкое обращение с подчиненными, иногда в присутствии нижних чинов, — сообщал Суботич, — роняет достоинство офицеров, подрывает к ним уважение со стороны нижних чинов, вынуждает их опускаться и делаться равнодушными к службе»¹⁸. Косаговский сам признавал, что в частях его армейского корпуса многие офицеры вели себя недостойно и потому «не пользовались доверием нижних чинов». Он обращал внимание на то, что «часть молодых офицеров слишком мало изучает и не интересуется бытом своих подчиненных, встречаются прямо сочувствующие освободительному движению»¹⁹.

Подобные акции тревожили «военную» полицию Русского Туркестана. Она была, в частности, обеспокоена активной деятельностью Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, которым руководили эсеры. Союз был центром организации террористических актов на территории региона. Туркестанские власти вынуждены были обратиться за помощью в Департамент полиции МВД, который направил в Туркестанский край надворного советника Отдельного корпуса жандармов, подполковника Квицинского. Профессионал политического сыска Квицинский быстро выяснил то, что не смогла установить «военная» полиция, а именно: всю структуру Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, включавшую 12 районных комитетов по Средне-Азиатской железной дороге, находившихся в городах Красноводске, Казанджике, Кизил-Арвате, Асхабаде, Мерве, Кушке, Чарджуе, Самарканде, Черняеве, Ташкенте, Коканде, Андижане, и 8 «райкомов» по Оренбургско-Ташкентской железной дороге в городах Бузулук, Оренбург, Актюбинск, Челкар, Казалинск, Перовск, Туркестан, Ташкент²⁰. В Ташкенте работал «узловой комитет», включавший по 5 представителей от каждой из двух туркестанских железных дорог. В начале 1907 г. Квицинскому удалось разгромить Туркестанское отделение Всероссийского железнодорожного союза, однако не окончательно, что подтвердилось в том же году. Деятельность Квицинского, пожалуй, стала «знаковой» — именно она подвигла туркестанскую военную администрацию к мысли о сотрудничестве со структурами МВД на ниве политического сыска в крае, возвращать которую самостоятельно, профессионально, со знанием дела местная «военная» полиция оказалась не в состоянии.

Было бы ошибочным полагать, что революционные события в 1906 г. в Русском Туркестане затронули только Закаспийскую об-

ласть. Немалой активностью отличалась и Семиреченская область, где проживало большинство русскоязычного населения края, причем, здесь волнения тоже охватывали в основном воинские части. Но «военная» полиция, используя предоставленные ей законом полномочия, успешно справлялась с возложенными на нее задачами. Так, в августе 1906 г. ею был арестован один из активных социалистов Н.А. Благодарный, распространявший антиправительственные листовки среди солдат Джаркентского гарнизона. В Пишпеке был выявлен солдат местного гарнизона Попов, который раздавал революционные листовки не только среди военнослужащих, но и среди гражданского населения города. В мае 1906 г. в Пржевальском гарнизоне «военная» полиция пресекла распространение листовки: «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!»²¹

Активная работа велась революционными группами и среди солдат, расквартированных в городах «коренных» областей Туркестанского края²². Так, в 1906 г. «военная» полиция арестовала группу социалистов, работавших среди солдат железнодорожного батальона, расквартированного в г. Маргилане Ферганской области, которая сумела создать нелегальные ротные комитеты, распространявшие листовки, а также проводившие устную пропагандистскую работу среди солдат. Руководителя В. Особо и семерых активистов предали суду, который приговорил их к службе в «исправительной роте» в г. Оше Ферганской области. Но и там им удалось создать «социалистический» кружок, который вел революционную пропаганду даже среди паломников, направлявшихся к знаменитому «святому месту» в Туркестане — Сулейман-горе. Ошский уездный начальник в рапорте военному губернатору Ферганской области просил выслать членов «кружка». 27 января 1907 г. «военная» полиция произвела обыски в казармах «штрафной» роты и 10-го Туркестанского стрелкового батальона. Было арестовано много «нижних чинов», но Особо среди них не оказалось, поскольку 16 декабря 1906 г. он бежал в Россию, где позже был обнаружен «охранкой» в Самаре под фамилией В.Н. Голубев и депортирован по месту службы. Туркестанский военно-окружной суд приговорил его и членов его группы к ссылке в Сибирь под «гласный» надзор полиции. Ошская исправительная рота была расформирована, а ее командир, заподозренный в сознательном попустительстве «социалистам», разжалован.

Любопытно, что о деятельности группы узнали чины С-Петербургского жандармского управления, арестовав некую Е. Мастеркову, прибывшую из Ташкента. Начальник управления писал 16 декабря 1906 г. в Департамент полиции МВД, что у нее была «обнаружена при обыске переписка, с достаточной полнотой и ясностью определяющая состояние революционного движения в Туркестанском крае и деятельность местных революционеров, направленную главным образом к революционизированию солдатских масс». Он достаточно подробно описывал деятельность группы Особо, указывая, что она «прибегала также к террористическим актам, одним из коих является убийство наблюдавшего за массовками полицейского чина»²³. Это обстоятельство любопытно тем, что данная группа всегда подавалась как принадлежащая к РСДРП, отвергавшей террор как метод рево-

люционной борьбы. В.И. Ленин в январе 1905 г. писал о том, что «русский террор был и остается специфически интеллигентским способом борьбы»²⁴. Однако, судя по документам, грань между революционной психологией и деятельностью социал-демократов и эсеров в Русском Туркестане была весьма условной, как, впрочем, и во всей России того времени.

Революционная активность подвигла военное ведомство на исходе 1906 г. обратиться к МВД с очередным предложением об образовании органов политического надзора в Русском Туркестане, что стало прологом к появлению в последующем органов Департамента полиции МВД (царской «охранки»). Однако, до их учреждения «военной» полиции региона пришлось еще много поработать самой. Факты свидетельствуют о том, что она вела яростную борьбу против революционных проявлений. Однако ее мало тревожили «мирные» социал-демократы, не занимавшиеся террором. В конце февраля 1906 г. они даже смогли провести в Ташкенте Первую Туркестанскую конференцию РСДРП, на которой были объединены все 17 организаций партии, существовавших на тот период в крае. Деление местных социал-демократов на «большевиков» и «меньшевиков» воздействовало на полицию успокаивающе. Даже создание на конференции Союза туркестанских организаций РСДРП ее мало встревожило — все деятели Союза были в поле зрения сыска. Полицию несколько беспокоила лишь активность большевистской группы Морозова в Самарканде, занимавшейся издательской деятельностью и распространявшей газеты пропагандистского содержания. Но группа была успешно разгромлена, хотя созданные ею газеты продолжали выходить под новыми названиями²⁵.

Основной удар «военная» полиция наносила по эсерам, организации которых успешно работали и в армии, и среди железнодорожных рабочих, и в массах русских крестьян, преимущественно, переселенцев. Эсером оказался даже заведующий Семиреченским переселенческим подрайоном Орест Авенирович Шкапский, начавший свою деятельность в Русском Туркестане в 1889 году. Еще до революции 1905 г. Шкапский был известным в крае литератором и публицистом «левого» направления²⁶. «Военная» полиция действовала оперативно. На всех революционеров она тут же заводила дела и передавала их в суды, которые в это время работали интенсивно. Так, в 1905 г. по материалам полиции было осуждено 1211 чел., а в 1906 — 1976 человек. В 1907 г. Ташкентский военно-окружной суд рассмотрел лишь 209 дел. Но в 1908 г. имел место «последний всплеск» — было рассмотрено 318 дел²⁷. На основании приведенных цифр можно предположить, что в 1907 г. активность революционных сил в Русском Туркестане пошла на спад. Но это не так. Начало года оказалось ошеломляющим в плане революционной активности, которая в других местах России уже явно снижалась. Приведем хронику наиболее важных событий такого рода, носивших, однако, характер отдельных «вспышек»: 8 января 1907 г. неизвестные лица похитили из конторы «службы пути» Средне-Азиатской железной дороги (в Самарканде) 16 револьверов и 216 патронов; 16 января 1907 г. в Асхабаде во время обыска у «частного лица» обнаружили 9 бомб, бикфордов шнур, динамит, оружие и патроны; 21 января 1907 г. в Коканде был убит

старший полицейский Пономарёв; 4 февраля 1907 г. в «столице» Ферганской области — Новом Маргилане — эсеровские террористы пытались убить военного губернатора генерал-майора В.И. Покотило, крайнего реакционера и «солдафона». Газета «Самарканд» писала по следам этого покушения: «Установлено, что покушавшийся на жизнь г. Военного губернатора Ферганской области — крестьянин Херсонской губернии, Александровского уезда, села Андрусовки, Яков Иванович Яковлев, 20 лет, приехал в край в 1902 г. В конце 1906 г. примкнул к организации социалистов-революционеров в Коканде»²⁸. Спасшегося губернатора перевели в Семиречье. Региональный церковный официоз — газета «Туркестанские епархиальные ведомости» — поздравляя Покотило с присвоением чина генерал-лейтенанта, писала 15 февраля 1908 г. о том, что он имеет большие заслуги в борьбе с «революционной заразой» и напоминала, что уже на посту семиреченского губернатора он быстро разгромил подпольную типографию и сделал все, чтобы «шайка беспокойных слуг и прихвостней “еврейского освободительного движения” попала на свое место — на скамью подсудимых»²⁹.

В ночь с 8 на 9 февраля 1907 г., близ станции Кауфмановской (последней перед Ташкентом), в поезд № 5, следовавший по линии Асхабад — Ташкент проникла группа эсеровских боевиков, которая отобрала у «артельщика» Родионова, ехавшего в сопровождении охраны из «нижних чинов», 14 420 руб. 96 копеек. Следует отметить, что при нападении охранники-солдаты не оказали сопротивления нападавшим и дали им спокойно связать себя. Сам Родионов не пострадал — у него лишь отобрали револьвер. 15 февраля 1907 г. редактор газеты «Ташкентский курьер» получил от неизвестного лица сверток, в котором обнаружил револьвер и 3 руб. с запиской, в которой неизвестные просили опубликовать в газете заметку о том, что деньги в поезде № 5 были «экспропрированы летучим отрядом при Туркестанском областном комитете партии социалистов-революционеров, по постановлению последнего»³⁰. В записке также содержалась просьба передать револьвер «артельщику» Родионову с тем, чтобы его не судили за потерю «табельного оружия», а 3 рубля — железнодорожному служащему Филатову, у которого нападавшие во время «экса» позаимствовали картуз для своих нужд.

6 марта 1907 г. было совершено вооруженное нападение на ответственных работников «службы движения» Средне-Азиатской железной дороги, причем помощник (заместитель) начальника «службы» Возняк получил смертельное ранение и скончался. 8 марта 1907 г. из цехгауза 1-й Туркестанской резервной батареи запасные «нижние чины» Ташкентского гарнизона похитили 103 револьвера, из которых потом нашли 101. 9 марта 1907 г. выстрелом из револьвера был ранен помощник асхабадского пристава Светлицкий. Весной в Ташкенте было совершено покушение на городского полицмейстера. В Кизил-Арвате убили (по подозрению в доносительстве) унтер-офицера Геоктипенского батальона. В Мерве бросили бомбу в пристава города. 29 мая 1907 г. было совершено, пожалуй, самое «громкое» в то время преступление — велосипедист в солдатской форме убил ненавистного многим начальника Средне-Азиатской железной дороги, генерал-майора инженерной службы Н.А. Ульянина.

Таким образом, вопреки всем ожиданиям, революционная активность в «коренных» областях Туркестанского края в 1907 г. напоминала 1905—1906 годы. В «некоренной» — Закаспийской области — она тоже оставалась прежней. В 1907 г. рост революционных настроений наблюдался и в другой «некоренной» области — Семиреченской. С января по октябрь 1907 г. «военная» полиция раскрыла около десятка нелегальных солдатских сходок. По результатам некоторых таких акций возбуждались уголовные дела. Например, 2 июня 1907 г. военный губернатор Семиреченской области сообщал в Штаб Туркестанского военного округа о том, что «нижние чины» Пишпекского и Пржевальского гарнизонов, состоящие в партии эсеров и социал-демократов, привлечены к судебной ответственности за антиправительственную агитацию и распространение революционных листовок среди солдат и местного гражданского населения. В том же, 1907 г., «военная» полиция выследила группу эсеров в Семиречье (в основном, в областном центре — Верном), которая совершила кражу типографских принадлежностей и обустроила нелегальную типографию, издававшую листовки, брошюры и даже периодический журнал под выразительным названием «Выстрел». Полицмейстер Верного арестовал членов этой группы, однако не всех. Выяснилось, что эсеры создали подпольную группу гимназистов, издававших на гектографе журнал «Школьная жизнь». В № 2 журнала, в передовой статье говорилось: «Николай Кровавый обманул народ Манифестом 17 октября 1905 г. и этим раздавил на время революцию». В ответ на арест эсеров и иных революционеров гимназисты объявляли: «Мы — новобранцы революции, ее будущие дети и работники, кои должны пополнить поредевшие ряды борцов за великое чудное дело свободы Родины. Мы должны помнить, что мы накануне великих событий. Европейские троны трещат и валятся. Свален трон родного брата по духу нашему Николаю — трон турецкого султана. Остался один, пошатнувшийся, разваливающийся трон деспота России... Еще несколько усилий и он падет с треском и шумом»³¹.

«Экспроприация» эсерами огромной суммы государственных денег, другие теракты, особенно убийство железнодорожного генерала, лишь укрепили туркестанскую военную администрацию в мысли о том, что в крае надо как можно скорее создавать органы общеимперского политического сыска, продолжив на этом направлении уже начатые в октябре 1905 г. контакты с МВД. Но министр внутренних дел А.Г. Булыгин к этому времени фактически уже был отстранен от должности, а пришедший ему на смену П.Н. Дурново не успел (и не хотел) что-либо сделать. В конце апреля 1906 г. министром внутренних дел стал П.А. Столыпин, имевший как глава правительства всю полноту информации о положении в Русском Туркестане. Он находил его непростым и даже опасным. Поэтому и направил в Среднюю Азию «миссию» Квицинского, который подготовил два солидных отчета, сумев соединить в них обрывочные данные, представленные «военной» полицией, жандармско-полицейскими управлениями железных дорог, и сведения, собранные его помощниками. Его отчеты отражали всю тайную деятельность революционных пропагандистов и террористов из управляемого эсерами Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, а также социал-демокра-

тических групп. С помощью собранных сведений Квицинский позже нанес сокрушительные удары по эсеровским центрам и группам Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза. Почти все лидеры отделения Союза были выслежены и арестованы, была разгромлена эсеровская подпольная типография в Асхабаде, где обнаружилось множество брошюр, листовок, прокламаций и т.п. После закаспийских «погромов» эсеров, Квицинский без труда выследил и арестовал большинство членов Туркестанского комитета РСДРП, заседавших в Ташкенте, а также много местных организаций, в том числе Самаркандскую и Пишпекскую. Факт подобных успехов Квицинского признавали и историки КПСС ³².

Между тем, подрывная деятельность революционеров в крае, несмотря на аресты, продолжалась. Поэтому 31 декабря 1906 г. исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора (до приезда нового), генерал-лейтенант Е.И. Мациевский обратился в МВД с просьбой помочь средствами в борьбе с антиправительственными силами в крае. Следует отметить, что при этом он не ставил перед МВД вопроса об учреждении его органов в Русском Туркестане. Столыпин, получив телеграмму Мациевского, понял, что пришло время атаки на военное министерство. В тот же день, 31 декабря 1906 г., он направил военному министру А.Ф. Редигеру письмо, в котором поставил вопрос о необходимости «учреждения в Туркестанском крае жандармского надзора».

Новым туркестанским генерал-губернатором стал Н.И. Гродеков, участник присоединения Средней Азии к России, Хивинского похода 1873 г., Туркменской «экспедиции» генерала М.Д. Скобелева. С 1883 по 1893 г. Гродеков руководил «головной» областью Туркестанского края — Сырдарьинской. Позже он стал Приамурским генерал-губернатором и там тоже неплохо себя зарекомендовал. Одна из крупнейших узловых станций на Дальнем Востоке по сей день носит его имя. Генерал Гродеков был не только хорошим администратором, но и видным ученым. Его фундаментальное сочинение об обычном праве (адатах) кочевников Туркестана, на наш взгляд, до сих пор является непревзойденным ³³. Он много работал над редакцией перевода важнейшего источника ханифитского мусульманского права «Хидайя», принадлежавшей перу великого факиха Бурхан-аддина Али ибн аль-Маргинани (XII в.) — уроженца г. Маргилана в Средней Азии. Книга была издана в 1893 г. на русском языке в четырех томах под редакцией самого Гродекова ³⁴.

18 апреля 1907 г. генерал-губернатор направил свои соображения по вопросу об организации в Русском Туркестане жандармского надзора военному министру Редигеру и министру внутренних дел Столыпину. Он писал: «Включение Туркестанского края в район ведения соседних с краем жандармских управлений, по моему мнению, не достигло бы цели... Организация отдельных жандармских управлений в областях края по типу губернских жандармских управлений представляется, по моему мнению, слишком сложной и громоздкой, по сравнению с теми задачами, которые она должна преследовать» ³⁵. Что касается учреждения краевого жандармского управления, то, по мнению генерал-губернатора, это было «сложным и дорогостоящим механизмом». Гродеков предлагал учредить в регионе самостоятель-

ный орган политического надзора, подчиненный местной военной администрации и включающий в свою деятельность соответствующие функции «общей» (военной) полиции края и жандармско-полицейских управлений двух туркестанских железных дорог. Туркестанский генерал-губернатор критиковал Квицинского за «размашистость» действий, но как человек объективный предлагал направить в край именно его для формирования органов политического розыска, указывая, что считает вполне «возможным присвоить ему звание чиновника особых поручений при Генерал-Губернаторе по полицейской части (V класс должности) (статского советника. — П.Л.) или же, как это установлено на Кавказе, звания Заведующего Особым отделом Канцелярии, в качестве помощника Управляющего моей Канцелярией по полицейской части»³⁶.

Таким образом, Гродеков выступал за учреждение органов политического сыска в Русском Туркестане, однако подчиненных не МВД, а военному ведомству. При этом он предлагал выделить ему по смете Департамента полиции МВД 30 тыс. руб., подчеркивая, что учреждение краевого жандармского управления обойдется дороже. Туркестанский генерал-губернатор прилагал и «Приблизительную смету расходов по организации розыскной части в Туркестанском крае». Петербургская бюрократия в МВД и военном министерстве приступила к обдумыванию предложений туркестанского генерал-губернатора. И, как обычно, она не форсировала их рассмотрение, выжидая, какой ход предпримет конкурирующее ведомство. Возможно, и сам Гродеков не стал бы спешить, но убийство генерала Ульянина переполнило чашу терпения. Получив телеграмму из Асхабада, туркестанский генерал-губернатор в тот же день, 29 мая 1907 г., направил срочные сообщения военному министру и министру внутренних дел об обострении ситуации в крае и просил ускорить достижение взаимной договоренности о направлении в Туркестанский край новой бригады профессионалов политического сыска МВД.

4 июня 1907 г. Азиатский отдел (так стала называться бывшая Азиатская часть) Главного штаба подготовил «докладную записку» «Об организации политического надзора в Туркестанском крае», рекомендовав военному министру приступить к консультациям с МВД по данному вопросу. Редигер прислушался к мнению специалистов. Первым результатом этих консультаций было то, что МВД направило в Туркестанский край бригаду специалистов во главе с подполковником Отдельного Корпуса жандармов А.Т. Васильевым. Изучив обстановку на месте, Васильев доложил в Департамент полиции МВД о том, что организация политического розыска в Туркестанском крае давно назрела, но он должен быть поставлен «в распоряжение генерал-губернатора»³⁷. Тем не менее, в письмах Редигеру и Столыпину от 6 октября 1907 г. туркестанский генерал-губернатор признавал, что работа прибывшей бригады из МВД является «бессистемной и отрывочной» и «не может дать серьезных результатов». Он крайне негативно расценил деятельность железнодорожной жандармерии и в итоге настаивал на том, чтобы любые учреждаемые органы политического сыска в крае подчинялись только его военной администрации³⁸. Тем временем Столыпин пытался усилить позиции своего ведомства и учредить «свои» органы политического сыска. Он поручил

заняться этим вопросом директору Департамента полиции МВД, действительному статскому советнику А.А. Макарову — будущему министру внутренних дел и инициатору «Ленского расстрела» 1912 года. Ознакомившись с письмом Гродекова от 6 октября 1907 г., Макаров 14 октября обратился к исполнявшему обязанности военного министра, генералу А.А. Поливанову с предложением «создать в Ташкенте постоянный центральный розыскной орган для всего Туркестанского края, который состоял бы в распоряжении местного Генерал-Губернатора и осуществлял политический розыск под непосредственным главным руководством Департамента Полиции». Поливанов передал письмо Гродекова от 6 октября и отношение Макарова от 14 октября 1907 г. в Азиатский отдел Главного штаба для подготовки соответствующей «докладной записки». Одновременно копия письма Макарова была направлена туркестанскому генерал-губернатору «для ознакомления» и представления своих соображений по искомому вопросу.

2 ноября 1907 г., не дождавись ответа от Гродекова, Азиатский отдел составил «докладную записку» на основании его первого обращения — «По поводу письма туркестанского генерал-губернатора о поддержании его ходатайства по делу об организации политического надзора в Туркестанском крае». В документе говорилось о необходимости принять содержание письма Гродекова от 6 октября 1907 г. «в соображение», но затребовать от него специальные дополнительные суждения по данному вопросу. 16 февраля того же года «Главный начальник» Туркестанского края направил военному министру рапорт, в котором предлагал создать «Туркестанское жандармское учреждение по типу губернских жандармских управлений», в которое, по причине отсутствия в казне достаточных средств, можно преобразовать одно из железнодорожных жандармско-полицейских управлений края. Он указывал, что штаб-квартиру Туркестанского жандармского управления лучше всего разместить в Ташкенте и дополнить его штат двумя должностями помощников начальника управления, пятью обер-офицерами (по числу областей края), а также одним вахмистром и десятью унтер-офицерами. Гродеков предлагал назначить чинам Туркестанского жандармского управления содержание в размере, равном подобным учреждениям во «внутренних» губерниях России. Таким образом, туркестанский генерал-губернатор проявлял похвальную скромность, приравнивая «среднероссийское» губернское жандармское управление (с территорией во много раз меньшей, чем ареал Туркестанского генерал-губернаторства) к краевому, призванному обеспечивать политический розыск в 5 областях, суммарный территориальный размер которых превышал в несколько раз даже Русский Кавказ. Но скромность требований Гродекова была понятна — при всем революционном «напряжении» в Русском Туркестане, оно было гораздо меньше, чем в самой России или в Черноморско-Каспийском регионе. Естественно, что Гродеков допускал лишь один вариант решения вопроса: подчинение Туркестанского жандармского управления военным властям края.

7 марта 1908 г. Азиатский отдел Главного штаба подготовил новую «докладную записку» по вопросу «Об организации политического надзора в Туркестане», в которой рекомендовал военному мини-

стру, учитывая неопределенность позиции Гродекова, а также то, что она не рассматривалась в Совете туркестанского генерал-губернатора, сообщить министру внутренних дел, чтобы учрежденное им «представительство» в Русском Туркестане «продолжало намеченную организацию созданием подчиненных розыскных органов в виде или жандармских управлений или небольших наблюдательных пунктов, в зависимости от тех средств, которые могут быть ассигнованы на этот предмет»³⁹. Исполнявший должность военного министра генерал Поливанов последовал рекомендации Азиатского отдела Главного штаба и распорядился уведомить Гродекова о том, что военное министерство «замораживает» положение, сложившееся на 2 ноября 1907 г., при котором в крае образуются органы Департамента полиции МВД в лице «Туркестанского Районного охранного отделения», а также розыскных пунктов, подлежащих учреждению в будущем. 9 марта 1908 г. Главный штаб исполнил распоряжение Поливанова. Но 65-летнему Гродекову, в это время покидавшему свою должность, было уже безразлично, как и о чем договорились между собой МВД и его «родное» министерство. Тем не менее, 12 марта 1908 г. в рапорте военному министру он посоветовал попросить МВД направить в Туркестанский край 5 жандармских офицеров — по числу областей в нем. После этого Гродеков передал дела «исполняющему должность» Главного начальника края, генерал-лейтенанту Кондратовичу.

26 марта 1908 г. военный министр направил письмо в МВД, в котором просил Столыпина прислать в Русский Туркестан 5 офицеров Отдельного Корпуса жандармов, которые могли бы возглавить политический розыск в каждой из областей края. Однако средства казны были ограниченными. 3 мая 1908 г. командир Корпуса жандармов, генерал-майор В.Ф. Джунковский писал военному министру о том, что Столыпин распорядился направить в Туркестан только трех жандармских офицеров — ротмистра Миклашеского и штаб-ротмистров Воронича и Коробчакова. При этом он обоснованно ссылался на отсутствие у МВД средств для того, чтобы выполнить все требования туркестанской военной администрации в полном объеме⁴⁰. 12 мая 1908 г. Главный штаб сообщил об этом новому туркестанскому генерал-губернатору П.И. Мищенко, который воспринял это как свершившийся факт, не требующий никаких дополнительных разъяснений. Таким образом, в ноябре 1907 г. в Русском Туркестане появились органы царской «охранки». Первым начальником Туркестанского районного охранного отделения стал жандармский подполковник Квицинский.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что на протяжении длительного периода (1865—1907 гг.) в Русском Туркестане не было органов общегосударственного политического сыска («охранки») по следующим причинам: отказавшись от «жандарма» в регионе, царизм обеспечил «военно-административному» режиму в крае максимально благоприятные возможности для управления многомиллионным мусульманским населением из единого центра — военного министерства; обязанности политического сыска в Русском Туркестане достаточно эффективно исполняла «общая» (военная) полиция края; специфика «нераздельности» власти в регионе позволяла быстро консолидировать все силы для борьбы с антиправительственными и антирусскими выступлениями. Вместе с тем, диалектика обществен-

но-исторического развития страны в период первой российской революции 1905—1907 гг. создала объективные предпосылки для учреждения органов царской «охранки» в Русском Туркестане, подчиненных МВД, так как военная администрация края уже не могла самостоятельно, профессионально и эффективно обеспечивать политический розыск и надзор за революционными организациями и движениями, опиравшимися в своей деятельности на русское и иное «пришломое», а не на коренное, мусульманское население. Безусловно, появление учреждений царской «охранки» в Русском Туркестане явилось важным шагом, повлекшим за собой события, которые нуждаются в специальном рассмотрении.

Примечания

1. ЧИСТЯКОВ О.И. О социальной ценности историко-правовых наук. — Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995, № 6, с. 14.
2. ВЛАДИМИР, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М. 2002, с. 191.
3. Как известно, существует и понятие «военная полиция» (military police) как чисто армейская жандармерия, но в статье закавычивается только слово «военная», что и отражает действительное положение полиции в рассматриваемом регионе.
4. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 2. СПб. 1900, ч. 1, с. 257.
5. Цит. по: ТУРКЕСТАНСКИЙ Г. Кто такие были джадиды? Ташкент. 1926, с. 17.
6. СТЕЦЕНКО И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX в. (1870—1917 гг.). Душанбе. 1963, с. 123.
7. Jadidism. — Central Asian Review. 1964, vol. XII, № 1, p. 33.
8. ВИШНЕВСКИЙ А.Г. Средняя Азия: незавершенная модернизация. — Вестник Евразии. 1996, № 2(3), с. 150.
9. ПЯСКОВСКИЙ А.В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М. 1958.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1396, оп. 1, д. 8, л. 83.
11. Там же, д. 437, л. 39.
12. См., напр.: История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент. 1947, с. 384; История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад. 1957, с. 300; История Киргизской ССР. Т. 2. Фрунзе. 1986, с. 284; КАСТЕЛЬСКАЯ З.Д. Из истории Туркестанского края (1865—1917). М. 1980, с. 80 и др.
13. Цит. по: История Киргизской ССР, т. 2, с. 272.
14. Кыргызстан-Россия. Сб. документов и материалов. Бишкек. 2007, ч. 1, с. 119—120.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 1, д. 328, л. 2.
16. Там же, ф. 76, оп. 1, д. 333, л. 1—2.
17. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 5058, л. 11об.
18. Там же, д. 328, л. 22—22об.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 601, оп. 1, д. 1064, л. 1об.
20. Законом от 16 апреля 1904 г. Оренбургско-Ташкентская железная дорога была официально переименована в Ташкентскую. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-3). Т. 24. СПб. 1907, отд. 1, № 24373, с. 356.
21. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1955.
22. «Коренными» назывались области (Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская), которые входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) до присоединения к нему в 1898 г. Закаспийской и Семиреченской областей.
23. ГА РФ, ф. 102, дп. ОО, д. 25, ч. 67, л. 1, 2.
24. ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений (ПСС). Изд. 5-е. Т. 9. М. 1979, с. 130.

25. История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1974, с. 161—168.
26. См. напр.: ШКАПСКИЙ О.А. Аму-дарьинские очерки. Ташкент. 1900. О его исторических и иных исследованиях писал академик В.В. Бартольд. См.: БАРТОЛЬД В.В. Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского. Сочинения в 9 томах. Т. 2. М. 1964, ч. 2, с. 359—360.
27. ИКРАМОВ О. Политические судебные процессы в Туркестане (1900—1917 гг.). Ташкент. 1989, с. 14.
28. Самарканд. 10.II.1907, № 28.
29. Туркестанские епархиальные ведомости. 15.II.1908, № 4.
30. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 1, д. 5058, л. 19.
31. ГА РФ, ф. 102, дп. ОО, д. 283, л. 3.
32. См.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент. 1967, с. 93, 115 и др.
33. ГРОДЕКОВ Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области. Т. 1. Ташкент. 1889.
34. Хидая. Комментарии мусульманского права. Ташкент. 1893.
35. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 5058, л. 57.
36. Там же, л. 58об.
37. Там же, д. 3645, л. 26.
38. Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент. 1984, с. 297—300.
39. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 5058, л. 92об.—93.
40. Там же, л. 97об.

Бунт наместников на Дунае в середине III в.

Ю.В. Куликова

Аннотация. К середине III в. особенно ярко проявились негативные последствия агрессивной провинциальной политики Римской империи. Усугубляющим фактором стали политическая нестабильность и потеря авторитета императорской власти. Недоверие ставленников Валериана к Галлиену, недовольство его политикой стали причинами сепаратистских настроений в легионах и провинциях. Общепринятой точкой зрения, как у античных авторов, так и у некоторых современных исследователей, является предположение, что восстания на Дунае были началом сепаратистских тенденций в западных провинциях. Однако восстание Ингенуя произошло намного раньше пленения императора Валериана, которое, как известно, явилось поводом для восстаний наместников. При рассмотрении фактов, становится понятно, что мятежи Ингенуя и Регалиана не имели целью отколоть от Римской империи территории, а были вызваны более субъективными причинами и носили чисто локальный характер.

Ключевые слова: власть, император, армия, Валериан, Галлиен, Ингенуй, Регалиан.

Abstract. To the middle third century the negative consequences of the aggressive provincial policy of Roman Empire especially vividly appeared. Political instability and loss of the authority of emperor authority became the aggravating factor. The distrust of the proteges of Valerianus to Gallienus, dissatisfaction with his policy, probably, became the reasons for separate moods in the legions and provinces. As the conventional point of view both in the antique authors and in some contemporary researchers, it is considered that the rebellions on Danube were the beginning of the separate tendencies in the Western provinces. However, uprising Ingenuus occurred considerably earlier than capture of emperor Valerianus, which, as is known, was occasion for uprisings of deputies. With the examination of facts, it becomes understandable that revolt of Ingenuus and Regalianus did not have as a goal to separate from the Roman Empire of territory, but they were caused by more subjective reasons and bore purely local nature.

Key words: power, emperor, army, Valerianus, Gallienus, Ingenuus, Regalianus.

Рим всегда проводил агрессивную внешнюю политику. Это позволило расширить территорию, став Средиземноморской державой, а затем и Римской империей. Огромные ресурсы завоеванных террито-

Куликова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Института истории и политики ГФБОУ ВО «Московский Педагогический Государственный Университет». E-mail: glaman_yul@mail.ru.

Kulikova Julia V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Institute of history and policy, Moscow Pedagogical State University. E-mail: glaman_yul@mail.ru.

рий поступали в Италию и Рим, концентрируясь в «вечном городе», благодаря особенностям провинциальной политики римских императоров. Италия обладала особым статусом, отличным от остальных провинций. Такое положение вещей превращало ее в потребителя, зависевшего от поставок товаров. Нельзя сказать, что провинции находились в бедственном положении. В первые века нашей эры большинство из них были процветающими, с роскошной архитектурой в городах, школами и публичными библиотеками. Они экспортировали свою продукцию, большая часть которой была предназначена непосредственно для Италии и Рима. Однако к III в. н.э. негативные последствия провинциальной политики Рима стали очевидны и, зачастую, почти необратимы. Усугубляли кризисную ситуацию нестабильность центральной власти и потеря авторитета императорами.

С самого начала становления политической системы управления Октавиана Августа — принципата — сенат пытался ухватить ускользавшие из его рук нити власти, включая назначение принцепса. Но у этого органа власти появился очень сильный конкурент, чьи амбиции были не менее значительными. Проведенные реформы не только способствовали формированию профессиональной армии и появлению в ее составе отрядов наемников, но и расширению полномочий командного состава. Армия стала представлять собой реальную политическую силу со своими специфическими интересами, в которой объединяющую роль играл авторитет военного лидера. Связь армии с императором и его администрацией все более укреплялась, благодаря проводимым политико-экономическим мероприятиям, а также продуманной идеологической пропаганде. После того, как центральная власть значительно ослабла, а солдаты поняли, что сами могут избрать того, кто воплотит их надежды, роль армии в политической жизни значительно возросла. Разные группы общества хотели видеть у власти такого императора, который осуществил бы их собственную программу, поэтому в III в. происходила быстрая смена императоров, причем все они погибали насильственной смертью.

Наиболее опасными для императорской власти были тесные контакты между наместниками тех провинций, которые имели в своем распоряжении большие группы войск, тем более что их контингент пополнялся, в основном, из числа местного населения и, таким образом, был привязан к месту своего расположения.

Время правления императора Валериана и его сына Галлиена считается периодом максимального углубления политического кризиса. Происходила активизация военных действий практически на всех рубежах. Возрастала интенсивность германских вторжений. Большую проблему представляли племенные союзы. Так, роксоланы заключили союз с сильнейшим племенным объединением аламаннов. Особенно осложнялась ситуация на рейнском и дунайском лимесах, оборонительные укрепления которых разрушались. Неспособность центральной власти обеспечить защиту регионам тоже являлась значимой причиной для событий середины III века.

Император Валериан пришел к власти (редкий случай в этот сложный для государства период) при поддержке сената и армии¹. Он сменил на троне убитого во время мятежа Требониана Галла, который в свою очередь возглавил государство после гибели в бою импе-

ратора Деция и его наследника. Требониан Галл правил менее трех лет, когда его собственный военачальник, наместник Мёзии и Паннонии Марк Эмилий Эмилиан, мавр по происхождению ², поднял мятеж, вошел в Рим и был признан сенатом в качестве законного императора. Но именно провозглашение рейнскими легионами Валериана изменило расстановку сил. Опасаясь влиятельного военачальника, воины, ранее поддерживавшие Эмилиана, убили его, чтобы признать власть Валериана ³. Этот факт показывает, что Валериан обладал огромным авторитетом. Однако первый узурпатор в его правление появился, возможно, еще до провозглашения Валериана. Вероятно, узурпатор Силбаннак был офицером, оставленным Эмилианом в Риме еще до выступления последнего против Валериана ⁴. Таким образом, узурпация Силбаннака не была ответом на политику императора Валериана, а стала своеобразным протестом против самого восшествия на трон этого императора.

Валериан, как и многие императоры до него, видимо, понимал, что управление огромным государством невозможно при сохранении прежней административной структуры. Ситуация на Востоке складывалась едва ли не самым худшим образом. Персидский Шах Шапур продолжал одерживать победы, вытесняя римские легионы из Месопотамии. Не лучше дела обстояли и на Западе, где активизировались германские племена. Так, на Дунае усилились столкновения с сарматами, роксоланами и другими племенами. На Рейне — с алеманнами, расширившими свой племенной союз за счет более мелких племен.

Воевать на два фронта с одним главнокомандующим и императором было бы очень затруднительно, поэтому Валериан решил, что такое разделение обязанностей и полномочий вполне соответствует насущным задачам Империи. Интересно, что еще император Деций пытался разделить гражданские и военные полномочия; цензором и представителем сената должен был стать Валериан ⁵.

Теперь же, уже будучи императором, для слаженного управления Империей, он разделил полномочия, а фактически и государство, на западные и восточные провинции. По предположениям ряда исследователей, сделанных на основании найденной надписи с именами Валериана и Галлиена, римский император предпринял масштабную инспекционную поездку, желая, видимо, сосредоточить основные силы на рейнском лимесе. Помимо этого, археологические раскопки последних лет заставили современных исследователей вновь обратиться к такому источнику, как «*Scriptores Historiae Augustae*», и предположить, что основным монетным двором Римской империи и, возможно, новой столицей должна была стать Колония Агриппина (*Colonia Claudia Ara Agrippina*) ⁶, получившая новое название: *Civitas Colonia Agrippina Augusta Valeriana Gallieniana* ⁷.

Планируя плотнее заняться восточными рубежами, которые подвергались нападению со стороны персидского шаха Шапура, Валериан в 257 г. перенес свою штаб-квартиру в Антиохию ⁸, куда уже в следующем году отправился сам. Ставка Галлиена должна была располагаться ближе к Рейну, чтобы контролировать оборону против увеличившихся набегов германцев, поэтому Колония Агриппина — наиболее вероятный выбор с административной и стратегической точек

зрения. Исследователи ведут дискуссию по вопросу, был ли перевод монетного двора из Лугдуна в Колонию Агриппину (С I А) окончательным, или монеты чеканились и на другом монетном дворе. Интересно, что в начале XX в. Колония Агриппина считалась исследователями столицей «Галльской империи».

В то же время на дунайский лимес был отправлен Валериан Младший ⁹. Вопрос о Валериане Младшем является спорным. В источниках есть упоминание о том, что это сын Валериана, но от другой женщины ¹⁰, то есть по сути, речь идет о сводном брате Галлиена неизвестного происхождения. В действительности, Лициний Валериан, брат Галлиена, являлся должностным лицом, и в 265 г. был избран консулом ¹¹. После убийства Галлиена Лициний Валериан и его племянник Мариниан погибли, вероятно, претендуя на трон ¹². Таким образом, слова Евтропия, что Галлиен убит в Медиолане вместе со своим братом, ранее принимавшиеся за ошибку, отражают реальный факт ¹³.

Но, с другой стороны, исследователи предполагают, что оба сына Галлиена носили имя Валериан, и их вполне можно именовать Валериан Старший и Валериан Младший ¹⁴. На монете, отчеканенной в Риме, титул выглядел так: P C L VALERIANVS NOB CAES (Publius Cornelius Licinius Valerianus nobilissimus Caesar) ¹⁵. Подобные монеты чеканились также в Колонии Агриппине, Виминации, Антиохии, где стала располагаться резиденция императора Валериана, однако в прирейнских и придунайских провинциях на монетах он только Caesar ¹⁶ — титул, который он получил в 256 году. Предположительно, он не имел права самостоятельно чеканить монету, то есть его полномочия были значительно ограничены. Валериан Младший погиб, вероятно, во время восстания Ингенуя, и только после его гибели Салонин получил титул Цезаря. Только один источник упоминает Валериана Младшего в феврале 258 г., тогда как в июле того же года он уже не фигурирует. На этом основании делается вывод, что его гибель произошла в этот отрезок времени. Только после этого Салонин (Публий Корнелий Салонин Валериан) получил титул наследника ¹⁷.

Император Валериан также предпринял определенные шаги в целях обеспечения безопасности провинций. В них были поставлены опытные и талантливые военачальники, способные организовать защиту подвластного региона. Их авторитет среди воинов был столь велик, что впоследствии, по сообщению Требеллия Поллиона, все они были провозглашены императорами ¹⁸.

Кроме того, автор биографии Аврелиана утверждает, что император Валериан настоял на том, чтобы основная часть западного контингента войск была в руках верного и разумного человека, который одновременно будет помощником и советником Галлиена ¹⁹. Выбор императора пал на уравновешенного и испытанного наместника Галлии и обеих Германий Постума ²⁰, тем более, что под его контролем оставался монетный двор в Колонии Агриппине.

В связи с вышесказанным, возникает закономерный вопрос, каким образом планировалось построить управление государством? Ю.К. Колосовская вполне справедливо утверждала, что введенная Валерианом система управления Римской империей была прообразом тетрархии ²¹. Валериан и Галлиен выступали соправителями, а оба Цезаря

не могли участвовать в законодательной деятельности, а лишь осуществляли надзор. Однако Валериан опирался и на своих военачальников, доверив им защиту провинций. Вероятно, именно эта сила должна была являться уравновешивающим фактором. Каждый из Августов должен был заниматься делами своей части Империи, согласуя свои действия.

Мы не знаем, в каких точно должностях находились поставленные Валерианом наместники. Многие из них вышли из низших слоев, поднявшись по карьерной лестнице и получив свои назначения именно в правление императора Валериана. Возможно, что в беспокойное время, когда на западных и восточных границах Римском империи активизировались многочисленные враждебные племена, эти военачальники были оставлены в должности прокураторов и подчинялись только самому Валериану. Этим можно объяснить дальнейшие события.

Обезопасив, по его мнению, западные рубежи, Валериан отправился на Восток, чтобы начать активные военные действия. Однако удача явно была на стороне шаха Шапура, который, согласно собственной надписи, пленил не только римского императора, но также сенаторов и сопровождавших его знатных лиц и военачальников ²².

Датировка этого события не является твердо установленной ²³. Если Валериан был пленен в 259 г., то неужели наместники восстали против него?

Галлиен проводил множество мероприятий, которые должны были способствовать изменению ситуации. Он оказывал поддержку городам, стремился облегчить жизнь ремесленников и мелких собственников. Фигура Галлиена неоднозначно воспринимается отечественными и зарубежными исследователями. Он прекратил гонения на христиан, а своей военной реформой стремился заручиться поддержкой в армии и, безусловно, был неординарным человеком, обладающим талантами военачальника, но греческая историографическая традиция относится к нему негативно ²⁴.

Галлиен явно опасался влиятельных военачальников, оставленных своим отцом, тем более, что он не пользовался у них авторитетом. Именно этим, вероятно, были вызваны некоторые шаги, предпринятые с целью установления контроля и ослабления власти наместников на Рейне и Дунае. Ю.В. Колосовская отмечает, что в 257 г. Галлиен, стремясь уменьшить влияние дунайских легионов, назначил своего сына Корнелия Валериана командующим войскам в Иллирике ²⁵. Это утверждение вполне можно принять, тем более, что монеты Валериана с обозначением пятых трибутных полномочий были отчеканены в Антиохи ²⁶. Ценой огромных уступок варварам Галлиен пытался решить проблему на Дунае. Он получил титул *Dacicus Maximus* в 257 г., но это не было следствием победы над Ингенуем.

Следовательно, римский император отправился на Восток, по крайней мере, в период до конца 257 года ²⁷. Если принять во внимание, что ряд современных исследователей склонны признавать сведения, предоставляемые античными авторами, достоверными, то речь скорее идет об установлении контроля над опасными провинциями со стороны Галлиена непосредственно сразу после отъезда императора Валериана на Восток. Известный пример — префект претория Силь-

ван, отправленный на рейнский лимес. Мог ли Ингенуй также быть послан на дунайский лимес с целью контроля за Валерианом Младшим? В одном источнике указывается, что супруга Галлиена Салонина не доверяла Ингеную ²⁸.

Известие о пленении и позорном рабстве Валериана вызвало широкий общественный резонанс. Как сообщают источники, многие народы, являвшиеся союзниками Рима, выразили желание отправить военные отряды для освобождения Валериана ²⁹. Они были уверены, что действия персидского шаха должны вызвать соответствующую реакцию императорского дома ³⁰. Это потрясшее империю событие, а также нежелание Галлиена тратить силы на спасение одного человека в то время, когда они необходимы для отражения германских вторжений, вероятно, повлияли на последующие события.

Бездействие Галлиена в отношении участи отца было крайне негативно воспринято в военной среде, чью доблесть и честь подвергли сомнению. Как сообщают античные авторы, вначале к власти устремились Макриан и Баллиста, которые, собрав остатки разбитой в Персии армии, предприняли поход на Рим ³¹. Это произошло не ранее конца 258 г., поскольку сыновья Макриана, провозглашенные императорами, Макриан Младший и Квиет стремились заключить союз с Постумом, наиболее влиятельным наместником, а его восстание приходится на зиму 258—259 годов. Об этом могут свидетельствовать, с одной стороны, монета, найденная на территории Галлии с легендой SPES AV и именем QVIETVS P F AV, которая по стилю более характерна для Макриана Младшего; с другой стороны, — монеты самого Постума с легендой SERAPI COMITI AVG., так как сам культ Сераписа не был распространен в Галлии, и легенда ORIENS AVGG на монетах Регалиана ³². Кроме того, Макриан был представителем богатейшей аристократии, заручиться поддержкой которой было так необходимо в свое время Валериану, и являлся одним из кандидатов на римский престол ³³. Однако в силу того, что у него было физическое увечье, Макриан Старший не принял императорского титула, а провозгласил императорами своих сыновей.

Согласно сведениям Зонары, Ингенуй поднял мятеж в Сирмии ³⁴ (совр. Сремска Митровица), впоследствии — столице одного из тетрархов. Этот известный город мог быть выбран резиденцией для цезаря Валериана. В источниках нет упоминания ни о происхождении, ни об этапах карьеры Ингенуя. Однако путаница в имени узурпатора среди античных авторов не удивительна ³⁵. Подобные примеры можно видеть и в отношении других императоров, например, Регалиана, которого Евтропий называл Требеллианом, или мятежника Лелиана, которого ошибочно называют Лолианом и даже Эмилианом ³⁶. Это связано с тем, что источники относятся к более позднему периоду, когда события середины III в. были подвергнуты забвению, что ясно видно на примере частично сбитой надписи на победном алтаре из Аугсбурга, в попытке уничтожить имя галльского императора Постума, и факт вхождения провинции Реция в состав «Галльской империи», а также победа над ютунгами, приписанная позднее императору Аврелиану.

Не совсем ясно также, какой пост занимал Ингенуй на момент своего провозглашения императором. Фраза Требеллия Поллиона

«Pannonias tunc regebat» позволила некоторым исследователям утверждать, что он был наместником обеих Панноний и Мезий, по крайней мере, его поддержали легионы этих провинций, но, по свидетельству Аврелия Виктора, Ингенуй «curantem Pannonios»³⁷. В таком случае, версия о том, что он был направлен Галлиеном, подобно Сильвану, контролировать дунайский лимес, может быть вполне состоятельной.

Сложно определить точную дату провозглашения Ингенуя императором. С одной стороны, согласно античным авторам, это произошло в 258 г., когда консулами были Марк Нуммий Туск и Муммий Басс, но, с другой стороны, — император Валериан попал в плен в консульство Помпония Басса и Эмилиана, то есть в 259 году³⁸. Кроме того, провозглашение Ингенуя связывается с вторжением сарматов, или маркоманнов, которые опустошили дунайские провинции. Галлиен не предпринял никаких решительных мер, что также могло быть вероятной причиной или оправданием для захвата власти Ингенуем. Но монеты римского императора никак не отражают победу над варварами. И это в то время, когда любые победы над варварами отражались в монетных легендах.

Время провозглашения тем более важно определить, поскольку действия Галлиена оказались достаточно решительными. Если бы он, как утверждает И.П. Сергеев³⁹, пытался подавить восстание Постума, то Ингенуй восстал намного позднее. Но, как известно, первая карательная операция против «Галльской империи» была организована в 261—262 гг., и результат ее был не в пользу римского императора. Кроме того, Аврелий Виктор указывает, что Ингенуя охватила жажда власти, как только до него дошло известие о поражении Валериана⁴⁰. Поэтому, если сопоставить все имеющиеся у нас данные, то конец 258 г. или начало 259 г. является наиболее верной датировкой, соответствующей последовательности дальнейших событий. Таким образом, Ингенуй восстал в то время, когда Валериан отправился на Восток.

Ю.К. Колосовская утверждает, что под контролем Ингенуя оказались легионы Реции, Норика, Паннонии, Верхней Мёзии и Дакии⁴¹, однако никаких доказательств этому нет. Возможно, некоторые из легионов действительно поддержали восстание. Еще Филипп Араб, назначая в этот регион своего полководца и будущего императора Деция, объединил управление войсками Паннонии и Мезии, чтобы противостоять готской угрозе⁴². Именно в связи с сохранением и даже ухудшением ситуации в регионе вряд ли возможно говорить о разделении полномочий при Валериане и Галлиене, а значит, версия о том, что Ингенуй был наместником только Верхней Паннонии, может быть признана несостоятельной. Кроме того, уход римских войск из северной части Дакии в период правления Галлиена, передислокация легионов и прекращение чеканки провинциальной монеты в этом регионе, возможно, стали причинами того, что на юго-западе остались лишь отдельные части легионов. Хотя более вероятно, что подобное решение было принято Галлиеном уже после разгрома восстаний Ингенуя и Регалиана, поскольку римский император уже не мог удержать провинции под контролем.

Основой военных сил в этом регионе были вексилляции⁴³, некоторые из которых также могли поддержать Ингенуя, который был

провозглашен мезийскими легионами с согласия населения Паннонии (ср. провозглашение Регалиана) в условиях, когда только сильный авторитетный лидер смог бы оказать достойный отпор сарматам.

Монет Ингенуя не сохранилось, поэтому мы не знаем точно срока его правления, но, судя по всему, он был не слишком продолжительным. Если уж галльский император Марий, правивший несколько месяцев, сумел отчеканить значительное количество монет, то, видимо, правление Ингенуя было и того меньше. В немалой степени отсутствие монет может быть связано с тем, что, опасаясь усиления дунайских наместников, Галлиен закрыл монетный двор в Виминации⁴⁴. Кроме того, можно предположить, что военные дела по защите региона от внешней угрозы сразу же поглощали внимание провозглашенного императора. Но Регалиан, например, успел отчеканить монеты. Могло ли быть восстание Ингенуя всего лишь мятежом? Дело в том, что существует одна надпись, которую можно приписать жене Ингенуя⁴⁵. В ней она называется матерью лагерей только Петовии (Паннония). Кроме того, среди легионов, которые упоминает Галлиен, нет только легионов Верхней Паннонии, где дислоцировались X и XIV Близнецы, также упоминается только один из легионов Нижней Мезии и один Дакии. Известно, что два легиона Паннонии и два Мезии отпали от Ингенуя, переметнувшись на сторону Галлиена и оставив его, таким образом, полностью без поддержки. Безусловно, при таком раскладе сил у Ингенуя не было шансов.

Галлиен, узнав о выступлении Ингенуя, срочно покинул рейнскую границу и отправился на Дунай. Для борьбы с узурпатором он привлек войска из Британии, прирейнских областей, Дакии, недавно созданный конный корпус во главе с Авреолом. Для борьбы с восставшим наместником Галлиен привлек значительные силы, передислоцировав их с Рейна, Британии, Дакии, поставив во главе Авреола, командующего реформированной конницей. По подсчетам Колосовской, в военных действиях против Ингенуя участвовали вексилляции 17 легионов⁴⁶. И здесь кроется ответ на вопрос о времени восстания. Дело в том, что в состав «Галльской империи» вошли, добровольно присягнув, Галлия, Верхняя и Нижняя Германия, Британия, Испания и Реция. Если Галлиен воспользовался силами этих провинций, то, значит, восстание Ингенуя началось раньше восстания Постума, что не противоречит сообщениям античных авторов⁴⁷.

Вместе с командующим конницей Авреолом Галлиен жестоко подавил восстание. Источники указывают, что решающее сражение произошло при Мурсе в Паннонии (совр. Осиек. Хорватия). Ингенуй был разгромлен, а вот о его дальнейшей судьбе информация достаточно противоречива. Требеллий Поллион указывает, что он утопился, Евтропий — что Галлиен убил Ингенуя лично, а Аврелий Виктор сообщает только о его поражении, хотя И.П. Сергеев утверждает, что он был убит своими же солдатами⁴⁸. Поскольку город расположен на реке, то гибель раненного и преследуемого мятежника вполне могла быть связана с водой. Однако если Ингенуй был среди самых доверенных военачальников Валериана, поставленных им во главе провинций, то, обладая такой военной силой, он вряд ли был разбит в столь короткий срок. И вот здесь возникает предположение, не являлся ли Ингенуй специально назначенным лицом для помощи, со-

провождения и контроля над Цезарем Валерианом, подобно префекту претория Сильвану, сопровождавшему Цезаря Салонина на Рейн. Оба сына Галлиена были еще слишком юны для самостоятельного управления. Сильван, как мы теперь понимаем, действовал согласно плану Галлиена и Валериана по организации контроля над отдельными регионами, но, кроме того, для Галлиена было важно ограничить или лишить власти поставленных его отцом наместников. Именно поэтому вместе с назначенными цезарями проследовали доверенные лица самого Галлиена. По дальнейшим действиям Сильвана видно, что он пытался взять управление провинциями и военными силами под свой контроль, передав распоряжение распределением военной добычи в руки Цезаря Салонина. Колония Агриппина, как и задумывалось Валерианом, стала центром этого региона, где располагалась новая администрация во главе с Цезарем Салонином и Сильваном. Не обладая достаточным авторитетом, в тех условиях почти невозможно было ограничить или лишить наместника военной власти. Это стало поводом для восстания легионов, которые осадили Колонию Агриппину, а после ее взятия убили цезаря Салонина и Сильвана, провозгласив императором Постума.

Вполне возможно, что Ингенуй действовал по той же схеме, стремясь как можно быстрее навести порядок, но также переоценил свои возможности. Именно поэтому присягнувшие ему воинские подразделения не смогли оказать достойного сопротивления Галлиену — их было слишком мало, точно так же не поддержали Сильвана и военные подразделения Галлии и обеих Германий.

Галлиен покарал не только нарушившие верность подразделения, но и жителей провинций, поддержавших узурпатора, «во многих городах не оставив в живых ни одного мужчины»⁴⁹. Такая расправа заставила остальных наместников задуматься не только о своей судьбе, но и о жизни подвластных легионов и населения. Так, галльский император Постум, отразив два карательных похода Галлиена и Авреола, создал буферные зоны, чтобы оградить регион, и правил десять лет.

Вероятно, по случаю победы над Ингенуем Галлиен выпустил монеты, наделявшие участвовавшие в подавлении мятежа легионы почетными эпитетами *Pia* и *Fidelis*⁵⁰. По мнению А. Альфельди, поскольку Галлиен нуждался в войсках, эти эпитеты получили и те легионы, которые поддержали выступление Ингенуя⁵¹. Если за Ингенуем действительно не было сколь-нибудь значительной военной силы, как это могло бы показаться, тогда предположения о локальности его мятежа, затронувшего только Верхнюю Паннонию, являются правдоподобными⁵².

Однако события становились необратимыми. На дунайском левом берегу вспыхнул новый мятеж. Согласно источникам, следующий придунайский узурпатор — Регалиан — «... стал императором по почину мезийцев, которые до того были побеждены вместе с Ингенуем, и против чьих родичей тяжко свирепствовал Галлиен»⁵³. Таким образом, Регалиан оказался провозглашен паннонскими легионами с согласия мезийцев.

Важно, что неспособность Галлиена ответить на внешнеполитические угрозы, стала одной из причин сепаратизма в Римской империи в середине III века. Ценой огромных уступок варварам Галлиен

пытался решить проблему на Дунае. Он получил титул *Dacicus Maximus* в 257 г., но это не было следствием победы над Ингенуем.

Каковы были взаимоотношения наместников, поставленных Валерианом, не известно. Только после гибели Ингенуя они, вероятно, задумались о заключении союза. Галльскому императору Постуму, взявшему под свой контроль Галлию, обе Германии, Испанию и Британию, удалось договориться, видимо, с Макрианом и Квиетом, а также с Регалианом и Симплицием Гениалисом, наместником Реции, который присягнул Постуму. Если бы подобная коалиция осуществилась, у Галлиена не было бы ни единого шанса, поэтому он нанес удар, стараясь уничтожить восставших наместников западных провинций поодиночке, вынужденный оставить восточные дела в руках Одената.

О Регалиане известно немного больше, хотя его имя в источниках также искажено⁵⁴. Однако оно отчеканено на монете — *P.C. Regalianus*⁵⁵, возможно, *Publius Cornelius*. Согласно источникам, Регалиан происходил из Дакии, а его предком был Децебал. То, что его отличил Валериан, может лишь указать на его военные таланты, позволившие ему возвыситься до военачальника. Как раз Регалиан, скорее всего, и являлся наместником обеих Панноний и Мезий, поскольку указанная в источниках должность в то время еще не существовала «*dux Illirici*».

После подавления восстания Ингенуя население провинций не желало, видимо, мириться с правлением римского императора, покровительствовавшего во время уничтожения мятежников даже убийцам родственников⁵⁶. Источники, таким образом, указывают, что причиной провозглашения Регалиана императором послужила поддержка выжившего населения и военных сил, которых у него, как у наместника, было гораздо больше. Современные исследователи указывают, что Регалиан происходил из знатной семьи и даже был сенатором⁵⁷, а значит, был богатым землевладельцем. Примером участия в этот период сенаторов в мятежах может быть аквитанский землевладелец и сенатор Тетрик, ставший последним галльским императором.

О карьере Регалиана ничего не известно, кроме факта, что будущий император одержал победу над *Scipos* (совр. Скопье). В г. Охриде (совр. Македония) была найдена надпись, подтверждающая события, на которые ссылается античный автор. Речь идет о победе над неким войском, двигавшимся с Востока⁵⁸, и в числе полководцев был и Регалиан, поскольку известно, что он оказал важную услугу Галлиену.

Точно установить дату выступления Регалиана невозможно, ясно лишь, что оно произошло спустя некоторое время после подавления восстания Ингенуя, когда Галлиен, посчитав, что мятеж в этом регионе полностью подавлен, направился на Рейн для борьбы с Постумом, а во главе придунайских войск оставил, очевидно, Регалиана. Некоторые исследователи предполагают, что это произошло в 260 г.⁵⁹, но, скорее всего, в 259 году. В источниках указано, что причинами провозглашения Регалиана были, с одной стороны, жестокое подавление предыдущего мятежа, а с другой, — активизация вторжений сарматов⁶⁰.

В вопросе о том, какими силами располагал Регалиан, исследователи расходятся — очевидно, под его командованием были легионы Паннонии (скорее, их части), и, возможно, Мёзии и Дакии. А Альфельди считал, что в распоряжении Регалиана были два легиона Верх-

ней Паннонии (X Парный легион, XIV Парный легион), XIII Парный легион из Дакии и XI Клавдиев легион Нижней Мёзии. Колосовская высказывала мнение, что под контролем Регалиана оказались обе Паннонии, Верхней Мезии и, возможно, Дакии ⁶¹, поскольку с монет Галлиена исчезают легенды, связанные с легионами указанных провинций.

Узурпация Регалиана, видимо, была продолжительнее, чем узурпация Ингенуя — он успел выпустить свои монеты — до нашего времени дошли чрезвычайно редкие антонинианы с изображением самого Регалиана и его жены (или, по другому мнению, матери) Сульпиции Дриантиллы, которые были найдены исключительно на территории Верхней Паннонии и чеканились, скорее всего, в Карнунте. Все найденные монеты — это подчеканки монет Каракаллы, Александра Севера, Юлии Домны и Юлии Мезы, которые показывали стремление нового императора заручиться поддержкой военных и гражданского населения. На основании легенд этих монет, которые упоминают Августов (а не одного Августа), Йозеф Фитц сделал предположение, что Регалиан пропагандировал, таким образом, идею союза с другим восставшим наместником, Постумом. И действительно, легенда CONCORDIA AVGG на монетах Регалиана вполне может свидетельствовать о переговорах и даже некоей договоренности двух провозглашенных императоров ⁶².

Галлиен, занятый войной в Галлии, не сразу среагировал на новый мятеж на Дунае, однако и Регалиан не мог, очевидно, предпринять каких-то активных действий по расширению зоны своего влияния — он был вынужден сразу же отражать нашествия сарматов, квадов или роксоланов. Он одержал несколько побед, и его военные мероприятия явно были успешны (по крайней мере, на аверсе одной из монет есть легенда «VICTORIA»), однако, как сообщает «История Августов», он «... был убит по подстрекательству роксоланов, с согласия воинов, под влиянием страха, охватившего провинциалов, как бы Галлиен не применил снова еще более жестоких мер» ⁶³. Таким образом, Регалиан был предательски убит в 260 г. в сражении в результате организованного заговора его врагов, роксоланов и сарматов, вступивших в союз с теми, кто не поддержал его власть или испугался кары Галлиена.

Выступление Регалиана по-разному оценивается в исследовательской литературе — одни историки считают его узурпацию, так же как и более раннюю узурпацию Ингенуя, проявлением сепаратизма провинций Римской империи и попыткой создания отдельной Дунайской империи (по аналогии с «Галльской империей»). По другому, более распространенному на данный момент взгляду, эти выступления не являлись попытками отделения от Рима каких-то территорий. Провозглашение Регалиана исходило из четко поставленных задач: защита дунайского лимеса от усиливавшегося напора варваров и удержание его. Однако создание «Дунайской империи» по образу «Галльской империи» было в принципе невозможно по ряду причин. Первая — это разрозненная и не прекращающая освободительная война местного населения против римского владычества. Население Дакии, Мезии, Паннонии готово было скорее заключать союзы и объединяться с сарматами и роксоланами, чем примириться с властью Рима. Вторая — фактическое отсутствие крупной земельной аристократии, имевшей влияние и авторитет, сравнимый с авторитетом и влиянием галльской аристократии. В указанный период, например, в Дакии,

только начало складываться крупное землевладение и, возможно, его представители со временем и смогли бы действовать более организованно при защите своих интересов ⁶⁴.

Ясно, что попытки центральной власти установить жесткий контроль над лимесами, изменить стратегию управления государством, не только разделив его, но и перенеся столицы в более удобные со стратегической точки зрения места, на тот момент не увенчались успехом. Причины кроются не только в сохранении системы принципата, которую необходимо было окончательно разрушить, но и в менталитете, сформировавшемся за первые века империи. Если бы император Валериан продолжил править, то, вероятно, именно ему могла бы принадлежать честь формирования новой системы управления.

У Регалиана, стремившегося к союзу с другими наместниками, были шансы расширить свое влияние, но не было достаточно сил. Таким образом, восстания на Дунае, видимо, были мало связаны с пленением императора Валериана. Они восстали не против императора, а против Галлиена, которого не поддерживали. Внешняя опасность, ставшая более ощутимой, в немалой степени подталкивала военачальников к решительным действиям для более действенного, по их мнению, противостоянию варварским племенам. Римские императоры должны были избрать иную стратегию и тактику в борьбе с ними, и их колебания, старая система управления, не позволявшая контролировать всю Империю, дезорганизованность администрации приводили к катастрофичной ситуации. Мятеж Ингенуя должен был продемонстрировать Галлиену общие настроения в военной среде, но римский император не внял предостережению. Потеряв одного сына, он с еще большим упорством пытался дискредитировать наиболее уважаемого наместника, в силах которого было объединить распадающиеся провинции. Восстание Регалиана — скорее, попытка найти баланс и возможность принимать самостоятельные решения в борьбе с варварами, но действия Галлиена привели к тому, что Регалиан, как и другие провозглашенные императоры, стал искать политического и военного союза с Постумом. Именно в таких союзах и совместной координации действий опытные военачальники, видимо, видели возможность успешно противостоять племенам на Рейне и Дунае. Кроме того, им необходимо было иметь мобильные военные группы, способные быстро перемещаться из одного региона в другой, что и показал случай с ютунгами, которые вторглись через Рецию в Северную Италию. Они были полностью разбиты в результате организованной засады. Также важным показателем изменения военной стратегии были подобные группы на лимесе, способные отражать удары и проникать на вражескую территорию, предотвращая нападение. Безусловно, использование наемных отрядов из германских племен — тенденция не новая, но введение их на постоянной основе — это шаг вперед, получивший свое дальнейшее развитие в правление Диоклетиана и Константина. Таким образом, ясно, что опытные военачальники видели проблему и стремились ее решить, что было совершенно невозможно в тех условиях. Каждый из них действовал в интересах подвластного региона, и даже античные авторы не многих смогли обвинить лишь в желании захватить власть.

Галлиен в результате своей политики потерял двух сыновей, часть легионов вместе с командующим кавалерией Авреолом и контроль над

некоторыми западными провинциями. Освобождение из позорного плена Валериана вряд ли изменило ситуацию, ведь, согласно закону, выкупленный из плена врагов не мог вернуть себе прежний статус⁶⁵. А плененный Валериан, как это ни жестоко звучит, Риму уже был не нужен.

Примечания

1. *Scriptores Historiae Augustae* (SHA), Valer. duo., V.
2. Зонара называет его ливийцем. Zonaras, XII, 21.
3. *Epitom.*, XXXI, 2.
4. ESTIOT S. L'empereur Silbannacus. Un second antoninien. — *Revue Numismatique* (RN). 1996, t. 151, p. 105.
5. Должность цензора была восстановлена на этот короткий период времени. См.: ЦИРКИН Ю.Б. Император Деций: попытка возрождения Рима. В кн.: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб. 2009, с. 325.
6. CHRISTOL M. La place du stock d'argent dans l'évolution du système monétaire. — RN. 2003, ser. 6, t. 159, p. 118.
7. *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL) XIII 8261.
8. CHRISTOL M. La prosopographie de la province de Numidie de 253 à 260 et la chronologie des révoltes africaines sous le règne de Valérien et de Gallien. — *Antiquités africaines*. 1976, № 10, p. 76.
9. CHRISTOL M. Les déplacements du collège impérial de 256 à 258: Cologne, capitale impériale. — *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1997, № 8, p. 252; BRENOT Cl. Valérien jeune était-il myste d'Isis? — RN. 1973, ser. 6, t. 15, p. 157—158.
10. SHA, Valer. duo., VIII, 1; *Epitom.*, XXXII.
11. CIL VI 2809.
12. GRANDVALLET C. Marinianus, successeur désigné de Gallien? — *L'antiquité classique*. 2006, t. 75, p. 140—141.
13. *Eutr.*, IX, 11, 1; В другом источнике указывается, что Лициний Валериан погиб в Риме. — Zonaras, XII, 26.
14. BRENOT Cl. .Op. cit., p. 158 СОHEN H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain. T. V. Paris. 1892, p. 531.
15. The Roman Imperial Coins (RIC). Valerian, II, 14. На реверсе легенда IOVI CRESCENTI и изображение Юпитера-ребенка, стоящего рядом с козлом.
16. CIL III 4646, 4647, 4652, 7608, 7971; СОHEN H. Op. cit., p. 531.
17. CHRISTOL M. Les déplacements..., p. 248; GILLIAM H.H. Ein weiterer Antoninian des Saloninus Augustus. — *Numismatisches Nachrichtenblatt*. 1982, BD. 31, № 1, S. 6—7.
18. SHA, Tyr. Trig., X, 15.
19. *Ibid.*, Aurel., VIII, 2.
20. *Ibid.*, Tyr. Trig., III, 3; Gall. Duo, IV, 3—4; Aur. Vict., De Caes., XXXIII, 7; Zosim., I, 38; Zonaras, XII, 24.
21. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Рим и мир племен на Дунае в I—IV вв. н.э. М. 2000, с. 252—253.
22. GAGE J. Comment Sapor a-t-il «triomphé» de Valérien? — *Syria*. 1965, t. 42, fasc. 3—4, p. 355—356.
23. *Ibidem*; CHRISTOL M. La prosopographie..., p. 77; BINGEN J. Georges Lopuzanski. La date de la capture de Valérien et la chronologie des empereurs gaulois. — *L'antiquité classique*. 1952, t. 21, fasc. 2, p. 504—505; PETIT P. Jenö Fitz. Ingenuus et Régalien. — *L'antiquité classique*. 1966, t. 35, fasc. 2, p. 695—696.
24. SHA, Gall. duo., VII; VIII; XI; XVI—XVIII *Eutr.*, IX, 9, 7; Aur. Vict., De Caes., XXXIII, 6; *Epitom.*, XXXII.
25. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Ук. соч., с. 246.
26. RIC. Valerian, 277.
27. Валериан, оставив сына в Колонии Агриппине, а внука Валериана Младшего в Иллирике, отправился на Восток летом 257 года. CHRISTOL M. Les déplacements..., p. 252.
28. ШТАЕРМАН Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957, с. 477.
29. SHA, Valer. duo, I—III.
30. Не раз высказывалось мнение, что Галлиен действовал в соответствии с римскими традициями, согласно которым попавших в плен во время военных столкнове-

ний воинов не выкупали, ссылаясь на случай, произошедший во время войны с Ганнибалом, когда карфагенский полководец предложил выкупить пленных римлян и получил отказ.

31. SHA, Gall. duo, I, 2; III, 5; Tyr. trig., XII—XIV; XVIII, Euseb., VII, 10, 5—9; 23, 2; Zonaras, XII, 24.
32. Cohen. Postum., 169—172; RIC. Postum., 282, 329; RIC. Regalian., 7—8; АБРАМЗОН М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М. 1995, с. 251; CALLU J.P. La politique monetaire des Empereurs romains de 238 a 311. Paris. 1969, p. 132—134.
33. ШТАЕРМАН Е.М. Ук. соч., с. 416.
34. Zonaras, XII, 24.
35. Ingenuus (SHA, Tyr. trig., IX), Ingebus (Aur. Vict., De Caes., XXXIII), Genuus (Oros., VII, 22, 10).
36. Eutr., IX, 8, 1; SHA, Tyr. Trig., V; Epitom., XXXII, 4.
37. Aur. Vict., De Caes., XXXIII; SHA, Tyr. trig. IX, 1; Ю.К. Колосовская предполагала, что Ингенуй объединил военные силы всех дунайских провинций. См. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Ук. соч., с. 246; эту же версию высказывает французский исследователь. См. РЕТИТ Р. Op. cit., p. 695—696.
38. SHA, Tyr. Trig., IX, 1; Aur. Vict., De Caes., XXXIII; CIL VI 03836a-b = CIL VI 31747a-b; CHRISTOL M. Les déplacements..., p. 248.
39. СЕРГЕЕВ И.П. Римская империя в III веке нашей эры: Проблемы социально-политической истории. Харьков. 1999, с. 113.
40. Aur. Vict., De Caes., XXXIII, 2.
41. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Ук. соч., с. 246.
42. ЕЕ ЖЕ. Паннония в I—III вв. М. 1973, с. 238.
43. Там же; FITZ J. Ingenuus et Regalien. Brussels. 1966, p. 27.
44. СЕРГЕЕВ И.П. Ук. соч., с. 114.
45. CIL III 4054; ШТАЕРМАН Е.М. Ук. соч., с. 477.
46. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Паннония..., с. 238.
47. Eutr., IX, 8, 1; Aur. Vict., De Caes., XXXIII; SHA, Tyr. Trig., IX, 1; Oros., VII, 22; Zonaras, XII, 24.
48. SHA, Tyr. Trig., IX; Eutr., IX, 8, 1 Aur. Vict., De Caes., XXXIII; СЕРГЕЕВ И.П. Ук. соч., с. 114.
49. Aur. Vict., De Caes., XXXIII; SHA, Tyr. Trig., IX.
50. RIC. Gallien., 315, 320, 324, 339, 341.
51. ALFÖLDI A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt. 1967, S. 102.
52. ШТАЕРМАН Е.М. Ук. соч., с. 477.
53. SHA, Tyr. Trig., X.
54. Regilianus, Regillianus, Trebellianus.
55. RIC. Regalian., 6—7.
56. Anonym., 5. In.: FHG. 1885, t. IV, p. 191—192.
57. КОВАЛЁВ С.И. История Рима. СПб. 2002, с. 755; Римские историки IV века. М. 1997, с. 346.
58. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Паннония..., с. 239—240.
59. ЕЕ ЖЕ. К истории падения римского господства в Дакии. — Вестник древней истории. 1955, № 3, с. 88.
60. Aur. Vict. De Caes., XXXIII, 2; SHA, Tyr. Trig., X, 1.
61. ALFÖLDI A. Op. cit., s. 102; КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Рим и мир племен..., с. 246.
62. RIC. Regalian., 1—2.
63. SHA, Tyr. Trig., X, 2.
64. КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. К истории падения..., с. 81.
65. Dig., I, 5, 21; XLIII, 16, 1, 19—20; XLVII, 8, 2, 14; ШТАЕРМАН Е.М. Ук. соч., с. 377.

Становление внешней политики США в Аравийском регионе

А.С. Дербенёв

Аннотация. В работе рассматриваются основные этапы американо-саудовских отношений до начала второй мировой войны. Особое внимание уделяется вопросам единства и расхождения американской и саудовской дипломатии по различным экономическим проблемам двусторонних отношений.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, США, ибн Сауд, дипломатия.

Abstract. The work describes the main stages of the Saudi-American relations before the Second World War. Special attention is paid to the unity and divergence of interests between the U.S. and Saudi diplomacy on various economic issues of bilateral relations.

Key words: Saudi Arabia, USA, ibn Saud, дипломатия.

В современной международной жизни Ближний Восток представляет собой один из наиболее важных геополитических, экономических и военно-стратегических регионов мира. Уникальность региона обусловлена тем обстоятельством, что здесь пересекаются этно-культурные, торговые, политические и географические интересы трех цивилизаций — африканской, европейской (западной) и азиатской.

Огромное влияние на развитие стран Ближнего и Среднего Востока, государств северной и северо-восточной Африки, оказывает Королевство Саудовская Аравия, которое, безусловно, играет ключевую роль в развитии региона в целом. Помимо значимости Аравийского полуострова как основного связующего звена для торгово-экономических и финансовых потоков из Азии, Африки, Европы и Америки, нельзя переоценить значимость Аравии как религиозного центра, способного влиять на умонастроения более чем миллиардной армии мусульман, проживающих по всему свету.

Западноевропейские деловые и политические круги оценили значение региона еще в XVII в., когда попытались наладить взаимовыгодные отношения с шейхами побережья Персидского залива. Глав-

Дербенёв Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, преподаватель МПГУ, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: x-chelovec@mail.ru.

Derbenev Andrei S. — PhD, associate professor at the Moscow Pedagogical State University, researcher at the Institute of Oriental Studies. RAS. E-mail: x-chelovec@mail.ru.

ным инициатором и проводником политики была Великобритания. Соединенные Штаты Америки осознали значимость этих королевств, султанатов и эмиратов не сразу, хотя и предпринимали отдельные шаги в XIX в. по устройству здесь своих торговых и дипломатических представительств.

Накануне первой мировой войны ситуация в регионе качественно изменилась. Аравийский полуостров и Персидский залив стали сферой активного приложения капитала из Великобритании, Германии, Франции и США. С одной стороны, это объяснялось упадком Османского государства, в которое на тот момент формально входили Аравия и Месопотамия, и развитием здесь арабского национально-освободительного движения. С другой стороны, открытие нефтяных залежей в регионе Персидского залива и расширение мировой торговли делало эти территории наиболее перспективными в борьбе за мировое лидерство ведущих западных держав.

Первая мировая война, создание мандатной системы, крушение единого буржуазного мира и победа национально-патриотических сил в самой Аравии потребовали от западного сообщества выработки новых принципов ведения дел, которые бы учитывали все вышеназванные обстоятельства. Лидером в этом процессе стали Соединенные Штаты Америки. В 1930—1940-х гг. в отношениях США с Королевством Саудовская Аравия (КСА) произошли серьезные изменения. Именно в этот период были заложены основы стратегического и военно-политического партнерства, на долгие годы определившие господство американских дипломатов и бизнесменов в регионе, и, напротив, способствовавшие ориентации Эр-Рияда на эти круги.

Специфичность развития американо-саудовских взаимоотношений стала результатом влияния ряда факторов. Во-первых, в 1939—1945 гг. возросло значение Аравийского полуострова и Персидского залива как источника стратегического ресурса — нефти, столь необходимой для динамично развивавшихся экономик западных государств. Во-вторых, начало второй мировой войны, особенно события на южном рубеже германо-советского фронта и военные действия в Северной Африке, значительно повысили роль КСА в международных делах. Для Великобритании и СССР этот регион приобрел особое значение в связи с поставками военной продукции из Америки. Наконец, следует отметить уникальность самого государства КСА, присоединившегося к семье суверенных государств только в 1932 году.

Королевство «двух мечетей» представляет собой единое геополитическое, экономическое и культурное пространство, занимающее большую часть Аравийского полуострова. Династия Аль Саудов контролирует огромную территорию площадью 2 млн 150 тыс. кв. км. Между тем, такое единство сложилось далеко не сразу. Среди населяющих земли Саудовской Аравии народов есть этнические арабы, евреи, представители азиатских и восточноафриканских этносов. Саудовская Аравия как географически выгодно расположенная страна Персидского залива с древними традициями и культурой, имеющими особый смысл для приверженцев иудаизма, христианства и ислама, издавна привлекала к себе внимание многих развивающихся наций. Накануне и после второй мировой войны, в том числе и благодаря политическим шагам и экономическим мероприятиям ведущих европейских держав и США, эта пестрая картина еще более усложнилась прибытием сюда выходцев из различных стран, в том числе: индий-

цев, филиппинцев, пакистанцев, египтян. Следует добавить и компактные анклавы мигрантов из западных стран, появившихся здесь в связи с развитием нефтегазовой индустрии.

Саудовская Аравия уже в течение длительного времени является одним из важнейших экономических и военно-стратегических партнеров США. Саудовская политика Вашингтона является ярким свидетельством того, что США хорошо понимают взаимосвязь как между экономическим сотрудничеством и расширением собственного влияния, так и между экономическим взаимодействием и обеспечением собственных стратегических преимуществ в регионе. Это выгодно для Вашингтона поскольку наличие морской и воздушно-транспортной инфраструктуры, связывающей Персидский залив с Европой, Азией, США, создает ситуацию, в которой западный капитал и политический истеблишмент коренным образом влияют на обстановку в этой части света.

Таким образом, начальный этап американского вовлечения в дела ближневосточного региона представляет значительный исследовательский интерес. Понимание современных тенденций развития политики США в отношении Саудовской Аравии, стран Персидского залива и геополитики в отношении ближневосточного региона в целом невозможно без анализа истоков этого процесса.

Состояние документальных и литературных данных в настоящее время позволяет с полным основанием утверждать, что взаимоотношения Соединенных Штатов с Ближним Востоком имеют свою историю. Еще во второй половине XVIII столетия деловые круги США занялись поиском коммерческих и дипломатических партнеров в ближневосточном регионе.

Первым реальным шагом по пути проникновения в арабский мир следует признать 1792 г., когда высшая американская инстанция признала независимость Марокко. Попутно были подписаны соответствующий договор о двусторонних отношениях и ряд торговых соглашений. Спустя 5 лет (в 1797 г.) американский корабль «Ринсвейн Сейлема» бросил якорь у берегов Красного моря в порту Моха, что положило начало пока еще нерегулярным связям между двумя рынками. В дальнейшем основные усилия коммерсантов из Новой Англии были направлены на укрепление своих позиций в крупнейших арабских портах Аден и Джидда. Помимо прямых контактов существовал и иной путь проникновения американских товаров на Восток. Американский историк М. Джозеф отмечал, что во второй половине XVIII в. изделия из Америки проникали на арабские рынки через морской порт Смирна (Турция) с помощью британских торговцев на кораблях Новой Англии. Знакомство американского делового мира с новым для себя регионом продолжалось также благодаря сведениям и рассказам американских моряков, обслуживавших британские суда, которые стояли на рейде в арабских портах ¹.

С помощью завязавшихся контактов к началу XIX в. удалось наладить регулярный товарообмен, который объективно способствовал сближению двух миров. В Америку через порты Персидского залива вывозились экзотические товары местных промыслов, жемчуг и продукция сельского хозяйства: пряности, сухофрукты, персидские ткани ². Особенно высокодоходным для арабов был экспорт кофе. Согласно статистическим данным, Соединенные Штаты только в 1807 г. закупили арабского кофе на сумму 1 709 533 фунтов ³. Выгодные ком-

мерческие отношения привели к появлению на арабских рынках и более серьезных американских игроков. В частности в XIX в. крупная монополия США «Стандард ойл компани» стала торговать керосином в Бейруте и Каире ⁴.

Другим серьезным шагом по пути укрепления своего присутствия в арабском мире следует признать установление отношений США с Маскатом. 21 сентября 1883 г. американским дипломатам удалось подписать весьма выгодный договор с местным султаном. В соглашении подчеркивалось, что между США и султаном Маската отныне существуют дружеские отношения. Политический договор давал американским консулам серьезные полномочия, а именно: быть «привилегированными судьями во всех спорах и процессах, в которых участвовали граждане Америки» ⁵. Помимо установления дипломатических контактов договор предусматривал весьма широкие льготы для американского бизнеса. В частности, договор разрешал американским предпринимателям заниматься торговлей во всех морских портах Аравии. Американские суда, входившие в порты Маската, платили налог всего в размере 5% от стоимости груза. Кроме того, американские торговцы, проживавшие в портах королевства, были освобождены от уплаты каких-либо дополнительных налогов и сборов.

Появление надежной базы в бассейне залива позволило американской стороне приступить к налаживанию связей с местным населением и вести активную разведывательную, просветительскую и миссионерскую деятельность. Дж. де Ново отмечал, что к началу XX столетия выходцами из США были построены больницы и школы на территории современных Бахрейна, Омана и Кувейта. Исследователь утверждал, что большая заслуга в этом деле принадлежит американским миссионерам и врачам, в частности Д. Дикстру, Ч. Крейни, С. Хосману, К. Беннету и П. Харрису ⁶. По словам де Ново, экономическая активность американцев в это время способствовала созданию «благоприятного поля перемен» между Америкой и Аравией ⁷.

Движению американцев вглубь арабского мира способствовали изменения в самом крупном этносоциальном образовании региона. Абд аль-Азиз ибн ар-Рахман ас-Сауд — будущий король и основатель Королевства Саудовская Аравия (1881—1953 гг.) — в первом десятилетии XX в. начал «собрание» земель, которые около столетия назад контролировала династия ас-Саудов. Под ее контролем тогда находилась большая часть Аравийского полуострова. Это была не первая попытка династии основать собственное королевство. Первое возникло во времена Мохаммеда ибн Сауда в 1774 году. Вторая попытка была предпринята в XIX веке. Пик могущества саудовского государства пришелся на 1840—1860-е годы. Однако в 1872 г. турки захватили Хиджаз, Мекку, эль-Хасу, что привело к фактической ликвидации государства.

В январе 1902 г. ибн Сауд предпринял очередную попытку создания независимой арабской страны. Ему удалось освободить территорию нынешней столицы Королевства — Эр-Рияда от турецкого гарнизона, а к 1913 г. он изгнал все турецкие воинские части и администрацию из эль-Хасы ⁸.

Первую мировую войну арабский Восток встретил в составе Османской империи. Однако турецкие власти практически не контролировали территорию за исключением наиболее крупных городов и оазисов Аравии. По справедливому заключению Р.Г. Ланды, политика Стамбула свелась к функциям наблюдения, так как паши, как

правило, «не имели возможности, в случае конфликта, достаточно эффективно противостоять местным феодалам»⁹. На востоке Аравии взаимоотношения османов с местными феодалами были осложнены вмешательством Англии, которая, заключив в 1899 г. тайное соглашение с шейхом Мубараком ас-Сабахом, практически установила свое господство над Кувейтом. Учитывая ранее навязанные договоры о протекторате над Бахрейном, Катаром, Оманом и Абу-Даби, можно констатировать, что к началу первой мировой войны Великобритания была самой вовлеченной западной державой во внутриарабские дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «закрепившись на восточно-аравийском побережье, англичане стали активно вмешиваться в шедшую с переменным успехом борьбу феодальных кланов Саудидов и Рашидидов»¹⁰.

С началом военных действий Туманного Альбиона против Османской империи важнейшими задачами британцев были удержание Египта, Суэцкого канала и акватории Красного моря под своим контролем. Король Неджда — Абд аль-Азиз ибн Сауд считал, что в специфических условиях первой мировой войны «англичане более нуждаются в нем, чем он в них». Впоследствии оказалось, что надежды ибн Сауда, возлагаемые на договор, оказались довольно призрачными из-за британских дипломатических игр, но на момент соглашения будущий король полагал, что смог выторговать лучшие для себя условия. 26 декабря 1915 г. в селении Дарин аравийский лидер заключил договор с английским политическим советником при британских войсках в Месопотамии — своим старым знакомым Перси Коксом. Изучение документов показывает, как внимательно и квалифицированно Абд аль-Азиз подходил к каждому пункту договора и как умело он отстаивал свои позиции, не допуская формулировок, которые предоставляли бы свободу рук англичанам. Кокс и Абд аль-Азиз скрепили своими подписями договор, в котором британское правительство признавало его и его наследников «правителями Неджда, Эль-Хасы, Катифа и Джубейля», включая города и порты, принадлежащие им, а также право контролировать местные племена. Договор был ратифицирован вице-королем Индии 18 июля 1916 года.

Это был первый юридический документ, подтверждавший новый международный статус саудовского государства. Накануне заключения договора англичане сделали эмиру Эр-Рияда подарок в тысячу винтовок и 20 тыс. фунтов стерлингов и разрешили ему закупать военное снаряжение на Бахрейне.

Параллельно переговорам с ибн Саудом шли тайные консультации Форин оффис с шерифом Мекки Хусейном ибн Али аль Хашими. Эти переговоры в конечном итоге привели к арабскому восстанию против турок, которое началось 5 июня 1916 года. Международный вес шерифа — потомка Пророка Мохаммеда, его связи с арабскими националистами и возможность сковать восстанием четыре турецкие дивизии от Маана до Саны предопределили выбор главным английским союзником в Аравии Хусейна. Абд аль-Азиз оказался не только преданным, но и окруженным врагами с трех сторон: с запада — союзным с англичанами шерифом, с севера — османским вассалом Джебель Шаммаром, с востока и севера — восставшим против него воинственным племенем аджман¹¹.

Любопытным в данной связи выглядит мнение историка Боуэна, который подчеркивал, что, несмотря на приоритеты английской

политики в Аравии, британский МИД не спешил идти на разрыв и открытый конфликт с ибн Саудом и его сторонниками: «В годы Первой мировой войны на Аравийском полуострове не происходило каких-либо крупных сражений. Британцы поддерживали арабов (всех, включая сторонников ибн Сауда. — *А.Д.*) в борьбе с Османской империей. Через Хиджаз проходила стратегически важная железная дорога, которая обеспечивала снабжение портов в Красном море. Кроме этого, в 1908 г. была построена сухопутная дорога, связывающая Медину с Джиддой и Дамаском. Ее создание стало возможным благодаря пожертвованиям мусульманских паломников, регулярно посещавших Святые Места»¹². Тем не менее, представляется, что горечь от подобных действий англичан, в определенной степени способствовала поиску Саудидами нового, более надежного партнера.

Активность британской дипломатии и военных специалистов в регионе не могла не обеспокоить американцев. За месяц до вступления США в войну правление «Стандард ойл» разработало программу действий, призванную расширить американские нефтяные владения. Программа состояла из трех пунктов: 1) «знать, что делается на всех месторождениях за границей в смысле разведочных работ и передачи собственности»; 2) «находиться в поле зрения каждого владельца собственности, который может захотеть продать ее или отдать в аренду»; 3) «собирать данные относительно будущих районов нефтяного производства на земном шаре и проявлять интерес к наиболее перспективным из них». Эта программа была изложена в меморандуме, который обсуждался правлением «Стандард ойл» и был принят к руководству¹³. Таким образом, к началу первой мировой войны американская нефтяная бизнес-элита все более проявляла интерес в отношении контроля нефтяных промыслов за пределами США.

Трагические события войны 1914—1918 гг. практически не затронули США и их владения. Спрос на товары из Англии, Германии и Франции по понятным причинам на внешних рынках упал. Напротив интерес к товарам американского экспорта значительно возрос, что привело к интенсивному развитию промышленного производства США. Это, в свою очередь, укрепило положение финансово-промышленного сегмента и правящей элиты американского общества.

После окончания мировой войны и воцарения мира постепенно начала набирать обороты борьба за нефтяные ресурсы Ближнего Востока. Державы-победительницы серьезно задумались над установлением политического влияния над территориями, ранее входившими в состав Османской империи. После войны арабские государства оказались под мандатом Лиги Наций. Нефтяные месторождения Ближнего и Среднего Востока становились все более привлекательными для американских бизнесменов, которые находили этот регион весьма перспективным для умножения капиталов. В этой связи нельзя не отметить тот факт, что в 1919 г. американский нефтяной бизнес попытался получить нефтяную концессию в Месопотамии, однако под давлением Лондона вынужден был тогда отказаться от этой затеи. Попытки правительства Соединенных Штатов как-то помочь американским нефтяникам также не увенчались успехом¹⁴. Потребовались почти пять лет переговоров, прежде чем американская компания «Стандарт ойл» получила доступ к месульским нефтяным полям.

Д. Ергин отмечал, что к окончанию войны государственный департамент и правительство США были заинтересованы в расширении при-

сутствия крупного нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке. Сдерживающим фактором выступала позиция независимых нефтедобытчиков США, либеральной общественности, различного рода социал-демократических обществ и организаций, боявшихся картелирования отрасли, что, по их мнению, могло пагубно сказаться на внутриамериканской конкуренции и ценах на топливо. Предупреждая такую критику, Вашингтон стал проводить совершенно недвусмысленную политику поощрения участия «новых компаний» в развитии нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке. По мнению Ергина: «Вступление в игру новых игроков ускорит разработку ближневосточных нефтяных ресурсов и таким образом принесет более высокие доходы странам региона... В то же время считалось, что чем больше источников нефти на Ближнем Востоке разрабатывается, тем ниже цены для потребителей»¹⁵.

Первая мировая война продемонстрировала всему миру стратегическую значимость нефтяных ресурсов, необходимых для танков, самолетов, морских и подводных кораблей. Английский премьер-министр Керзон, выступая на заседании Межсоюзнического Нефтяного Совета осенью 1918 г., отмечал, что Британия «приплыла к победе на нефтяной волне»¹⁶. Ему вторил его коллега по альянсу премьер-министр Франции Жорж Клемансо, утверждая, что «нефть так же необходима как кровь»¹⁷. Самым успешным британским проектом тогда являлся нефтедобывающий завод в иранском Абадане. Поэтому в 1920-е гг. англичане, а вслед за ними и французы, устремили свои взоры на нефтяные богатства соседней Месопотамии.

Американцы, напротив, в первой четверти XX в. довольно успешно добывали нефть в собственных штатах. Так, в Техасе, Калифорнии, Канзасе и Оклахоме производство нефти за период с 1902 г. по 1914 г. возросло в несколько десятков раз: с 600 тыс. баррелей до 265 700 000¹⁸. Интенсификация добычи продолжилась и после окончания войны. Оперативно отвечая на возросшие потребности промышленности, армии и флота в стратегических ресурсах, значительно увеличивалось количество буровых установок. Причем следует отметить, что более 60% скважин, заложенных в период с 1917—1920 гг. в США, оказались продуктивными¹⁹.

Крупный американский нефтяной бизнес имел и еще один «карманный» источник дохода — в соседней Мексике. Не случайно, что в сентябре 1919 г. президент «Стандард ойл компани оф Нью-Йорк» в беседе со своими коллегами о перспективах добычи нефти подчеркивал, что нефтяной потенциал Мексики возможно в несколько раз превышает нефтяные ресурсы Соединенных Штатов Америки.

Как справедливо подчеркивал Лонгриг, несмотря на то, что значение ближневосточной нефти после первой мировой войны заметно возросло, в целом доля Ближнего Востока в мировом производстве нефти составляла всего 1%²⁰.

Последовательным сторонником нефтяной экспансии США далеко за пределы своей страны выступало Геологическое управление Соединенных Штатов Америки (United States Geological Survey). Проанализировав спрос на нефть за последние 2 десятка лет, оно подготовило доклад Сенату, в котором выражало свою озабоченность в отношении резкого увеличения спроса на нефть в США в ближайшее десятилетие. В мае 1919 г. руководитель Геологического управления Дэвид Уайт призвал американские нефтяные компании «более энергично разрабатывать полезные ископаемые Южной Америки и Ближнего Восто-

ка»²¹. По данным геологической службы, американские нефтяные запасы находились на грани истощения, а спрос на нефть на внутреннем рынке повысился за годы первой мировой войны почти вдвое. Поэтому аналитики Управления выражали опасения относительно перспектив собственного производства нефтепродуктов²².

В 1920 г. Лондон и Париж договорились об урегулировании своих нефтяных претензий — Англия утвердилась в Месопотамии (вскоре переименованной в Ирак), а Франция получила в свою сферу влияния Сирию, что давало возможность протянуть нефтепровод от источников добычи Турецкой нефтяной компании.

Дележ природных богатств подмандатных стран за спиной своего союзника не мог не вызвать резкой реакции со стороны администрации США. Известный отечественный специалист А.А. Фурсенко в своей работе приводит любопытный документ, адресованный представителям США за границей: «Джентльмены! Госдепартамент настоятельно обращает внимание на жизненную необходимость в обеспечении достаточных количеств нефти, как для нынешних, так и для будущих нужд Соединенных Штатов. Развитие уже показавших себя месторождений и исследование новых районов во многих частях мира агрессивно ведется представителями разных стран. Они добиваются нефтяных концессий. Необходимо иметь наиболее полную и свежую информацию относительно деятельности как американских, так и иных граждан в этой области. В связи с этим, вам вменяется в обязанность собирать и быстро переправлять информацию относительно нефтяных концессий, как проектируемых, так и уже предоставленных, о продаже или передаче таких концессий, о перемене собственности на нефтяные промыслы или о важных изменениях во владении либо в контроле корпораций, заинтересованных в нефтяном производстве или сбыте нефти. Информация относительно развития новых нефтяных месторождений или об увеличении производственных возможностей нефтеносных площадей должна также сообщаться. Нужны всеобъемлющие данные. Поэтому и сообщения не должны ограничиваться вышеуказанными пунктами, а должны включать в себя информацию относительно всех интересных вопросов, касающихся нефтяной промышленности, которые могут всплыть время от времени. Вам также вменяется в обязанность оказывать всевозможную поддержку в рамках закона надежным и ответственным гражданам США, которые добиваются нефтяных концессий и прав. Необходимо только следить за тем, чтобы различать граждан США, представляющих американский капитал, а также делать разницу между компаниями, образованными США и действительно контролируруемыми американским капиталом, и теми, которые только образованы по закону США, но контролируются иностранным капиталом»²³.

Таким образом, Ближний Восток стал постепенно превращаться в главный театр нефтяных, пока еще закулисных, войн. «Фактор военно-политического преобладания в регионе, — отмечает Ц. Чикаидзе, — предоставил британскому правительству весомый аргумент в процессе формирования ближневосточного ландшафта после первой мировой войны. И если Индия считалась “жемчужиной британской короны”, то Суэцкий канал рассматривался как “тотем британского величия”»²⁴.

Планы Британской империи в регионе были направлены на предотвращение реализации интересов какой-либо иной державы во

всем бассейне Красного моря и Персидского залива, поскольку контроль за ресурсами и коммуникациями арабского Востока обеспечивал доминирующие позиции Великобритании. Тем не менее, в Лондоне вынуждены были соотносить свои имперские стратегические интересы с экономическими реалиями и искать более рациональные варианты отстаивания своих позиций, а именно, установление «точечных» союзов.

Условия, сложившиеся после распада Османской империи, сделали возможным союз Великобритании и Хашимитской династии, основы которого были заложены в результате участия Хиджаза в антитурецких вооруженных действиях. Образование находившихся под мандатным управлением Великобритании королевств в Ираке и Трансиордании, как и провозглашение независимости Хиджаза, укрепляли этот союз. Хусейн в Хиджазе, Фейсал I в Ираке и Абдалла I в Трансиордании создавали тот действенный треугольник британского контроля, который мог в дальнейшем восстановить британское влияние на всем мусульманском Востоке. Ведь нельзя сбрасывать со счетов факт контроля над главными святынями Меккой и Мединой и крупнейшим портом — Джиддой. Заявление министра колоний У. Черчилля, сделанное в 1921 г., что в отношении арабской расы могут быть применены две политики: одна — держать арабов разделенными, другая — попытаться создать арабское государство, дружественное по отношению к Великобритании, становилось лейтмотивом политики Великобритании на арабском Востоке ²⁵.

В русле провозглашенной политики Великобритания стала уделять большое внимание воздушным коммуникациям Ирака, Адена и Аравии. Считалось, что созданные на этих территориях аэродромы будут обеспечивать доставку грузов из Индии в морские порты Аравии для их дальнейшей транспортировки в Лондон. Развивая эти идеи, британцы позволили подконтрольному Хиджазу завязать дипломатические отношения с рядом государств. К середине 1920-х гг. Королевство Хиджаз имело своих полномочных представителей в Великобритании, Франции, Египте, Ираке, Сирии, СССР, Италии, Нидерландах, Турции, Афганистане ²⁶.

Нет ничего удивительного, что подобная политика, не говоря уже об амбициях и риторике британских властей некогда великой империи, вызвала ответные меры. В марте 1921 г. президент «Стандард ойл компни оф Нью Джерси» В. Тигл, ссылаясь на курс «открытых дверей» обратился в государственный департамент США с просьбой защитить нефтяные интересы его компании в Месопотамии. Руководитель внешнеполитического ведомства Чарльз Эванс Хьюз счел просьбу Тигла обоснованной и обещал поддержку. Тем временем, сенатор К. Лодж 21 марта 1921 г. на встрече со своими коллегами среди прочего заявил, что Англия завладела и полностью контролирует нефтяные богатства на всей планете, что неприемлемо для США.

Однако никаких реальных шагов по официальным каналам предпринято не было. Политическая пассивность в этом вопросе сказалась на практике — вплоть до 1940 г. в Саудовской Аравии не было официального дипломатического представительства США. На государственном уровне стороны поддерживали контакты через американского консула в британской колонии Аден. Собственно с ибн Саудом поддерживал связь только американский посланник в Египте Стюарт Джонсон.

В таких условиях ибн Сауду не оставалось ничего иного, как предпринять самостоятельные шаги по защите своих претензий и власти. Это стало особенно очевидным после 1923 г., когда король Хусейн провозгласил себя халифом — покровителем всех правоверных. Военные действия между Недждом и Хиджазом оказались успешными для сторонников Саудидов.

Следует отметить в этой связи, что косвенно поддержали новообразованное государственное объединение власти молодого советского государства. Нельзя сказать, что советские власти серьезно беспокоили династические распри на территории Саудовской Аравии, но вот установление отношений с правителем Джидды — да. Дело в том, что без поддержки местных властей нельзя было восстановить прерванные в ходе войны и революции морские коммуникации с Персидским заливом. Крупнейшие стоянки судов по пути Одесса — иранская Мохаммеда как раз приходились на хиджазскую Джидду — йеменскую Ходейду и иракскую Басру. Самый крупный морской порт на маршруте — египетская Александрия — из-за боязни английских властей большевистской агитации был в этот период недоступен для советских пароходов. Тем не менее, в 1926 г. ибн Сауд в телеграмме в адрес советского правительства выразил признательность за проявление дружественных отношений и заявил о готовности его страны сохранить с СССР отношения на основе уважения независимости его страны и «прочих международных обычаев, признаваемых всеми государствами».

То, что этот союз был выгоден обеим сторонам, подтверждается рядом фактов. Так, на состоявшемся 26 августа 1927 г. в Ближневосточной секции Российской Восточной торговой палаты (РВТП) совещании внешнеторговых организаций был заслушан доклад начальника второй товарной экспедиции в Хиджаз-Неджд Н.М. Белкина. В нем подчеркивалось, что наличие нормальных дипломатических отношений обеспечивает юридическую основу для торговли между двумя странами. Тогда же было принято решение об установлении регулярных рейсов между Одессой и портами Красного моря, включая Джидду. Арабская сторона, в свою очередь, получила доступ к рынку недорогого продовольствия и строительных материалов. Всего за 1927 г. Советским государством было поставлено в Хиджаз-Неджд 750 т муки и 470 т сахара, что составляло 25% объема сахарного и 10% мучного спроса аравийского рынка. Впоследствии ассортимент был расширен за счет пиленого леса, металлических изделий, тканей, парфюмерии и галантереи ²⁷.

На фоне изменившейся международной ситуации, с одной стороны, и вследствие бездействия официальных властей, с другой, активизировались американские бизнесмены. Так, в июне 1927 г. между американскими представителями и ибн Саудом была достигнута договоренность о том, что крупнейшие американские нефтяные производители («Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Стандард ойл компани оф Нью-Йорк», «Атлантическая нефтяная компания», «Галф ойл») получают возможность заниматься разработкой нефтяных месторождений на Аравийском полуострове ²⁸.

В сентябре 1927 г. известный американский предприниматель Джон Уотсон изложил свои взгляды на возникшую ситуацию в Аравии в письме на имя Госсекретаря США. «По моему мнению, — отмечал Уотсон, — сейчас для нас (правительства США. — А.Д.) становится все более необходимым значительно расширить отношения с эмиром государства Неджд ибн Саудом» ²⁹.

Настойчивые требования государственной протекции со стороны крупного бизнеса не могли остаться незамеченными. Дипломатический корпус США стал втягиваться в эти интриги, причем, действуя своими методами. В частности, американский дипломатический представитель в Адене, указывая на наличие нефтяных запасов в Аравии, предлагал Вашингтону использовать англо-итальянские противоречия в Красном море с целью вытеснения обоих конкурентов и «установления контроля над нефтью Восточной Аравии»³⁰. Дело в том, что в это время британская компания «Петролеум» группы «Шелл» получила концессию от Идриси Асира на добычу нефти на Фарасанских островах в Красном море вблизи побережья Асира. Итальянские власти, естественно, были обеспокоены таким соглашением³¹.

Получив поддержку от дипломатов и правительства, а также надежную опору в лице ибн Сауда, американские предприниматели значительно расширили поле своей деятельности. В ход были пущены проверенные еще в конце XIX — начале XX в. методы широкой миссионерской и гуманитарной практики.

В 1927 г. в Бахрейне по инициативе американских миссионеров был построен госпиталь Святого Мейсона, а также открыты две школы³². На юге от Бахрейна в Маскате в 1930 г. была построена больница, где впоследствии был установлен мемориал в честь американского доктора Д. Дикстра.

Параллельно начались и широкомасштабные геологоразведочные работы. Уже 1928 г. «Стандард ойл оф Калифорния» направила группу геологов во главе с Ломбарди в Персидский залив. Им было поручено изучить геологическое строение Аравийского полуострова, Бахрейна и Ирана. Руководители «Стандард ойл» полагали, что арабская земля богата нефтью. «Стандард ойл» выкупила у «Галф ойл» право на проведение разведочных работ, заплатив 50 000 долларов³³.

Любопытно, что, смотря сквозь пальцы на деятельность миссионеров в соседних княжествах, ибн Сауд очень ревностно относился к появлению пуританских проповедников на территории своей страны. Когда в конце 1920-х гг. нью-йоркские пресвитериане прибыли в западную Аравию, ибн Сауд направил письмо американской дипломатической миссии в Каире с просьбой отозвать своих проповедников. «Религиозные каноны не допускают существование какой-либо другой религии в священных землях Хиджаза и Неджда кроме ислама» — говорилось в обращении короля к американским дипломатам³⁴. При этом правитель высоко ценил практическую пользу от американской помощи в организации местного здравоохранения и образовательных учреждений. В 1930 г. он пригласил американского доктора П. Харрисона посетить королевский дворец в Эр-Рияде. В ходе встречи ибн Сауд особенно подчеркивал, что проблемы здравоохранения и образования являются главными и наиболее острыми, не терпящими отлагательств³⁵. За период с 1921 до 1933 г. в Эр-Рияде и Дахране американцами были построены четыре школы и три больницы.

Великобритания не могла просто наблюдать за тем, как американский бизнес пытается получить доступ к нефти Персидского залива, Она приложила большие усилия для того, чтобы помешать американцам получить концессию от хакима Бахрейна, который находился под британским влиянием. Это было существенным препятствием для американских геологов. Шейх Иса ибн Али аль Халифа на переговорах с американскими нефтяниками по поводу предоставления

концессии был вынужден выдвинуть ряд условий. Он заявил, во-первых, что общее руководство ходом геологоразведочных работ должны осуществлять американцы совместно с британцами и чиновниками из аппарата государственного управления Бахрейна. Во-вторых, американские геологи обязаны регулярно передавать английской стороне отчеты о ходе буровых работ ³⁶.

Руководство «Стандард ойл» восприняло требования шейха с настороженностью. Американские нефтяники понимали, что британцы попытаются помешать заключению нефтяного соглашения США с Бахрейном, и, в свою очередь, обратились в Государственный департамент с просьбой поддержать их усилия и прийти к взаимопониманию с английской стороной. 30 марта 1929 г. госсекретарь Келлог поручил официальному представителю США в Лондоне выяснить позицию высшего звена власти Великобритании по нефтяному вопросу ³⁷.

30 мая американский посланник сообщил в Вашингтон, что британцы не имеют ничего против участия нефтяных компаний Соединенных Штатов Америки в разработке нефтяных ресурсов Бахрейна. Кроме этого, он отметил, что правительство Туманного Альбиона выразило надежду, что американские компании будут вкладывать средства в развитие инфраструктуры Бахрейна. Пока шли англо-американские переговоры «Стандард ойл оф Калифорния» создала дочернее предприятие «Бахрейн Петролеум Компани». В сентябре 1930 г. эта компания получила нефтяную концессию в Бахрейне ³⁸.

Согласно концессионному соглашению «Бахрейн Петролеум Компани» обязывалась открыть свое представительство в Великобритании и обмениваться с британцами информацией о ходе геологических работ в Бахрейне. Кроме того, британские геологи могли свободно посещать места геологоразведочных работ. Согласно соглашению, официальный представитель руководства нефтяной компании должен был постоянно находиться в Бахрейне и совместно с британским посланником и первым помощником бахрейнского хакима следить за ходом геологоразведочных работ.

Урегулирование спорных вопросов вокруг сырьевых ресурсов арабийского региона положило начало нормализации дипломатических отношений будущего королевства со всеми заинтересованными странами.

К началу 1930-х гг. американские политики осознали необходимость усиления своего влияния в Аравии. Основой для начала процесса дипломатического урегулирования двусторонних отношений стала инициатива правительства Хиджаза и Неджда. В мае 1919 г. оно направило письмо президенту США с предложением установить официальные дипломатические отношения. Государственный департамент поручил американскому послу в Египте передать, что усилия арабского монарха и его правительства в этом вопросе не останутся без внимания ³⁹.

И действительно, Государственный департамент США разослал инструкции своим представителям в арабском мире на предмет изучения перспективности такого соглашения.

Одним из первых откликнулся американский посланник в Адене. Весной 1930 г. он направил пространный меморандум, в котором отмечалось, что арабское правительство проявляет заинтересованность в укреплении экономических и политических контактов с Америкой. Он подчеркивал «быстрое развитие отношений между США и Саудовской Аравией» и рекомендовал поддержать инициа-

тивы ибн Сауда. Практически в том же духе высказался и американский представитель в Каире. Дипломаты утверждали, что «ибн Сауд готов подписать договор о дружбе, а также произвести обмен дипломатическими представителями с Соединенными Штатами Америки»⁴⁰.

Руководитель Отдела ближневосточных дел (ОБД) Государственного департамента П. Аллинг, приняв во внимание рекомендации, подготовил меморандум по саудовскому вопросу. В нем говорилось, что король Хиджаза Абд аль-Азиз ибн Сауд имеет большой авторитет в исламском мире, что для американской политики весьма полезно. Кроме того, он подчеркивал необходимость проведения геологоразведочных работ в Аравии⁴¹.

Спустя несколько месяцев, новый директор ОБД Уоллес Мюррей направил госсекретарю меморандум, в котором указывал на стратегическую значимость ближневосточной нефти и необходимость установления дипломатических отношений с Саудитами. Мюррей поручил американскому послу в Великобритании сообщить саудовскому посланнику, что американское правительство рассматривает вопрос о признании правительства ибн Сауда⁴².

Вместе с тем, в инструкции подчеркивались условия, при которых американская сторона может заключить соглашение и которые необходимо «зарезервировать» за США. «Однако прежде чем двигаться дальше в этом вопросе, — писал Мюррей, — правительство США надеется получить соответствующие гарантии того, что правительство ибн Сауда готово вести переговоры с США, и заключить договор о дружбе, торговле и обеспечить режим наибольшего благоприятствования»⁴³. Мюррей также рекомендовал американскому послу в Лондоне получить от официального представителя ибн Сауда в Великобритании всю возможную информацию о внешнеполитической деятельности Королевства Хиджаз и Неджд.

Параллельно американскому атташе по экономическим вопросам на Ближнем Востоке поручили дать квалифицированную справку о состоянии американо-саудовских дел. Поездка американского эmissара с посещением Джидды состоялась в марте 1930 года. В итоговом докладе подчеркивалось, что по состоянию на 1929 г. арабский импорт составил 400 тыс. долларов, и, по меньшей мере, 10 американских компаний включая «Дженерал Моторс», «Форд», «Крайслер», «Пэккард», «Файрестон», «Гуд Еар», «Чемпион Спакпаг», «Стэндарт ойл оф Нью-Йорк», имеют устойчивые связи с саудовским рынком.

Руководством ОБД был проведен ряд консультаций с коллегами из Белого дома. Эксперты внешнеполитического ведомства США поддержали Мюррея, предполагая, что с установлением дипломатических отношений с ибн Саудом и подписанием экономических договоров между двумя государствами арабский импорт вырастет как минимум на 63% и составит более 1,5 млн долларов. Аналитики из Вашингтона согласились и с предположением Мюррея, что молодое арабское государство крайне нуждается «в насосах, современных ирригационных системах, машинах»⁴⁴.

В итоговом меморандуме на имя Госсекретаря США, поданном Мюрреем по результатам проделанной работы, подчеркивалось, что Соединенные Штаты Америки могут выручить десятки тысяч долларов в случае установления дипломатических отношений и подписания соглашений торгово-экономического характера с ибн Саудом. Мюррей подготовил проект перспективных разработок и потенци-

альных областей для американских инвестиций. Область американских капиталовложений должна была затронуть: 1) реконструкцию и расширение Хиджаской железной дороги (от Дамаска до Медины), включая глубокую модернизацию соответствующего оборудования и инфраструктуры; 2) строительство дорог и шоссе; 3) строительство портов, причалов и складов; 4) создание телеграфной сети; 5) решение проблем водоснабжения, канализации и т.д.; 6) разработку и обустройство нефтяных месторождений Аравии. Кроме того, в докладе подчеркивались выгоды от инвестиций во все отрасли хозяйства Аравии, не считая прибыли от американских поставок продуктов питания, транспортных средств, самолетов, шин, оружия и боеприпасов для арабской армии ⁴⁵.

Несмотря на взаимные выгоды от установления двусторонних отношений в полном объеме, потребовалось несколько лет для подписания окончательного документа. Мировой экономический кризис, развившийся в 1929 г. существенно затормозил переговорный процесс. Прежде всего, мировой кризис сказался на экономической стабильности государств. Особенно негативно отреагировала экономика аравийской монархии. Причем кризис отразился не только на уровне цен на основные товары потребления и соответствующем падении уровня жизни, но и на сокращении количества паломников к святым местам из-за рубежа, приносящих, большую часть дохода государственной казне. Если в 1929 г. хадж совершили примерно 100 тыс. чел., то в 1930 г. Мекку и Медину посетили примерно 80 тысяч. К 1931 г. эта цифра сократилась еще вдвое и составила приблизительно 40 тыс. паломников ⁴⁶. Резкое падение денежных поступлений в казну, за счет которой традиционно «кормились» шейхи подконтрольных племен, порождало социальную напряженность в саудовском обществе и могло привести к восстанию наиболее непокорных племен Хиджаза.

Перед правящим домом стояла непростая задача. Либо пойти по пути военного подавления очагов недовольства в бедуинской среде, либо изыскать средства, с помощью которых можно было бы умиротворить недовольных. Первый путь выглядел наиболее простым и доступным, тем более, что перед глазами стоял опыт подобных действий со стороны английских властей в отношении недовольных арабов в Ираке. В этой связи Г.И. Мирский писал: «Английская авиация весьма активно действовала против народных повстанцев...» В сентябре 1932 г. в журнале «Нью стейтсмен энд Нейшн» была опубликована статья участника подобных экзекуций капитана Мэмфорда, в которой описывались последствия военных налетов на позиции курдского лидера — шейха Ахмеда Барзани. В частности капитан Мэмфорд писал: «Район расположения людей Ахмеда был подвергнут интенсивной бомбардировке с использованием бомб замедленного действия; даже скот уничтожали с воздуха» ⁴⁷.

Вместе с тем, подобные акции, пусть и имевшие сиюминутные выгоды, могли вылиться впоследствии в затяжную гражданскую войну, чего ни в коем случае не мог допустить ибн Сауд. Не обладая авторитетом потомка Пророка, он вряд ли мог погасить такие волнения. Поэтому во избежание народных бунтов правительство ибн Сауда пошло по второму пути — более миролюбивому, но и более затратному, что впоследствии сказалось на большой финансовой задолженности страны перед европейскими кредиторами и ограничении свободы маневра Саудовской Аравии во внешнеполитических делах.

Представители ибн Сауда обратились за финансовой помощью к Индии, которая в свое время оказывала поддержку саудовскому дому в борьбе с ихванами. Кроме этого, лидер саудидов обратился к британским фирмам «Истерн Телегрэф Компани» и «Джилатти Хэнкей», занимавшихся прокладкой телеграфных сетей и установкой систем связи для саудовского правительства, с просьбой предоставить денежную ссуду. Первыми откликнулись англо-индийские власти, предоставившие саудовскому правительству 40 тыс. фунтов стерлингов. Этот транш был поддержан и кошельком британской короны, которая перевела на счет ибн Сауда еще 75 тыс. фунтов стерлингов. К началу 1931 г. саудовский долг британцам превысил 100 тыс. фунтов стерлингов, что давало в руки лондонского правительства серьезные рычаги воздействия на арабийцев. В результате внешнего давления министр экономики Королевства Хиджаз и Неджд А. Сулейман был вынужден принять решение о девальвации риала, повысив содержание в нем никеля. В результате данных действий к концу 1931 г. саудовский риал обесценился ⁴⁸, что еще больше открыло дорогу для иностранного капитала к концессионным и иным захватам национальных богатств Аравии.

Осуществление экономических преобразований в Королевстве затруднялось тем обстоятельством, что часть племенной знати отказывалась принимать их, поэтому саудовская элита не могла разработать долгосрочный бюджетный план. Таким образом, в 1930—1932 гг. правительство столкнулось с серьезными финансовыми проблемами. Ибн Сауд попытался наладить более тесные торговые отношения с Голландией, предложив им заняться торговлей на главной площади Хиджаза в обмен на уплату 5% налога с доходов, получаемых от продаж, однако, голландцы отклонили предложение саудовского монарха ⁴⁹.

Тяжелое материально-техническое и финансовое положение страны вынудило арабийское правительство интенсифицировать переговорный процесс с заокеанскими партнерами. В феврале 1930 г. А. Сулейман обратился к президенту Соединенных Штатов Америки Г. Гуверу с просьбой прислать опытных инженеров и специалистов по горному делу, имеющих опыт работы в геологии, минералогии и желающих работать в специфических природных условиях Аравии ⁵⁰. Это обращение символизировало готовность арабской стороны следовать по пути интенсификации двусторонних отношений. Администрация американского президента поручила госдепартаменту предоставить список соответствующих специалистов.

Поддержал обращение официального Эр-Рияда и бывший английский дипломат Гарри Сент-Джон Бриджер Филби ⁵¹. После увольнения с британской колониальной службы в 1925 г., Филби сблизился с ибн Саудом, а после принятия в 1930 г. ислама и вовсе вошел в число его доверенных советников. В частности, в письме на имя Госсекретаря США он отмечал: «Аравия имеет хорошие торговые связи с Персией и Турцией. Арабы активно выражают свою заинтересованность и готовность к экономическому сотрудничеству с США. По моему мнению президента Гувера должно заинтересовать развитие двусторонних отношений. Соединенным Штатам Америки следует признать Королевство Неджд и Хиджаз» ⁵².

Государственный департамент поручил своему финансовому эксперту Чисбро посетить Саудовскую Аравию летом 1930 г., чтобы получить всю необходимую информацию из первых рук и подготовить под-

робный доклад о возможности заключения перспективных коммерческих договоров с королевством. Проведя несколько недель в Джидде, Чисбро представил доклад под названием «Экономические ресурсы и коммерческая деятельность Королевства Хиджаз и Неджд»⁵³.

Американский эксперт отмечал, что 43% от общего импорта королевства приходится на США. Чисбро сообщил, что правительство ибн Сауда в восторге от американских автомобилей, отметив, что Вашингтону следует признать Неджд и Хиджаз и открыть консульство в Джидде. В докладе также отмечалось, что в последние два года ибн Сауд ограничил закупку американских автомобилей, отдавая предпочтение английским, поскольку между Недждом и США до сих пор не установлены дипломатические отношения. Чисбро отмечал продуманность политики ибн Сауда, для которого «внутренние проблемы не представляли особых трудностей»⁵⁴.

Важно отметить, что Чисбро нашел страну политически устойчивой, отмечая, что ибн Сауду верны его двое старших сыновей, которые будут продолжать политику своего отца. Наконец, американский эксперт отмечал: «В настоящее время правительство ибн Сауда проводит серьезные государственные реформы. Ведущие европейские державы уже признали ибн Сауда. Есть все основания для того, чтобы Соединенные Штаты Америки официально признали Арабское королевство»⁵⁵.

Характерно, что проблема безопасности американских граждан, трудившихся в Хиджазе, оставалась на переднем плане американской политики. Чисбро заверял Госдепартамент в том, что отношение к иностранным гражданам со стороны коренного населения является совершенно правильным и, в некоторых случаях, «сердечным». В свою очередь, иностранные граждане соблюдают законы и не нарушают религиозные каноны Аравии. Чисбро рекомендовал открыть консульство в Джидде.

Попытки американского дипломатического корпуса и чиновников администрации повлиять на позицию официального Вашингтона были поддержаны предпринимательским классом. 20 марта 1931 г. заместитель директора «Сокал» Фрэнсис Лумис, работавший в 1920-х гг. заместителем государственного секретаря США, во время встречи с главным помощником руководителя ближневосточного отдела госдепартамента Полом Аллингом в очередной раз попытался обратить внимание на необходимость установления дипломатических отношений с Саудовской Аравией. Дело в том, что без поддержки со стороны правительства начинания нефтедобытчиков невозможно было осуществить. Так, правление компании «Сокал» приняло решение о сосредоточении своих усилий на добыче нефти в районе Даммана в эль-Хасы. Однако реализация этих проектов требовала больших капиталовложений, которых как раз и не хватало. Дефицит наличных средств стал результатом общемировой депрессии и спада потребления нефтепродуктов. Негативная тенденция проявилась еще в начале 1930-х гг., когда «Сокал», добывая нефть в Бахрейне, стал испытывать кризис перепроизводства. Надежды на стабилизацию нефтяного рынка путем саморегулирования цен на топливо себя не оправдали. Существенного увеличения спроса на продукцию американских компаний не произошло ни в 1931, ни тем более в 1932 году.

В апреле 1931 г. американское посольство в Лондоне передало меморандум саудовскому посланнику Хафизу Вахбе с предложением установить дипломатические отношения между двумя странами. После

консультации с ибн Саудом Вахба ответил, что правительство Хиджаза и Неджда преисполнилось радостью, видя, что США нашли возможность заключить важный договор. 13 апреля королевское правительство сообщило американским дипломатам о готовности в ближайшее время подписать договор о дружбе и торговле. 1 мая 1931 г. госсекретарь писал арабскому посланнику в Лондоне: «Соединенные Штаты Америки выражают полное признание правительству Хиджаза и Неджда... американские власти ожидают возможности для ведения переговоров с целью заключения договора о торговле между двумя странами. Американское правительство искренне радо обменяться дипломатическими нотами с вашим правительством»⁵⁶.

Однако Вашингтон не спешил приступать к конкретным дипломатическим процедурам. Вполне откровенно о причинах затягивания переговорного процесса высказался Мюррей: «Этому вопросу будет уделено самое серьезное внимание. Необходимо подождать два или три года, чтобы экономические и политические контакты между нами обрели более четкий характер».

Осторожность, с которой подходили к решению этого вопроса американские дипломаты, вполне объяснима. Во-первых, необходимо было проанализировать характер и результаты реформ, затеянных в этот период арабским правительством. Государственное реформирование, совершенное Абд аль-Азизом, привело к появлению нового государственного аппарата. Был образован Совет министров Хиджаза, председателем которого становился сам король, а на время его отсутствия — эмир Фейсал ибн Абд аль-Азиз. Были созданы департаменты здравоохранения и образования, Министерство финансов во главе с Абдаллой Сулейманом и Министерство внутренних дел, подчиненное непосредственно королю⁵⁷. Успех королевских преобразований увенчался провозглашением 23 сентября 1932 г. объединенного государства, получившего название Королевство Саудовская Аравия. Абд аль-Азиз стал королем⁵⁸. При этом следует учесть, что почти два года понадобилось ибн Сауду, чтобы потушить протесты со стороны панарабистов и религиозных фанатиков, недовольных его внутренней и внешней политикой. Заявления оппозиции, что установление дипломатических отношений с США неизбежно приведет к «осквернению Святых Мест Родины исламской религии», могли спровоцировать внутренний конфликт с непредсказуемым исходом. Так что опасения американских дипломатов не были беспочвенными.

Во-вторых, необходимо было дождаться результатов широкомащтабной экспедиции К. Твитчелла. Доклад о результатах природно-геологической разведки восточной части провинции эль-Хаса был готов к июню 1931 года. По мнению Твитчелла, восточная провинция эль-Хаса была самой богатой по залежам нефти среди всех других провинций Неджда и Хиджаза. В беседе с Мюрреем он подчеркивал необходимость скорейшего получения здесь концессии на разработку нефти. «Я надеюсь, что за этим последует открытие официального дипломатического представительства нашего государства в Королевстве». По его мнению, наиболее удобным местом для американского представительства может служить Джидда. Твитчелл был убежден, что появление американского посланника упрочит отношения с ибн Саудом и откроет доступ к сырьевым богатствам Саудовской Аравии. По образному выражению Твитчелла: «флаг в данном случае должен предшествовать торговле»⁵⁹.

В-третьих, американских дипломатов смущал образ жизни арабийского монарха и его семьи, в результате которого в королевстве нецелевым образом тратились внушительные средства. Так, в марте 1932 г. американский консул в Адене отмечал, что, несмотря на возросшую инфляцию и ухудшение самочувствия, ибн Сауд «использует два изящных “Роллс-ройса” для перевозки гарема». Еще более наглядным стал доклад нового министра финансов Ибрагима аль-Фадла, сделанный в декабре 1932 года. В нем отмечалось, что на покрытие расходов, связанных с обслуживанием королевской семьи и армии, помимо выделявшихся ежегодно 400 тыс. фунтов стерлингов, требуется дополнительно 100 тысяч. Помимо этого требовалось увеличить расходы на содержание телеграфных сетей и обслуживание сети коммуникаций. К началу 1933 г. долги королевского правительства превысили 200 тыс. фунтов стерлингов голландскому торговому сообществу, и примерно 110 тыс. компаниям Шелл и Маркони (Magconi). Рост расходов и соответствующих внешних долгов, причем не американским, а англо-голландским и итальянским компаниям, был серьезным сдерживающим фактором переговорного процесса. При этом следует учитывать, что начавшееся в 1929 г. сокращение поступлений в казну от совершающих хадж, нормализовалось незначительно. Если в 1933 г. Святые Места посетило примерно 20 тыс. паломников, то в 1934 г. их число снизилось до 25 тыс. человек ⁶⁰.

Наконец, нельзя было не учитывать и возможную реакцию своего партнера и одновременно соперника — Великобритании — на двусторонний американо-саудовский договор. Великобритания оказывала влияние на политическую и экономическую структуру региона в целом, в дополнение к этому британцы контролировали Ирак, Палестину и Трансиорданию. Одновременно большинство ближневосточных нефтяных операций, осуществляемых британскими компаниями, было возможно благодаря поддержке руководства Великобритании. Фактически, английское правительство было вовлечено в нефтяной бизнес как партнер.

Кроме этого, ВМФ Великобритании неоднократно обращал внимание английской элиты на необходимость упрочения национальных интересов Англии на Ближнем Востоке. В частности Командующий британским военным флотом Ферье утверждал: «Нефть стала стратегически важным ресурсом, который необходим гражданской и военной промышленности. Правительство сделало верный шаг, став одним из акционеров нефтяной компании, поскольку это соответствует нашим национальным интересам» ⁶¹.

С учетом вышеперечисленных обстоятельств становится понятной нерешительность официальных властей США. Нужен был серьезный повод для начала конструктивного диалога. Такой предлог появился в мае 1933 г., когда на имя американского посла в Лондоне пришло письмо Вахбы. В нем говорилось: «...мое правительство готово обменяться нотами с правительством Соединенных Штатов. Король ибн Сауд выразил готовность начать переговоры о торговле и мореплавании и установлении режима наибольшего благоприятствования» ⁶². Вопросы, касавшиеся мусульманских святынь, не были включены в текст соглашения, но, тем не менее, американское правительство обязало своих дипломатических посланников не посещать мусульманские святыни без специального разрешения на то правительства Саудовской Аравии ⁶³.

Правительство США пошло на подписание соглашения с Саудовской Аравией. 7 ноября 1933 г. посол США в Лондоне Роберт Бингх и саудовский посланник в Великобритании Хафиз Вахба подписали документ под названием «Временное соглашение между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией о консульских и дипломатических представительствах, юридической защиты, торговле и навигации»⁶⁴. Документ имел равную юридическую силу как на арабском, так и на английском языке.

Необходимость дальнейшего развития дипломатического сотрудничества возникла к концу 1935 г. в связи с попытками американских предпринимателей создать единую сеть сбыта на территории Саудовской Аравии. Они справедливо полагали, что в условиях иной культуры, основанной на религиозных догмах и шариатском законодательстве, иностранцу будет не просто вести дела. Директор торговой компании «Калтекс» указывал на этот аспект в разговоре с госсекретарем К. Хелом. 17 июля 1936 г. он писал: «В свете проявления большого интереса к нефтяным месторождениям Аравии, правительство США должно назначить представителя в Саудовскую Аравию». Однако как и прежде был дан уклончивый ответ: «Прежде чем может быть принято какое-либо решение, затрагивающее этот вопрос, госдепартамент должен ознакомиться со всеми обстоятельствами и иметь в своем распоряжении больше информации»⁶⁵.

Представители нефтяного лобби попытались реализовать свои цели через сенат. 15 мая 1937 г. сенатор от штата Невада К. Питтман поднял вопрос о представительстве в Саудовской Аравии. «Я знаю, — отмечал сенатор, — что имеются некоторые личные интересы». Однако и на этом фронте добиться успеха не удалось. Хэлл, ссылаясь на доклад Морриса, ответил, что дипломатическое представительство «повлечет за собой расходы, далеко не пропорциональные ожидаемым результатам»⁶⁶. Решение вопроса пришлось отложить еще на три года.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что становление договорных отношений между КСА и США объективно способствовало переходу американо-аравийских связей на качественно новый уровень. Для арабской стороны такой договор открывал путь к технологическим достижениям и высококачественной продукции западного мира, для американской — практически неограниченный доступ к сырьевым богатствам региона. И хотя оформить дипломатические контакты в полном объеме не удалось, в 1930-е гг. была заложена серьезная база для дипломатических связей, проработаны проблемные вопросы и сделан серьезный анализ аравийского общества, состояния его экономики и политических предпочтений, правовых и культурных традиций мусульманского королевства.

Примечания

1. MALONE J. America and the Arabia Peninsula: The First Two Hundred Years. — Middle East Journal, 30. 1976, N. 3, p. 406—407.
2. Ibid., p. 409.
3. Ibidem.
4. Ibid., p. 410.
5. FAHAD M. The origins of Saudi-American relations: From recognition to diplomatic representation. Washington. 2009, p. 86.

6. NOVO J. de. *American Interests and Policies in the Middle East, 1900—1939*. Minneapolis. 1963, p. 44.
7. *Ibid.*, p. 88.
8. BOWEN W. *The history of Saudi Arabia*. London. 2008, p. 75, 83—84.
9. История Востока. Т. V. М. 2006, с. 132.
10. Там же, с. 133.
11. ВАСИЛЬЕВ А.М. Личность в истории Аравии. — *Азия и Африка сегодня*. 2012, № 12, с. 58.
12. BOWEN W. *Op cit.*, p. 88.
13. ФУРСЕНКО А.А. Нефтяные войны (конец XIX — начало XX в.). Л. 1985, с. 162.
14. *Papers relating to the foreign relations of the United States 1919 (FRUS)*, vol. I, p. 163; vol. II, p. 651—653.
15. ЕРГИН Д. Добыча. *Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М. 1999, с. 323.
16. LONGRIGG S. *Oil in the Middle East*. Oxford University Press. 1961, p. 32—33.
17. KENT M. *Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil, 1900—1920*. London. 1976, p. 70.
18. *Petroleum Facts and Figures*. 1950, p. 443.
19. *Ibid.*, p. 94.
20. LONGRIGG S. *Op. cit.*, p. 47—48.
21. *Ibid.*, p. 98.
22. ФУРСЕНКО А.А. Ук. соч., с. 165.
23. Там же, с. 163—164.
24. ЧИКАИДЗЕ Ц.М. К истории проблемы арабского единства. — *Новая и новейшая история*. 2013, № 3, с. 202.
25. Там же.
26. FAHAD M. *Op. cit.*, p. 91. СССР открыл генконсульство в Джидде летом 1924 года.
27. РОДРИГЕС А.М. У истоков внешнеторговых связей СССР со странами Аравийского полуострова (1920—1930-е гг.). — *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2011, № 4, с. 42, 44.
28. *U.S. Congressional Record*. 82, 2 Session, p. 63
29. WALT J. *Saudi Arabia and the Americans 1928—1951*. Chicago. 1960, p. 77—79.
30. *Ibid.*, p. 80.
31. PHILBY J. *Forty Years in the Wilderness*. London. 1957, p. 30. Фарасанские острова — гряда островов в Красном море к северу от Йемена. Были оккупированы британцами в годы первой мировой войны. В настоящее время острова находятся в составе Королевства Саудовская Аравия.
32. *FRUS*, vol. III, 1927, p. 62—64.
33. DUCE J. *Middle East Oil Developments*. N.Y. 1952, p. 10.
34. NOVO J. de. *Op. cit.*, p. 354—355.
35. KIESER H.-L. *Nearest East: American Millennialism and Mission to the Middle East*. Philadelphia. 2010, p. 114; JOSEPH L. Grabill, *Protestant Diplomacy and the Near East: Missionary Influence on American Policy, 1810—1927*. Minneapolis. 1971, p. 244.
36. *Congressional Records*. 1 Session. *Petroleum Resources United States*. Washington. 1946, p. 317.
37. *FRUS*. 1929, vol. III, p. 80—82.
38. FAROUGHY. *Op. cit.*, p. 106.
39. AL-RASHEED M.A. *History of Saudi Arabia*. Cambridge. 2002, p. 66—68.
40. CHAI W. *Saudi Arabia: A Modern Reader*. Indiana. 2005, p. 12—13.
41. *Ibid.*, p. 21.
42. HART P. *Saudi Arabia and the United States: Birth of a Security Partnership*. Bloomington. 1998, p. 28.
43. *Ibid.*, p. 29.
44. *Ibid.*, p. 86.
45. WALT J. *Saudi Arabia and the Americans 1928—1951*. Chicago. 1960, p. 82—83.
46. KNAUERSHARE R. *The Saudi Arabian Economy*. N.Y. 1975, p. 66.
47. МИРСКИЙ Г.И. Ирак в смутное время 1930—1941. М. 1961, с. 9.
48. BLIGH A. *From Prince to King: Royal Succession in the House of Saud in the Twentieth Century*. N.Y. 1984, p. 26.

49. Ibid., p. 29.
50. Ibid., p. 37.
51. Гарри Бриджер Филби, известный также как Джек Филби или шейх Абдулла. Получил блестящее образование в Кембриджском университете, работал в британской колониальной администрации в Индии, Ираке, затем был переведен в Трансиорданию. В 1930 г. принял ислам. Филби хорошо ориентировался в ближневосточной проблематике. В начале 1930-х гг. содействовал в получении американскими нефтяниками нефтяной концессии в КСА. Написал несколько произведений о Саудовской Аравии. Подробнее о Г. Филби см.: MONROE E. *Philby of Arabia*. N.Y. 1973.
52. FAHAD M. *Op. cit.*, p. 103.
53. BRECHER F., CHARLES R. *Crane's Crusade for the Arabs, 1919—39*. — *Middle Eastern Studies*, vol. 24, № 1, p. 44.
54. ЯКОВЛЕВ А. *Ук. соч.*, с. 145.
55. FAHAD M. *Op. cit.*, p. 109.
56. FRUS. 1931, vol. II, p. 550.
57. ЯКОВЛЕВ А. *Ук. соч.*, с. 149.
58. Там же, с. 150.
59. SAFRAN N. *Saudi Arabia: The Ceaseless Quest for Security*. Cambridge-Massachusetts. 1985, p. 60.
60. Ibid., p. 62.
61. *Aramco Handbook: Oil and the Middle East*. Dhahran. 1968, p. 107—108.
62. FRUS. 1933, vol. III, p. 979.
63. Ibidem.
64. US State Department. Saudi Arabia. URL:<http://history.state.gov/countries/saudi-arabia>.
65. Ibid., p. 104.
66. FAHAD M. *Op. cit.*, p. 130—131.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 63.220+63.1(2p)53/УДК 930.2

Историческая концепция Б.Н. Миронова как предмет научной дискуссии

В.И. Бакулин

Аннотация. В работе рассматриваются особенности методологического подхода к российской истории Б.Н. Миронова; выявляются позитивные и негативные оценки его концепции, данные современными исследователями.

Ключевые слова: методология, концепция, развитие, благосостояние.

Abstract. The work describes peculiarities of the methodological approach to the history of Russia authorship B.N. Mironov; identify positive and negative assessments of his concept of modern researchers.

Key words: methodology, concept, development, prosperity.

Борис Николаевич Миронов, известный в первую очередь 2-х-томным изданием «Социальная история России периода империи XVIII — начала XX в.» российский историк, в последние годы приобрел особую популярность в связи с выдвинутой им и породившей острые дискуссии в научном мире концепцией обоснования эффективного развития Российской империи и роста благосостояния ее населения с помощью метода антропометрических исследований. Она была изложена в двух изданиях (2010 и 2012 гг.) монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века». Свою исследовательскую систему Миронов определяет термином «социальная история» и противопоставляет социальных историков традиционным, которые, в его оценке, изучали преимущественно историю государства и политики через деятельность отдельных, стоявших у кормила власти и принимавших решения, лиц. Внимание социального историка, в свою очередь, фокусируется на составляющих общество социальных группах, на взаимодействии общества и государства, влиянии первого из них на государственную политику, экономические и культурные процессы и структуры. Такая методология предполагает активное использование количественных методов, не исключая опоры на те или иные теории¹. Впрочем, новизна ее представляется относительной.

В соответствии с приведенными Мироновым критериями, к социальной категории можно отнести и значительную часть советской историографии второй половины XX века. Наши соотечественники уделяли большое внимание

Бакулин Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета. Киров. E-mail: vla84780804@yandex.ru.

Bakulin Vladimir I. — doctor in historical sciences, professor of the Vyatka State University. Киров. E-mail: vla84780804@yandex.ru.

социальным группам, преимущественно в определении «социальные классы», широко изучали экономические, социальные, реже, культурные процессы, активно использовали количественные методы и даже опирались на теорию (правда, единственную) марксизма. Однако проблема взаимоотношения государства и общества их интересовала гораздо меньше.

Мионов признает, что многие компоненты описанной гносеологической системы не отличаются особой новизной, поскольку использовались историками, по крайней мере, с середины XIX в.: «В России историко-социологическое направление в общественных науках получило развитие во второй половине XIX — начале XX в. В 1850—1880-е гг. в трудах историков государственной, или юридической школы (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин и др.) была предложена социологическая концепция русского исторического процесса, обосновывавшая его принципиальное отличие от такового в Западной Европе, состоявшего якобы в решающей роли государства... Первым русским историческим социологом в современном смысле этого термина следует считать М.М. Ковалевского»². Кроме того, «большое значение социологический подход играл в трудах историков В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова. Философское обоснование его применения дал историк и социолог Н.И. Кареев. Из социологов дружил с историей П.А. Сорокин...»³

С 1990-х гг. предмет исследования социальной истории расширился за счет культурного компонента, обращения к личностному началу, посредством изучения системы ценностей, жизненных представлений, норм и образцов поведения людей и эволюции таковых во времени. В результате социальная история получила статус социокультурной⁴. Обновленный в ее рамках предмет изучения существенно повлиял на методологию исследования и язык повествования. Тем не менее, и в современной отечественной науке термин «социальная история» воспринимается неоднозначно. Например, И.В. Михайлов, участвуя в обсуждении монографии Миронова «Благосостояние населения России...», недоумевал, — «а что, собственно, понимает Мионов под социальной историей?» — и высказывал предположение: «Социальную историю можно понимать как историю без политики. Так почему Мионов заканчивает свою книгу именно политикой? Не потому ли, что все работы этого автора преследуют политические цели?»⁵.

В основу используемой им методологии исследования, по его собственному признанию, была положена теория модернизации. С ее помощью обосновывался вывод о том, что дореволюционная Российская империя развивалась успешно, в унисон с ведущими западными державами и в одном с ними направлении. В этой России стабильно рос жизненный уровень самых широких слоев населения, а индустриализация страны на рубеже XIX—XX вв. осуществлялась отнюдь не за счет крестьянства, составлявшего подавляющее большинство ее жителей. Тезис о растущем благосостоянии россиян Мионов обосновывает, главным образом, при опоре на массив антропометрических сведений, характеризующих увеличение роста преимущественно мужчин в зависимости от времени их рождения.

В подходе Миронова к историческому материалу содержится немало полезных компонентов, которые были названы во время обсуждения монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России», организованной редакцией журнала «Российская история». Так, И.В. Поткина выделила в качестве достоинств фундаментальность труда обобщающего характера, «умение сочетать на первый взгляд слабо связанные между собою и отдаленные друг от друга исторические явления, проблемы, и видеть их в контексте общей эволюции страны, а также умение не поддаваться давлению общепринятых стереотипов, оценок и подходов». Она же обратила внимание и на тот факт, что «в отечественной историографии впервые созданы динамические ряды, охватывающие два столетия»⁶. Н.А. Иванова находит, что «собственно “антропометрическая” часть работы Миронова как первое комплексное исследование на эту тему по России, достаточно хорошо фундированное, является существенным вкладом в науку»⁷.

Разделяет это мнение и американский исследователь Г. Фриз: «Если специалисты не захотят принять обширный авторский нарратив о революции, они вне сомнения будут глубоко признательны Миронову за обширные сведения, которые были им столь тщательно собраны и проанализированы»⁸. Возвращаясь к более ранним работам Миронова, И.В. Побережников нашел, что тому в свое время удалось «убедительно пересмотреть многие... стереотипы, касающиеся, в частности, вопросов о роли и месте государства и бюрократии в организации исторического процесса, влиянии на последний национального менталитета, ценностных установок, значения мобилизации внутренних ресурсов семьи в обеспечении модернизации и т.д.»⁹. Еще более высокую оценку результатам научной деятельности Миронова дал соотечественник Фриза Яни Коцонис: «Монография Бориса Миронова уникальна, если судить по количеству собранного в ней материала, включая первичные источники и исторические исследования более чем за 100 лет. Она является настоящей энциклопедией (хотя и критического характера) по благосостоянию и уровню жизни населения России в XVIII, XIX и начале XX в.» По Коцонису настоящая историография дореволюционной и отчасти постреволюционной России начинается чуть ли не с монографии Миронова, которая по своему содержанию близка к изданию энциклопедического характера и потому «может служить отправным пунктом всех будущих исследований и точкой отсчета для всех, кто проявляет хотя бы поверхностный интерес к вопросам материального благосостояния в России»¹⁰.

Высокую оценку мионовскому труду дали и некоторые российские историки. М.Д. Карпачёв счел возможным поставить ему в заслугу стремление «преодолеть один из устойчивых и застарелых штампов отечественной историографии: до установления советской власти положение народа с каждым столетием только ухудшалось, зато после октября 1917 г. с каждой пятилеткой шел неуклонный подъем его благосостояния»¹¹. В этом же духе высказался и М.А. Давыдов, подчеркнув, что Миронову удалось преодолеть догмы советской историографии, «постулаты о том, что Россия была страной с наименьшим среди держав душевым потреблением хлеба, которое усугублялось “голодным экспортом” последнего, что крестьяне страдали от малоземелья и “непосильных налогов”, что аграрная реформа Столыпина провалилась» и многое другое, являвшееся, по сути, набором необсуждаемых аксиом. При этом свидетельствуя о безусловном подъеме жизненного уровня населения, особенно после 1905 г., во внимание не принимались, что позволяло настаивать на тезисе о закономерности революций 1917 года¹². Давыдов попытался подкрепить вывод Миронова об успешном экономическом развитии дореволюционной России и растущем благосостоянии ее населения своими изысканиями в области железнодорожных грузоперевозок¹³.

Развивая тезис о беспочвенности российской революции, С.В. Куликов категорично заявил, что «Миронову впервые в научной историографии удалось доказать, что объективных причин перечисленные революции не имели (а если имели, то не в том смысле, который обычно подразумевается в данном случае)...» Кроме того, по мнению этого историка, Миронову «удалось создать эпистомологические предпосылки для выявления истинной роли борьбы элит и контрэлит применительно к истории России начала XX в.» и тем самым дать адекватное объяснение политической истории Российской империи и таких ее ключевых проблем, как модернизация страны и борьба правящей элиты и контрэлиты». Правда, при этом он упрекнул автора «Благосостояния...» в недооценке реформаторского потенциала Николая II, поскольку оппозиционная контрэлита, по его мнению, была не «единственным агентом модернизации»¹⁴.

Не все положительные (как, впрочем, и критические) оценки концепции и выводов Миронова категоричны. Иные из них носят неоднозначный, амбивалентный характер. Так, Грегори Фризу (в целом положительно воспринимающему исследованию Миронова) не вполне ясен принцип отбора автором «Благосостояния...» антропометрических данных 305 949 индивидумов из их «генеральной совокупности». В частности, была ли эта выборка случайной или пропорциональной. В любом случае, замечает он, «существенно знать, на

какие группы населения распространяется вывод... необходимо учесть распределение доходов» в обществе. Фриз выражает определенные сомнения и по поводу лежащей в основе мионовской антропометрической концепции биологической теории¹⁵. Но при этом Фриз соглашается с «основным эмпирическим выводом» Мионова — «повышение уровня жизни в имперской России действительно имело место и нашло отражение в увеличении роста мужского населения»¹⁶.

О.Н. Катионов, давая высокую оценку историографическому обзору темы, осуществленному Мионовым, ставит ему в заслугу предметную актуализацию такого исследовательского направления, как историческая антропология¹⁷. Но при этом он сомневается в существовании прямой связи между полученными Мионовым антропометрическими данными об изменениях в росте населения России и его жизненным уровнем¹⁸. В частности, вывод об уменьшении общего налогового бремени» в связи с введением подушной подати Мионов обосновал увеличением роста российских мужчин в период 1730—1740-х годов. «Но так ли точны данные о росте россиян в начале и середине XVIII, чтобы на их основании делать такой ответственный вывод?», — выражает сомнение и Л.В. Волков¹⁹. Наряду с позитивными и амбивалентными оценками, концепция Мионова подверглась острой критике (как в принципе, так и по основным ее компонентам) со стороны целого ряда отечественных исследователей.

Теория модернизации, как и некоторые иные позитивированные на Западе методологические системы и подходы, в 1990-е гг. приобрела в российском обществоведении большую популярность. К настоящему времени связанный с нею ажиотаж несколько спал, стали появляться критические, а порой и весьма скептические отзывы в ее адрес. Пример такого рода — высказывание В.П. Булдакова: «В ряду наукообразной лексики современных обществоведов пальму первенства в России, несомненно, держит слово “модернизация”. Кто и что под этим подразумевает, одному Богу известно»²⁰. Теория модернизации, как и сам этот термин, действительно, имеет массу интерпретаций в России и за рубежом, хотя, на наш взгляд, ее практическое использование в процессе исторического исследования в отдельных случаях может быть плодотворным. Многие зависит от того, кто именно и с каким познавательным эффектом ее использует.

Процесс модернизации, в том числе и в рассматриваемом Мионовым варианте, — явление многослойное и многогранное. С решением его задач справедливо связывается прогресс Российского государства и общества. Автором названы 9 признаков и направлений модернизации, сформулированных (как он выражается) в соответствии с «европейским эталоном»: «(1) возникновение современной личности, которая воспринимает изменения как норму, гражданские и политические права — как атрибут человека, рыночную экономику и частную собственность — как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства на основе разума и науки; (2) утверждение светской системы ценностей; (3) малая демократическая семья; (4) индустриальный и урбанистический образ жизни; (5) гражданское общество; (6) правовое государство; (7) полная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер общества на единых основаниях: верховенстве закона, открытости, гласности, публичности и конкуренции; (8) рыночная экономика, основанная на конкуренции и частной собственности; (9) складывание нации не только на основе языка, религии, культуры и территории, но и как совокупности людей, объединенных согласно их воле, идентифицирующих себя с целым и осознающим свое единство»²¹.

Непосредственное использование Мионовым теории модернизации в познавательном процессе вызвало ряд критических замечаний со стороны российских историков. Л.В. Волков упрекнул автора «Благосостояния...» за то, что тот, находя модернизацию дореволюционной России вполне эффективной, не уточнил критерии ее успешности, за исключением данных экономического роста, который к тому же был существенно выше в России, чем на Западе, не в рассматриваемый автором монографии имперский период, а в советское время²².

Н.А. Иванова также считает, что Мионов переоценил социально-экономические и политические достижения России, поставив ее в один ряд со странами Запада, хотя они находились на разных ступенях исторического развития («В то время как западные государства после своих буржуазных революций превратились в индустриальные державы, Россия в XIX — начале XX в. находилась на стадии перехода от традиционного к индустриальному обществу») ²³. Она конкретизирует свое замечание, указывая на сословную обособленность крестьян, наделное землевладение с массой правовых ограничений, общину, натуральный и потребительский характер хозяйства, семейно-трудовую этику, адаптацию к рыночной экономике на этой традиционной основе, на особую систему управления сельским населением и т. д. ²⁴

М.Д. Карпачёв, опираясь на конкретные показатели экономического состояния Воронежской губернии, оспорил утверждение Мионова ²⁵ о том, что индустриализация страны происходила якобы не за счет крестьянства ²⁶. Т.Г. Леонтьева обратила внимание на тот факт, что из всего набора признаков модернизационного процесса Мионов акцентирует свое внимание лишь на материальном компоненте ²⁷. В унисон с нею В.Б. Жиромская отмечает, что под модернизацией Мионов фактически понимал лишь (точнее было бы сказать — рассматривал преимущественно) «индустриальное развитие страны и научно-технический прогресс» ²⁸. Не отвергая в принципе последнее утверждение, все же дополним его следующими уточнениями.

Дело в том, что при рассмотрении предлагаемого Мионовым набора признаков, бросается в глаза его эклектичность, отсутствие иерархии признаков по степени их значимости, как и четко обозначенного ключевого, системообразующего, фактора. Первым в порядке перечисления (но можно допустить по контексту и в более широком смысле) обозначено становление охарактеризованной выше «современной личности». Однако вторичность этого, как и большинства прочих перечисляемых компонентов модернизации, им же самим убедительно доказывается утверждением о том, что государства Запада (а Россия «в этом смысле не отличалась от других европейских стран») «при трансформации доиндустриального или традиционного общества в индустриальное изменили господствующий тип социальности, перейдя от социальности, покоящейся на отношениях общинного типа, к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях...» ²⁹

Но, сделав столь убедительную заявку на особую роль в процессе модернизации индустриального фактора, Мионов не находит возможным хотя бы включить в число признаков этого процесса решение задачи индустриализации страны. Указывается лишь на ее последствия в формулировке «индустриальный и урбанистический образ жизни». Очевидно, опасаясь оказаться «в одной лодке» с приверженцами формационного подхода к истории, Мионов, в конечном счете, занижает роль собственно материального производства в процессе модернизации России, но не забывает при этом не раз подчеркнуть значимость частной собственности и рыночных отношений. «Свободный рынок» он оценивает как «лучший способ организации экономической деятельности» ³⁰, что далеко не всегда подтверждалось и подтверждается историческим опытом.

Типичная для либеральной историографии точка зрения Мионова является не единственной в современном отечественном обществоведении, которому в немалой степени присуще выделение перемен именно в материальных (научно-технических, технологических) компонентах производства, включая сюда и углубление общественного разделения труда, усложнение связанных с ним организационных и управленческих функций в качестве первичных, оказывающих существенное влияние на развитие всех иных сфер жизни модернизируемого социума и составляющих его индивидов. Так, по А.А. Сенявскому «суть модернизационного процесса в становлении техногенного общества, достижение которого возможно при различных моделях индустриального развития, в обществах с различными социальными структурами, отношениями собственности, политическими и правовыми институтами, господствующими иде-

ологиями и т.д.»³¹. В.А. Чолахян находит, что модернизация, взятая «в самом широком смысле слова», проявляется «как совокупность процессов индустриализации, урбанизации, структурной и функциональной дифференциации общества, рационализации, бюрократизации, профессионализации»³². Подобный взгляд на вещи действительно позволяет выделить ключевой фактор, на базе которого выстраивается вся система общественных отношений, дает возможность выявить логику ее внутренней структуры и функционирования.

Принятая Мироновым «система координат», не исключено, привлекает автора возможностью хотя бы по умолчанию ставить под сомнение, а то и вовсе отрицать успешность советской модернизации (индустриальный «скачок», культурная революция), что, в свою очередь, позволяет ему солидаризоваться с неоднократно цитируемым им американским исследователем Полом Грегори, в числе прочего отрицающим эффективность и историческую оправданность сталинской модернизации³³. Действительно, в контексте заявленной логики советская модернизация в принципе и не могла быть успешной, поскольку на том этапе в советском народном хозяйстве, начиная с 1930-х гг., отсутствовали и частная собственность на средства производства, и свободные рыночные отношения. Но с таким выводом можно было бы согласиться, лишь закрыв глаза не только на реальные достижения Советского Союза, обеспеченные методами государственного социализма, но и на то хорошо известное современному обществу обстоятельство, что с начала XX в. вступление индустриальных стран в эпоху государственно-монополистического капитализма делало в значительной степени призрачными институт «чистой» частной собственности и «свободной» рыночной конкуренции.

В конечном счете, в отстаиваемой Мироновым концепции модернизации не вполне проясненным остается ключевой вопрос об общей эффективности процесса дореволюционного развития России, о «суммарной» оценке прогресса, проделанного страной в XVIII столетия и далее. По большому счету его позиция производит двойственное впечатление. С одной стороны, для автора «Благосостояния...» успешность дореволюционного развития России как будто несомненна. Но, с другой стороны, он фактически признает, что в сравнении с Западом, Россия исторически не просто отстала, а отстала с модернизационными преобразованиями. Перечислив признаки и направления процесса модернизации, он, фактически подтверждая справедливость приведенных выше замечаний Ивановой, утверждает, что наша страна и к началу XX в. не соответствовала в полной мере ни одному из них³⁴. Правомочен вопрос: при таком «комплексном» отставании можно ли говорить об утверждении в стране типичной для Запада «модели товарно-денежного производства»? Между тем, на этом выводе Миронов настаивает уже не первое десятилетие.

В изданной еще в 1985 г. монографии «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX)» в духе неизменно отстаиваемого им тезиса об однородности России и прочих, но уже переживших модернизацию стран Запада, автор оспаривал вывод Р. Пайпса и С. Бэрона (S. Baron) о том, что товарно-денежные отношения в России развивались крайне слабо, а экономические законы товарного производства были сильно ограничены в своем проявлении. Напротив, он утверждает, что за период XVIII — начала XX в. в хлебном и ценовом хозяйстве империи утвердилась «типичная модель товарно-денежного производства, основанная на экономических законах спроса и предложения, возмещения затрат труда и капитала и получения дохода». Более того, по его убеждению, уже «с начала XVIII века Россия стала активно участвовать в международном разделении труда и благодаря этому превратилась в полноправного члена мирового хозяйства и мирового рынка»³⁵.

Участие страны в мировом разделении труда в указанном столетии бесспорно, но превратилась ли она при этом «в полноправного члена мирового хозяйства и мирового рынка»? В этом контексте характерно признание автора цитируемого текста: динамика хлебных цен XVIII — начала XX в. в России «определялась главным образом денежной массой, экспортом хлеба, мировыми и экспортными ценами зерновых, урожаем и издержками производства хлеба.

При этом факторы, связанные с денежной массой, спросом и предложением, преобладали над факторами, связанными с производством». В данном случае Миронов, мимоходом и не придавая ей существенного значения, затрагивает проблему коренного отличия российских «рыночных» отношений от западных. Если принять во внимание доказанный Миловым ³⁶ (и не только им) факт, что крестьянское хозяйство сплошь и рядом было нерентабельным, а из деревни извлекался не только прибавочный, но и часть необходимого продукта (почему связанные с производством факторы в приведенной цитате благоразумно отодвинуты в тень), то вывод о том, что в процессе развития капитализма в России утвердилась та самая «типичная модель товарно-денежного производства, основанная на экономических законах спроса и предложения, возмещения затрат труда и капитала и получения дохода», представляется весьма сомнительным.

Фактическое признание факта тотального отставания России от стран Запада на всех направлениях модернизационного процесса удивительным образом сочетается у Миронова с утверждением о том, что в период после отмены крепостного права в России имело место «настоящее экономическое чудо». Для обоснования этого утверждения Миронов прибегает к приему, с конца 1980-х гг. часто практикуемому в публикациях определенного рода. Современная либеральная историография, перенося центр тяжести на темпы роста (которые призваны утвердить тезис о необычайных экономических успехах дореволюционной России), обходит, как правило, вопрос о фактическом соотношении экономических потенциалов нашей страны и более развитых государств Запада. Между тем, разрыв в области промышленного производства (а именно оно выступает «визитной карточкой» любой страны в индустриальную эпоху) был колоссальным. В проведенном во второй половине 1980-х гг. исследовании при опоре на данные статистических органов ООН, ряда зарубежных стран и ЦСУ СССР, Б. Болотин убедительно показал эпохальное отставание Российской империи от экономических лидеров Запада накануне первой мировой войны.

Так, если в Германии в 1913 г. на душу населения в стоимостном выражении было произведено промышленной продукции всех видов на сумму 1750 \$ (по Западной Европе в целом 1175 \$, в США — 1700 \$), то в России этот показатель накануне мировой войны равнялся всего лишь 135 долларам ³⁷. Несколько лучше, хотя тоже не слишком утешительно, выглядел российский среднедушевой объем национального дохода, составлявший в 1913 г. 22% от взятого за 100% общего показателя развитых капиталистических стран мира (США — 145%, Германия, Франция, Великобритания — по 105% и даже у страны молодого капитализма — Японии — 45%) ³⁸. Да и весьма сведующий в вопросе реального состояния и уровня развития российской экономики человек — министр финансов Сергей Юльевич Витте — в самом конце XIX в. в письме к императору прямо указывал не на «типичный» для развитых индустриальных стран, а на колониальный характер внешней торговли России ³⁹.

Однако вопрос и о темпах промышленного развития не столь прост, как его порой трактуют, утверждая, что во второй половине XIX — начале XX в. Российская империя была чуть ли не самым динамично развивавшимся государством планеты. Миронов приводит следующие показатели: за 52 года (1861—1913) национальный доход страны увеличился в 3,8 раза, а в пересчете на душу населения — в 1,6 раза; правда при этом темпы экономического роста были сопоставимы (всего лишь) с европейскими и «немного отставали от американских» ⁴⁰. То есть автором фактически признается (правда, без четкой формулировки вывода), что исторически сложившееся отставание России от стран Западной Европы сохранялось, а относительно США даже увеличивалось. Следовательно, никаких выдающихся темпов роста Россия рассматриваемого периода не продемонстрировала.

Достигнутые результаты были явно несопоставимы с действительно выдающимися темпами экономического развития Советского Союза в 1930-е гг., Японии в 1960-е, Китайской Народной Республики последних десятилетий. На фоне сказанного, естественно, возникает вопрос — что же в таком случае пони-

мается под российским «экономическим чудом»? Это притом, что речь ведется лишь о количественных показателях роста, и совершенно не затрагивается вопрос о качественной стороне промышленного и сельскохозяйственного производства (менеджмент, культура труда, уровень механизации и т.п.), где отставание было еще более чувствительным⁴¹. Не придает особого значения и тому факту, что хозяйственное развитие империи отличалось крайней нестабильностью. На смену успешному промышленному росту 1890-х гг. пришел экономический кризис 1900—1903 гг., сменившийся затяжной (1904—1909 гг.) депрессией. И лишь неполное предвоенное пятилетие было вновь отмечено промышленным подъемом. Соответственно, нередко встречающиеся сегодня долгосрочные прогнозы (типа: «Если бы не Октябрьская революция, то...») на таком фоне напоминают гадание на кофейной гуще, а более корректное приложение теории модернизации к анализу реального экономического состояния Российской империи в десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне и революции 1917 г., не дают оснований для принятия излишне оптимистичных оценок Миронова на сей счет.

Остается открытым и вопрос о цене дореволюционной индустриализации и о том, кто ее заплатил. Т.Г. Леонтьева недоумевает, как удастся Миронову совместить вывод об успешности процесса модернизации России с данными о растущем потреблении крестьянами водки и увеличением числа нерабочих дней в году у православных землепашцев до 258 против 107 рабочих. Получается, что число праздников у ведущих разгульную жизнь крестьян росло, а жили они при этом все лучше. К тому же автор «Благосостояния...» сам же обосновывает пореформенное нерадение крестьян: заставлять их работать стало некому, а они довольствовались жизненно необходимым минимумом. К сожалению, «праздная жизнь» крестьян не соотносится в данном случае историком с такими сторонами их жизни, как кустарные домашние промыслы, зимний извоз, сезонный уход мужика в город на заработки и прочее. В.П. Булдаков подчеркивает, что при оценке степени занятости крестьянства, не помешал бы учет дополнительных занятий мужика⁴².

На фоне нарисованной Мироновым картины не очень понятно, как стране с недостаточным объемом прибавочного продукта и лежащим на печи «ленивым мужиком» удалось отстоять от многочисленных врагов огромные территории, расширить свои рубежи, создать великую культуру. Утверждая, что индустриализация в России происходила не за счет крестьянства, «как общепринято думать», автор при этом не указывает альтернативные варианты материального и финансового обеспечения этого чрезвычайно затратного мероприятия⁴³. Если даже в странах Запада процесс индустриальной модернизации в качестве постоянного условия предполагал экспроприацию огромных масс мелких собственников, в первую очередь крестьянства, то следовало бы разъяснить, каким очередным «чудом» России удалось миновать эти рифы истории. Заодно замечу, что Мироновым несколько упрощается господствовавшая в зрелой советской историографии оценка предреволюционного жизненного уровня населения России. И.В. Михайлов справедливо указывает, что концепция абсолютного обнищания пролетариата со второй половины 1950-х гг. подверглась ревизии, что уже «30—40 лет назад советские историки чаще вспоминали о диалектике, нежели о чем-то другом»⁴⁴.

Доказательство Мироновым неуклонного роста благосостояния российских граждан методами антропометрии убедили далеко не всех участвовавших в дискуссии специалистов, но часть его оппонентов не исключила возможность признания полученных им результатов в качестве дополнительного, коррекционного источника информации по данной проблеме, при более детальном ее изучении⁴⁵. Речь шла о комплексном подходе в оценке, как общих результатов модернизации России к началу первой мировой войны, так и факторов, влиявших на рост российских граждан, ибо в последнем случае дело не сводилось только к уровню их материального благосостояния⁴⁶. К тому же, как точно подметила Н.А. Иванова, задачу показать влияние уровня жизни на изменение роста людей Миронов фактически подменил другой: оценить динамику уровня

жизни россиян за 1701—1917 гг. с помощью антропометрических данных. Причем последние абсолютизируются, хотя в работе Миронова отсутствуют источники, «прямо указывающие на зависимость физического развития людей от уровня жизни». Поэтому Ивановой представляется преждевременным утверждение о возможности математико-статистическими методами «распутать сложный узел взаимодействия между генетикой и средой в регулировании роста». Миронов старается подтвердить эту зависимость иными показателями (производство продуктов питания, само питание, доходы, налоги, повинности крестьян, динамика цен и зарплаты и др.) Но каждый из них имеет свои источники и неоднозначную оценку в историографии. Потому в монографии встречается «немало субъективных, бездоказательных авторских суждений, с которыми трудно согласиться»⁴⁷.

После тщательного анализа аргументации выводов автора книги «Благополучие населения в имперской России. XVIII — начало XX в.» на позициях отрицания научной значимости антропометрических изысканий Миронова остался А.В. Островский: «Антропометрическая часть книги не позволяет пока делать какие-либо заключения о реальной динамике роста не только взрослого мужского населения, но и военнослужащих России (львиная доля рассматриваемых в монографии Миронова цифровых показателей биостатуса относится к этой категории населения. — *В.Б.*), и тем более использовать этот материал для характеристики жизненного уровня населения страны»⁴⁸. С.А. Нефёдов дал более щадящую оценку данному гносеологическому явлению, признав, что, хотя предлагаемая Мироновым интерпретация антропометрических данных «не является адекватной, но сами по себе эти данные не противоречат существующим представлениям о динамике уровня жизни населения России и СССР». Кроме того, проделанная Мироновым работа полезна и тем, что полученные им данные «в некоторых случаях... существенно дополняют эти представления, в других случаях ставят перед исследователями вопросы, которые еще предстоит решить»⁴⁹.

Еще в большей степени историками поставлены под сомнение декларируемые в трудах Миронова успехи страны в деле развития сельского хозяйства. М.Д. Карпачёв, в принципе не отвергая аргументы Миронова об отсутствии аграрного кризиса в России накануне и в начале XX в., вместе с тем, обращает внимание на замедленный темп развития сельского хозяйства России, из которого черпались средства «для ускоренной модернизации путей сообщения и стратегически важных для государства отраслей промышленности». Историк уверен, что в тех условиях иначе и быть не могло⁵⁰. Им не принимается аргументация Миронова в пользу тезиса о том, что, в соответствии с законами рыночной экономики, якобы исключалось понижение внутреннего потребления хлеба при расширении экспорта. Для поворота хлебных потоков на внутреннее потребление «требовалась соответствующая платежная способность, а ее зачастую не было». Рост хлебных цен на мировом рынке не оказывал заметного позитивного влияния на доходы крестьян, поскольку они в большинстве своем зерновые выращивали не для продажи; зато весной-летом большинство сельских жителей даже Черноземного центра прикупали хлеб ввиду нехватки своего. Дополняя Карпачёва в этом вопросе, А.А. Курёнышев справедливо замечает: вопрос о хлебном экспорте «надо ставить несколько иначе; куда шли вырученные от продажи русского зерна деньги? Доставался ли хоть малая толика их крестьянам? Или львиную их долю присваивали посреднические фирмы, контролировавшиеся иностранным капиталом?»⁵¹.

Иванова оспаривает утверждение Миронова о том, что российское сельское хозяйство прогрессировало так же быстро, как в Европе, а всероссийский товарный рынок существовал с середины XVIII века. По ее оценке, последний сложился лишь в послереформенный период «в условиях господства натурального хозяйства, низкой покупательной способности населения, ведущей роли казенных заказов на промышленную продукцию, господства ярмарочной торговли, преобладания принудительного труда не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности», а рынок труда — оформился лишь в конце XIX

века. Она же указывает на то, что показатель благосостояния деревенского населения искусственно повышается Мироновым за счет нивелирования уровня социального неравенства (он относит к беднякам лишь безземельных и безлошадных крестьян, составлявших около 24% деревенского населения в середине XIX в.)⁵². Что же касается используемого Мироновым термина «средний уровень развития страны», то «при тех сильных диспропорциях, которые существовали в Российской империи между промышленным и аграрным секторами экономики, в социальной сфере, культуре (существовании высоко развитых... литературы, искусства, науки, философии и т.д. и низкого уровня образования и общей культуры народных масс, о чем пишет и Миронов)», он превращается «в надуманную конструкцию исследователя, а не реально существующую реальность»⁵³.

В этом вопросе с ней солидарен В.П. Булдаков. Утверждая, что использованием «среднестатистических данных» Миронов выхолащивает историю, Булдаков задается аналогичным вопросом: «Спрашивается, какой “генетический” эффект дает среднестатистическое повышение “благосостояния”, если оно распределяется более чем неравномерно в сословном, имущественном, гендерном, этнодемографическом отношении, получая в конечном итоге “классово-антагонистическое” воплощение?» В связи с данной проблемой, он высказывает сожаление о том, что Миронов порой игнорирует замечания своих оппонентов. Например, Нефёдова, считавшего, что Миронов «навязывает нам ложную среднестатистическую картину, намерено игнорирующую растущее социальное неравенство»⁵⁴.

Кроме того, по мнению Карпачёва, Миронов напрасно проигнорировал «вполне достоверные и много раз проверенные данные официальной статистики» «об очень заметном и неуклонном сокращении душевого земельного обеспечения крестьян в пореформенную эпоху»⁵⁵, а также данные об аграрном перенаселении деревни, доходившем до 40%. При оценке налоговой нагрузки на крестьян следует принимать во внимание (что игнорируется автором «Благосостояния...») бедность российского населения в сравнении с Западом и обязательность выплат крестьянами долгов по выкупным платежам⁵⁶. Кроме того, рост благосостояния крестьянства ограничивался низкой урожайностью зерновых. Что же касается крестьянского пьянства (положительно оцениваемого Мироновым как показатель роста благосостояния), то оно «гораздо чаще становилось спутником не благосостояния, а бедности и разорения»⁵⁷. Курёнышев считает, что развитие капитализма само по себе отнюдь не гарантировало повышение жизненного уровня большинства жителей страны; зачастую эффект был противоположного характера: под прессом рынка крестьянин... нарушал все мыслимые агротехнические нормы. У помещика в силу сословных привилегий положение было лучше. Крестьянин же надрывал себя, свою скотину, насиловал из года в год землю»⁵⁸.

Небесспорно выглядит и характеристика Мироновым результатов государственно-политической модернизации России. Н.А. Иванова, П.П. Щербинин находят поспешным и недостаточно аргументированным утверждение Миронова о появлении в России к началу XX в., тем более в XVIII в., гражданского общества. Как заявляет первая из них, именно к XVIII столетию «относится оформление сословий, основанных на правовом неравенстве, гражданское же общество предполагает равенство прав граждан». Но и столетие спустя многочисленные «добровольные общества», в первую очередь обозначаемые атрибутом процесса становления гражданского общества, *de facto* не имели к нему отношения. Они создавались под контролем властей, имели узкокорпоративный характер, были лишены права касаться общегосударственных вопросов. Щербинин признает, что «после Великих реформ XIX в. российское общество эволюционировало, европеизировалось, наполнялось гражданскими и общественными инициативами, но все же оно было достаточно специфическим, находящимся под жестким контролем авторитарного государства». К тому же, — замечает историк, — Миронов исходит из ситуации в столицах, где применительно к 1912 г. насчитывалось около 1100 ассоциаций, между тем, как в провинции ситуация радикально отличалась в худшую сторону. Заслуживает внимание и его замечание по поводу того, что понятия «гражданское обще-

ство», «общественная организация» различными авторами тракуются по-разному» и потому требуют более осторожного их использования⁵⁹.

Н.А. Иванова уверена, что даже после 1905 г. «ни о конституции, ни о парламенте, ни о “почти всеобщем” избирательном праве говорить не приходится». Процесс эволюции самодержавия в конституционную монархию остался незавершенным: «император по-прежнему осуществлял полновластие внутри страны, господство над своими подданными. Демократические свободы, завоеванные в ходе революции, представлялись в Основных законах 1906 г. как права и обязанности российских подданных (а не граждан), которые под лоном Церкви присягали императору и наследнику, клялись в своей преданности престолу и Отечеству»⁶⁰. Ее позицию разделяет и В.П. Булдаков, утверждающий: сегодня многие «убеждены, что в России до революции уже существовало гражданское общество. Тот факт, что сословные и национальные ограничения были отменены лишь в 1917 г., их, как и Миронова, ничуть не смущает». По Булдакову это было «декоративное гражданское общество»⁶¹.

О том, что и вполне просвещенные современники отнюдь не находили государственное устройство России начала XX в. близким к идеалу конституционной монархии, свидетельствует следующий документ. Осенью 1916 г. в монархическом кружке сенатора А.А. Римского-Корсакова была составлена переданная Николаю II записка, в которой в числе прочего говорилось о тех опасностях, угрожающих стране (разрушение и поглощение правых и центристских партий более радикальными их соперниками, и победа таковых на выборах в Думу, «наступление революционной толпы, коммуна, гибель династии, разгул анархии и погромы имущественных классов» мужиком-разбойником и т.п.) в случае «объявления действительной конституции»⁶².

Отстаивая свою концепцию российского исторического процесса, Мионов подводит под нее патриотическую базу. Россия, — пишет он, — «нормальная европейская страна», и признание этого факта должно, по мнению историка, способствовать как повышению имиджа России в глазах мирового сообщества, так и росту самоуважения жителей страны, поскольку «...самоидентификация России в качестве европейской страны, как и признание ее европейской со стороны всего мира, принципиально важно для россиян»⁶³.

Получается, что самой заветной мечтой среднего россиянина остается, якобы, «приобщение к мировой цивилизации», под которой понимается, естественно, цивилизация западная.

Примечания

1. МИРОНОВ Б.Н. Историческая социология России: Учебное пособие. СПб. 2009, с. 11.
2. Там же, с. 21.
3. Там же, с. 22.
4. Там же, с. 11—12.
5. Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б.Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег. — Российская история. 2011, № 1, с. 154.
6. Там же.
7. Там же, с. 148.
8. Там же, с. 147.
9. Там же, с. 151.
10. Там же, с. 148.
11. Там же, с. 156.
12. Там же, с. 160.
13. Там же, с. 161—162.
14. Там же, с. 185.
15. Там же, с. 175—176.
16. Там же, с. 176.
17. Там же.
18. Там же, с. 177.

19. Там же, с. 177—178.
20. Там же, с. 180.
21. Там же, с. 155.
22. МИРОНОВ Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М. 2014, с. 62.
23. Россия в истории: от измерения к пониманию..., с. 168.
24. Там же, с. 182.
25. Там же.
26. МИРОНОВ Б.Н. Страсти по революции..., с. 275.
27. Россия в истории: от измерения к пониманию..., с. 157, 167.
28. Там же, с. 169.
29. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Т. 1. СПб. 2000, с. 523.
30. ЕГО ЖЕ. Страсти по революции..., с. 277.
31. Цит. по: ЧОЛАХЯН В.А. Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX—1930-е гг.) — Российская история. 2012, № 3, с. 21
32. Там же.
33. ГРЕГОРИ П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М. 2009, с. 247—249.
34. МИРОНОВ Б.Н. Страсти по революции..., с. 63.
35. ЕГО ЖЕ. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX). Л. 1985, с. 187.
36. МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1997.
37. Советский Союз в мировой экономике (1917—1987 гг.). — Мировая экономика и международные отношения. 1987, № 11, с. 152.
38. Там же, с. 150.
39. Из всеподданнейшего доклада министра финансов С.Ю. Витте Николаю II. 1899 г. В кн.: Хрестоматия по истории СССР. 1861—1917. М. 1990, с. 242.
40. МИРОНОВ Б.Н. Страсти по революции..., с. 275.
41. Россия в истории: от измерения к пониманию..., с. 165.
42. Там же, с. 193.
43. МИРОНОВ Б.Н. Страсти по революции..., с. 275; ЕГО ЖЕ. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным. <http://spkurdyumov.ru/biology/kto-platil-za-industrializaciyu>.
44. Россия в истории: от измерения к пониманию..., с. 188.
45. Там же, с. 155, 167, 173, 178; 16, 121—126.
46. Там же, с. 172—173, 175, 177—178.
47. Там же, с. 149.
48. ОСТРОВСКИЙ А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. — Вопросы истории. 2011, № 6, с. 133.
49. НЕФЁДОВ С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России. — Вопросы истории. 2011, № 5, с. 133.
50. Россия в истории: от измерения к пониманию..., с. 157—159.
51. Там же, с. 164, 182.
52. Там же, с. 183.
53. Там же.
54. Там же, с. 195.
55. Там же, с. 158.
56. Там же, с. 159.
57. Там же, с. 160.
58. Там же, с. 164, 184, 198.
59. Там же, с. 199.
60. Там же, с. 184.
61. Там же, с. 195.
62. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. В кн.: Архив русской революции. Т. 5. М. 1991, с. 339—340.
63. МИРОНОВ Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М. 2012, с. 14.

О некоторых дискуссионных методологических (наукovedческих) вопросах исторических исследований

В.С. Прядеин

Аннотация. В работе на основе собственного исследовательского опыта, автор делится своими мыслями по таким вопросам как объект-предмет исторических исследований, их практическая значимость; сущность, составляющие, критерии и познавательная ценность периодизации развивающегося процесса.

Ключевые слова: объект и предмет исторического познания, практическая значимость исторических исследований, метод периодизации.

Abstract. In work is based on own research experience, author shares his thoughts on issues as object-subject of historical research, their practical importance, the essence, components, the criteria, and cognitive value of developmental process.

Key words: object and subject of historical knowledge, the practical importance of historical researches, the method of periodization.

Практика написания собственных диссертаций, опыт руководства аспирантами, соискателями, рецензирования, оппонирования кандидатских и докторских диссертаций, а также работа в качестве члена ученых советов по защите диссертационных исследований привели меня к выводу о том, что у ученых-историков нет единого, четкого понимания таких важных методологических, наукovedческих вопросов как объект-предмет диссертаций, практическая значимость последних; сущность, смысл, методологические основы периодизации исторических феноменов. Перечисленные вопросы имеют существенное практическое значение для любого историка, занимающегося исследовательской деятельностью.

Рассмотрим вначале проблему «объект-предмет исторического исследования». Не только в историографии, но и в наукovedении в целом, идет многолетняя изнурительная дискуссия о том, что такое объект и предмет научного анализа в принципе. До сих пор отсутствует четкое, однозначное представление о содержании этих понятий и их соотношении.

Проведенный анализ огромного массива кандидатских и докторских диссертаций, написанных за последнюю четверть века в нашей стране по специальностям 07.00.02 (отечественная история) и 07.00.09 (историография, источниковедение и методы исторического исследования) показывает, что в одних

Прядеин Владимир Станиславович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета. E-mail: rector@urfu.ru.

Pryadein Vladimir S. — doctor of historical sciences, professor of the Ural Federal University. E-mail: rector@urfu.ru.

случаях они отождествляются; в других предмет научной работы, с одной стороны, и такие определения как «хронологические рамки, территориальные рамки» — с другой, рассматриваются как чужеродные по отношению друг к другу элементы. Иногда ставится знак равенства между объектом, предметом научных поисков и кругом его источников.

При внимательном рассмотрении того, как презентуются объект и предмет исторических диссертаций, можно выделить три подхода: «источниковедческий», «онтологический» и «историографический». При первом объектом является весь корпус источников по проблеме, а предметом — та часть, те грани этих источников, которые позволяют решать поставленные в исследовании задачи.

Онтологический подход в качестве объекта берет определенную сферу реальной жизни: отрасль производства, культуры, общественных отношений и т.п. в полном объеме их бытования и в этой сфере вычленяет в качестве предмета не экономическую, политическую, социологическую, организационную и т.п. составляющую, а именно историю данной субстанции в определенное время в определенном пространстве.

При историографическом (гносеологическом) подходе объектом выступает история изучаемого феномена в максимальном темпорально-пространственном измерении, а в качестве предмета берется конкретная, ограниченная в пространстве-времени ее часть. Где же истина? Обратимся к авторитетам. Вот что пишет известный историк-методолог академик И.Д. Ковальченко: «Объект познания — это совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законам функционирования и развития от других объектов этой реальности»¹.

Поскольку познание практически на любом историческом этапе своего развития охватывает лишь часть реальности, необходимо понятие, раскрывающее то содержание объекта познания, которое включено в познавательный процесс. Таким понятием является предмет познания. Это, по мысли Ковальченко, определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая, подвергается изучению².

Лаконичную и ясную формулу соотношения объекта и предмета обществоведческого исследования дает известный российский социолог И.В. Бестужев-Лада: «Объект — то, на чем проводятся исследования; предмет — то, что исследуется в объекте»³.

Данные позиции, открывают, на наш взгляд, путь к диалектическому синтезу онтологического и историографического подходов. И этот синтез уже нащупывается исследователями. Возьмем, к примеру, несколько авторефератов кандидатских диссертаций, написанных уже в XXI в.: А.В. Судаков «Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг.» (Сургут. 2005). Здесь «объектом исследования является лесная промышленность Ханты-Мансийского автономного округа.

Изучение общих закономерностей и региональных особенностей ее развития дает возможность полнее осветить суть происходивших в исследуемый период событий промышленного освоения края. Предметом исследования является та часть объекта исследования, которая охватывает основные процессы, происходившие в лесной промышленности ХМАО: развитие материально-технической базы, изменения в методах организации труда, кадровом потенциале и социально-бытовом обеспечении трудящихся»⁴.

Диссертация А.П. Кузьмина «Сельская электрификация на Урале» (Екатеринбург. 2013): «объектом исследования является уральское село... Предметом является процесс сельской электрификации на Урале в 1920—1953 гг. Сельская электрификация подразумевает под собой внедрение электрической энергии для нужд сельскохозяйственного производства и быта сельских жителей»⁵.

Диссертация В.В. Запария «Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы» (Екатеринбург. 2013): «объектом исследования выступает танковая промышленность региона, которая понимается как общность соответствующих ма-

шиностроительных предприятий и проектных организаций, их кадрового потенциала, задействованных для выпуска танков и самоходных артиллерийских установок (САУ). Предметом исследования является процесс создания и развития танкового производства на Урале в 1940-е гг.»⁶.

На наш взгляд, то, что представлено в выше приведенных определениях, а именно переход от онтологии к историографии, нужно сделать гибче, конкретнее, яснее, то есть соответствующим образом инструментализовать сюжет «объект-предмет исследования».

Вот принципиальная схема такой «инструментализации».

Например, определенная отрасль народного хозяйства и есть объект анализа. Его можно изучать как в режиме функционирования, так и в режиме развития; как в экономическом, социологическом, организационном и тому подобных планах, так и в историческом разрезе. Здесь нужно определиться с аспектом исследования. Это — начало движения от объекта к предмету. Наш аспект исторический, то есть история данной отрасли. Но не вся история, а в какой-то конкретной проблематике и в определенном пространственно-временном измерении. И мы фиксируем это измерение путем двух ограничений, усечений объекта, когда обозначаем: а) хронологические рамки; б) территориальные пределы. И только после этого определяется предмет диссертации.

К сожалению, везде и всюду, в том числе и в названных диссертациях, присутствуют, по крайней мере, два недостатка в определении объекта-предмета исследования. Первый — заужение онтологической основы объекта либо в пространстве, либо во времени. Второй недостаток — хронологические и территориальные рамки даются где угодно (в большинстве случаев после предмета), только не в «створе» между объектом и предметом⁷. Но ведь определение объекта и предмета — это не механический акт, а процесс выделения субординационно связанных понятий, когда каждое из них имеет методологический смысл постольку, поскольку стоит на своем, строго определенном месте. Место «рамок» — территориальных и хронологических — между объектом и предметом. Пришла пора развернуть активную, глубокую дискуссию по вопросу «объект-предмет исторического (историографического) исследования». Тем более, что вызрели все предпосылки для его конструктивного, однозначного решения.

Проблема периодизации. Здесь хотелось бы остановиться прежде всего на методологических, философских аспектах данного метода: сущность периодизации, ее составляющие, критерии и познавательное значение. И лишь для наглядности, не вдаваясь в детали, сделать необходимые отсылы на две статьи А.О. Ежова, посвященные становлению и развитию титанового производства России⁸.

В 1970—1980-е гг. теоретические аспекты периодизации затрагивались в творческих дискуссиях историков по вопросу периодизации истории советского общества, методологии историко-партийной науки⁹. В то же время философы обосновывали периодизацию как прием исследования, позволяющий систематизировать и обобщать научный материал: разрабатывали понятие об объектах и критериях диахронизации, о ее отличиях от хронологизации, давали определение сущности периодизации¹⁰. Тем не менее, данная проблема, отмечал в 1987 г. А.В. Белов, не является должным образом разработанной проблемой методологии науки¹¹. Во-первых, до сих пор нет однозначного ответа на главный теоретический вопрос:

«Что есть периодизация? Метод? Итог исследования? Зачем она нужна? Что дает?». Во-вторых, не ясно, каковы этапы, механизм ее практического воплощения. Вопросы далеко не праздные, поскольку то или иное их решение будет определять принципы раскрытия переодизируемого процесса, способы проникновения в его суть.

Одни ученые рассматривают периодизацию как важнейший специфически-исторический метод исследования, инструмент изучения истории, помогающий разглядеть ее движущие силы в динамике, в развитии¹², другие трактуют ее как итог познания¹³. Кроме того, встречается и откровенно скептическая, нигилистическая точка зрения по данному вопросу. Так, В.П. Булдаков счита-

ет, что периодизация носит догматический характер, что какие-либо дискуссии по этому поводу бессмысленны¹⁴.

Мы полагаем, что смысл, философия периодизации как метода сущностного и существенного познания — выявить главные, наиболее характерные особенности различных периодов. Здесь нельзя не согласиться с Л.Н. Мазур в утверждении, что периодизация представляет собой динамическую модель и отражает качественные состояния изучаемого процесса или явления, их последовательность, преемственность и направленность¹⁵. Все это, безусловно, так, но как достигается формирование данной модели?

На наш взгляд, достаточно, предметно взглянуть на этапы исследовательской работы ученого, поставившего себе цель дать периодизацию какого-либо процесса, как становится очевидным ее многомерный, многоплановый, отнюдь не догматический, характер.

Это сложнейший элемент исторического исследования, включающий в себя и онтологический, и гносеологический аспекты, несущий и методологическую, и методическую нагрузку, являющийся и инструментом, и итогом познания. Да, есть периодизация — метод, есть периодизация — итог, но есть еще и периодизация — процесс.

Мы убеждены, что только на основе такой позиции можно что-то понять в механизме периодизации и использовать ее огромный познавательный потенциал в исследовательской практике.

«Периодизация-процесс» включает в себя такие составляющие как: выявление условий развития предмета анализа, периодизация последних по интегрированному глобальному критерию; использование полученной общей периодизации как метода познания предмета исследования; детальное, всестороннее изучение предмета, выведение частных периодизаций на основе специфических, свойственных данному предмету критериев.

Критериев, а значит, периодизаций, может быть несколько. Мазур справедливо считает, что один «критерий деления, ставший основой периодизации, не исчерпывает всех тенденций, закономерностей изучаемого явления». Затем идет проверка наработанных периодизаций последующей историографической практикой¹⁶.

Опираясь на данную схему, порассуждаем о периодизации становления и развития титановой отрасли страны. По такому глобальному критерию, как характер производственных отношений и модернизационных процессов, в контексте которых функционировали все отрасли страны, в том числе и титановая, можно выделить два периода в развитии последней.

Первый — время становления и развития титанового производства в рамках завершающего этапа позднеиндустриальной модернизации, в условиях «социалистических» производственных отношений, административно-командной системы (АКС) (середина 1950-х — начало 1990-х гг.). Второй период — начало 1990-х гг. до настоящего времени, когда отрасль развивается на постсоветском отрезке модернизационных преобразований в условиях перехода к рынку, новым производственным отношениям. Для того чтобы понять специфику, направленность развития титановой промышленности в каждом из обозначенных периодов, нужно подобрать существенные «частные» критерии и на их базе создать «частные» периодизации.

По критерию «характер производства» развитие отрасли в «социалистический», советский период можно разбить на два этапа: опытно-промышленный (1954 — начало 1960-х гг.) и собственно промышленный (начало 1960-х гг. — начало 1990-х гг.) — время развертывания в СССР крупносерийного производства изделий из титана и его сплавов; второй — большой — этап по критерию «объемы выпуска продукции, уровень технической, технологической оснащенности» делится на периоды: начало 1960-х — начало 1970-х гг.; 1970-е — 1980-е гг., когда произошел качественный прорыв в развитии отрасли по обозначенному критерию.

Чтобы разобраться в качественно-сущностных моментах постсоветского периода, их динамике, критических рубежах, в полной мере показать особен-

ности, драматизм этого темпорального отрезка, нужен иной критерий. Он таков: степень приспособления, адаптации отрасли к нарушению традиционных хозяйственных связей из-за распада СССР, к становлению рынка, новых производственных отношений.

По данному критерию четко прорисовываются три этапа: первая половина 1990-х гг. — период растерянности, неприспособленности к новым условиям, что поставило отрасль фактически на грань исчезновения; вторая половина 1990-х гг. — начало нулевых годов XXI в. — время мобилизации усилий, поиска выхода на внешний рынок, первых успехов на этом пути; последнее десятилетие, ознаменованное процессами стабилизации, глубокой адаптации, реконструкции, дальнейшей деверсификации, все более глубокой переработки титана.

Однако, как оказалось, данный вопрос может неоднозначно интерпретироваться. Год назад довелось присутствовать на предварительной защите кандидатской диссертации по истории на одном из ученых советов Екатеринбурга. Диссертант исследовал процесс становления и развития важной стратегической отрасли народного хозяйства нашей страны.

В заключение своей защитной речи соискатель дал добротные, дельные, вытекающие из логики всего анализа рекомендации по повышению эффективности данной отрасли.

Но в процессе обсуждения диссертации прозвучало мнение, что высказанные диссертантом рекомендации не уместны, не нужны!

Удивительно, что подвергается сомнению абсолютно очевидное, а именно то, что работа историка направлена как раз на извлечение практически значимых для настоящей, реальной жизни уроков. Неужели исследователи подошли до сих пор иначе к этому вопросу?

В обозначении практической значимости диссертаций у историков явно выделяются три позиции. Условно их можно назвать так: гносеологическая, онтологическая, смешанная (симбиозная).

Более всего у исследователей в ходу гносеологическое определение практической значимости исторических изысканий. Оно ориентирует на использование результатов исторического анализа в дальнейшей познавательной практике, то есть при написании широких исторических повествований, учебных курсов, спецкурсов и т.п.; в преподавательской деятельности.

Вот несколько примеров такого подхода. Хафизова Р.И.: «Практическая значимость работы заключается в том, что она расширяет представление о политической системе государственного устройства дореволюционной России. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Башкортостана и Урала, при разработке спецкурсов по проблеме управления в Уфимской губернии, а также в преподавании отечественной истории и истории Башкортостана»¹⁷.

Байда Е.В.: «Практическая значимость работы заключается во введении в научный оборот большого массива исторических сведений, позволяющих исследовать различные стороны функционирования потребительского рынка и предпринимательской деятельности в крае в начале XX в., научные выводы могут использоваться при написании трудов по истории экономики, предпринимательства Урала, при подготовке спецкурсов, посвященным проблемам изучения массовых источников и создания банков данных»¹⁸.

Характерно, что подобный подход имеет место и в отношении современной истории. Возьмем, к примеру, две работы по второй половине XX в. Ташлыкова М.И.: «Практическая значимость работы заключается в том, что основные положения и выводы, полученные в ходе исследования, вводимый в научный оборот фактический материал могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по истории культуры, а также при написании учебных пособий и разработке лекционных курсов»¹⁹. Авимская М.А.: «Практическое значение представленной диссертации состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях этой проблематики, а также при подготовке общих и специальных лекционных курсов

по истории Сибири»²⁰. И таких примеров можно привести великое множество по любому историческому периоду.

«Онтологический» взгляд на практическую значимость исторических сочинений встречается значительно реже. Он направлен не в сферу познавательной практики, а на совершенствование дальнейшего бытования предмета исследования и выражается в виде уроков, рекомендаций.

На данных позициях стоит, в частности, известный уральский историк С.П. Постников: «Материалы исследования могут быть использованы ... в практической работе органов народного образования и отделов подготовки рабочих кадров предприятий, общественных организаций, хозяйственных органов», — пишет он²¹. С ним трудно не согласиться.

Смешанная или симбиозная позиция, как и гносеологическая, встречается довольно часто. Вот лишь некоторые примеры.

Поддубиков В.В.: «Практическая значимость основных результатов исследования состоит в возможности их использования для разработки программ социально-экономического развития национальных районов, принимаемых региональной властью. Проведенные работы по картографированию промысловых угодий автохтонного населения Горной Шории, не только расширяют представление о структуре территориальных связей экстенсивного природопользования шорцев, но и могут быть использованы при формировании технико-экономических обоснований выделения территорий традиционного природопользования в южной части Кемеровской области. Главные теоретические положения и выводы диссертации могут также использоваться при подготовке разделов обобщающих работ и лекционных курсов, посвященных проблемам традиционного природопользования и национальной политики в Южной Сибири»²². Денисевич М.Н.: «Практическое значение диссертации заключается, прежде всего, в использовании обобщенного исторического опыта развития индивидуальных хозяйств, а также определении методологических принципов организации сельскохозяйственного производства в условиях перехода к рынку. Сформулированные обобщения и выводы могут оказать существенную помощь в дальнейшей научной разработке проблемы крестьянских хозяйств России. Материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих научных трудов, истории деревень и сел, создании энциклопедий»²³.

Особо нужно сказать о диссертациях, авторы которых не вычленяют отдельно вопрос о практической значимости и помещают его в такие разделы, как «научная новизна»²⁴ или «теоретическая и практическая значимость»²⁵. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что в некоторых диссертациях вообще нет обозначения практической значимости исследования²⁶.

Любая диссертация имеет значение для дальнейшей практики познания и образования. То есть везде необходимо вычленять гносеологический аспект практического значения. Онтологический же аспект может выражаться в разных вещах в зависимости от предмета анализа, а именно от его темпорального расположения («древний» он или современный); конкретного содержания (отрасль народного хозяйства, определенная общественная сфера, персоналия и т.д.).

Если предмет «древний» и как таковой уже не существует, то практическое значение его изучения будет, видимо, заключаться в определенных политических, нравственных уроках.

Когда предмет современный, живет, развивается, продолжает свое существование и касается не отдельных персон, а достаточно широких и значимых фрагментов социальной реальности, тогда польза от проникновения в его историю будет состоять в конкретных практических рекомендациях. Но подобные рекомендации должны естественно, органично вытекать из ткани научного повествования. Последнее же невозможно без глубокого, всестороннего изучения проблемы. Иначе рекомендации в практическом плане будут некорректны, неверны и не нужны, в этическом — неуместны.

Вопреки мнению отдельных ученых, к рассмотренным в работе вопросам нельзя относиться пренебрежительно, халатно, поверхностно или вообще игнорировать их значимость.

Их правильное решение имеет существеннейшее значение при написании исторических сочинений, особенно диссертаций, ибо это придает последним ясно осознанную и последовательно осуществляемую направленность; ориентирует на раскрытие их действительного практического значения во всех реальных аспектах; дает хорошую, продуктивную возможность выявить качественные рубежи в динамике анализируемых процессов.

Данная работа — это, по сути, приглашение к дискуссии.

Примечания

1. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. М. 1987, с. 42—43.
2. Там же, с. 43.
3. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И.В. Обществоведение: от квазирелигии к науке. — Социально-политические науки. 1990, № 11, с. 42.
4. СУДАКОВ А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х — сер. 1980-х гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Сургут. 2006, с. 6.
5. КУЗЬМИНА А.П. Сельская электрификация на Урале в 1920—1953 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2013, с. 4.
6. ЗАПАРИЙ В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2013, с. 3.
7. См., напр.: КУЗЬМИНА А.П. Ук. соч., с. 41; ЗАПАРИЙ В.В. Ук. соч., с. 3, СУДАКОВ А.В. Ук. соч., с. 6.
8. ЕЖОВ А.О. Титановая промышленность Урала в XX веке: особенности и перспективы развития. В кн.: Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVII—XXI вв.: материалы XII Всероссийской научной конференции, 4—5 декабря 2014 г. Т. 2. Екатеринбург. 2014, с. 47—56; ЕГО ЖЕ. Периодизация становления и развития титановой промышленности России: историография проблемы. — Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2015, № 11.
9. ИГНАТЕНКО Т.А. Проблемы периодизации отечественной историографии в советской исторической науке. В кн.: История и историки: автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1981, с. 5611; К итогам дискуссии по проблемам методологии истории КПСС. — Вопросы истории КПСС. 1978, № 12, с. 100.
10. ИЛЮШИН В.А. Периодизация как метод исторического исследования. Методология проблемы: автореф. дис. канд. филос. наук. М. 1971, с. 6.
11. БЕЛОВ А.В. Периодизация как элемент принципа историзма: автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 1987, с. 4.
12. МАСЛОВ Н.Н. Основные проблемы методологии истории КПСС. М. 1981, с. 41.
13. КАЛИСТРАТОВА Т.И., СЕМИН В.А. Роль историографии в создании новой концепции истории КПСС. — Вопросы истории КПСС. 1989, № 6.
14. НЕЧУХРИН А.Н., РАМАЗАНОВ С.П. Историческая наука и перестройка. — История СССР. 1989, № 3, с. 216.
15. МАЗУР Л.Н. Методологические проблемы периодизации истории России и Урала: в поисках универсальной модели. В кн.: Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конф. 17—18 июня 2013 г. Екатеринбург. 2013, с. 110.
16. Там же.
17. ХАФИЗОВА Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа. 1999, с. 11.
18. БАЙДА Е.В. Потребительский рынок Урала в конце XIX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 1993, с. 9.
19. ТАШЛЫКОВА М.И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965—1991 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Сургут. 2006, с. 13.
20. АВИМСКАЯ М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень — Сургут — Нижневартовск — Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Сургут. 2006, с. 14.

21. ПОСТНИКОВ С.П. Подготовка рабочих кадров на Урале (1921—1941 гг.): автореф. дис. докт. ист. наук. Екатеринбург. 1991, с. 8.
22. ПОДДУБИКОВ В.В. Промысловый комплекс автохтонных этносов Кемеровской области: экстенсивные формы этнического природопользования как объект региональной национальной политики: автореф. дис. канд. ист. наук. Томск. 2004, с. 16,28.
23. ДЕНИСЕВИЧ М.Н. Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-е — первой половине 60-х гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 1993, с. 9.
24. АЛЕКСЕЕВ И.А. История и духовная культура Владимиро-Суздальской Руси в трудах советских ученых: автореф. дис. канд. ист. наук. Нижневартовск. 2006, с. 10.
25. СМИРНОВ С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии (начало 1920-х — 1945 гг.): проблема социальной адаптации: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2002, с. 7.
26. ЯХНО О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2002.

Проведение денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. в городах Кировской области

С.Г. Егоров

Аннотация. В работе показана отмена карточной системы в Кировской области через рассмотрение социально-экономических проблем региона, деятельность местных властей в контексте общегосударственной политики. Это позволяет выявить как общие закономерности, так и местные особенности проведения денежной реформы и отмены карточек. В работе отражено влияние преобразований на качество жизни городского населения, реакция последнего на реформы декабря 1947 года.

Ключевые слова: отмена карточной системы в 1947 г., уровень жизни городского населения, денежная реформа 1947 года.

Abstract. The work reviews cancellation of the card system in the Kirov region through consideration of its socioeconomic problems, activity of local authorities in the context of nation-level policy, that enables us to recognize both general regularities and local peculiarities of measures taken for card system cancellation. The considers the influence of this undertaking on quality of life of urban population, attitude and feeling of people towards reforms of December 1947.

Key words: cancellation of card system, quality of life of urban population, monetary reform of the 1947.

В декабре 1947 г. в Советском Союзе были проведены денежная реформа и отмена карточной системы, которые, согласно правительственным заявлениям, должны были стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране и повысить жизненный уровень народа. В советской историографии данным преобразованиям традиционно давалась высокая оценка. Подчеркивалось, что денежная реформа и переход к открытой торговле явились завершением послевоенной перестройки экономики, оздоровили область товарооборота и финансов¹.

В постсоветский период оценка мероприятий декабря 1947 г. коренным образом изменилась. В научной и учебной литературе, публицистике стало преобладать скептическое отношение к послевоенным социально-экономическим преобразованиям². Общими стали утверждения об «ограблении народа» в ходе денежной реформы³.

Егоров Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: palamit@rambler.ru.

Egorov Sergey G. — PhD, assistant professor of the Vyatka State University. Kirov. E-mail: palamit@rambler.ru.

Изучение первоисточников и региональных материалов по данной проблеме позволяет дополнить, а в отдельных случаях и пересмотреть оценки этих традиционных историографических подходов.

Обсуждение вопросов о методах проведения послевоенной денежной реформы, способной нормализовать финансовую обстановку в стране, началось в правительстве еще в военное время, с конца 1943 года ⁴. Проведение реформы и отмена карточек планировались на первый послевоенный год. Однако из-за серьезной засухи на значительной территории европейской части СССР в 1946 г. эти мероприятия пришлось перенести. В передовице «Правды» сообщалось: «В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 года на 1947 год» ⁵. Такая позиция правительства объяснялась стремлением сохранить пайковую систему снабжения населения в условиях голода первого послевоенного года.

Благодаря централизованному распределению хлеба городскому населению Кировской области удалось пережить рост цен на продовольствие в 1946—1947 годах. Пайковое снабжение в этот период охватывало в регионе практически всех рабочих и служащих и обеспечивало необходимый минимум потребления. По данным отчета облплана за март 1947 г., большинство рабочих (70,7%) получали по карточкам 500—600 г хлеба в день ⁶.

Структура областного товарооборота за 1947 г. показывает, что в обеспечении потребностей населения области также важную роль играла коммерческая (кооперативная) торговля, которая составляла более половины товарооборота общественного питания ⁷. В 1946—1947 гг. была существенно расширена сеть коммерческих чайных и буфетов. 31 марта 1946 г. в Кирове в здании Центральной гостиницы был открыт крупный ресторан «Россия» с «отличной кухней и джаз-оркестром» ⁸.

Коммерческая и кооперативная торговля позволяла избегать в городах, даже в условиях послевоенной разрухи, дефицита основных продовольственных и промышленных товаров. Эта свободная торговля, дополнявшая карточную систему, давала хотя бы части населения возможность приобретать продукты и товары, не ограничиваясь карточным набором необходимого жизненного минимума, но по высоким ценам.

Продолжающиеся после войны инфляционные процессы, усугубляемые критической ситуацией на потребительском рынке, расширение зоны натурального обмена свидетельствовали о прогрессирующем обесценивании рубля и ставили под угрозу срыва программу восстановления экономики ⁹. В этих тяжелых условиях вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и непродовольственные товары». Главной особенностью преобразований декабря 1947 г. являлась синхронность реализации этих масштабных мероприятий в стране, что было воспринято населением как еще один результат победы в войне, окончательный переход от военного существования к мирной жизни.

В постановлении подчеркивалось: «Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва» ¹⁰. Реформа являлась рестрикционным мероприятием, то есть была направлена на изъятие у населения так называемых «лишних денег», прежде всего наличных.

Согласно постановлению, с 16 по 22 декабря вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, обменивалась, за исключением разменной монеты, на новые деньги 1947 г. в соотношении 10:1. Всего было обменено 37,2 млрд рублей. Из них: через городские выплатные пункты — 14,6 млрд руб., через сельские — 13,2 и 9 млрд руб. — через выручку торговых учреждений и организаций¹¹. Порядок оценки денежных вкладов в сберегательных кассах был принципиально иным. Здесь действовали определенные льготы: вклады до 3 тыс. руб., составлявшие большинство, оставались без изменений; по вкладам до 10 тыс. руб. — сумма, превышающая 3 тыс. руб., переоценивалась в пропорции 3:2. И, наконец, по вкладам размером свыше 10 тыс. руб. первые 10 тыс. обменивались в соотношении 3:2, а остальная часть вклада по пропорции 2:1: за 2 руб. старых денег — 1 руб. новых¹².

Различия в порядке обмена наличных денег и переоценки вкладов в сберкассах объяснялись в постановлении стремлением государства нанести удар по спекулятивным элементам, которые, пользуясь трудностями военного времени и лишениями послевоенной разрухи, создали значительные запасы денег.

Проведение денежной реформы совпадало с отменой карточек. С 16 декабря был осуществлен переход к открытой торговле. При установлении единых розничных государственных цен были снижены пайковые цены на ряд продовольственных товаров. Так, цены на муку и хлеб, составлявшие основу пищевого рациона большинства населения того времени, были снижены на 12%, крупу и макароны — на 10%. Мясо, рыба, жиры, сахар, овощи продавались по действовавшим пайковым ценам. Из продуктов питания лишь на молоко, яйца, чай и фрукты устанавливались новые цены, превышавшие пайковый уровень¹³.

Таким образом, переход к открытой торговле сопровождался снижением цен, никакого приближения розничных цен к коммерческим не наблюдалось. Это справедливо и для промтоваров, остро дефицитных в первые послевоенные годы. Согласно постановлению, цены на ткани, обувь, одежду, трикотаж повышались по сравнению с бывшими пайковыми, но устанавливались на уровне в 3,2 раза ниже коммерческих цен¹⁴.

Еще за месяц до 14 декабря 1947 г. были разбронированы товары из государственных резервов на сумму 1,7 млрд рублей. Они предназначались для торговли после отмены карточек в городах (1,1 млрд руб.) и в сельской местности (0,6 млрд руб.)¹⁵. 14—15 декабря в Кировской области проводилась сплошная инвентаризация и переоценка товаров и продуктов, находившихся в торговой сети, на складах, базах и предприятиях общественного питания¹⁶. Слухи о проведении денежной реформы, несмотря на предпринятые меры по сохранению этого события в тайне, широко распространились по области и в самом Кирове. Следствием этого стала самая настоящая торговая горячка.

Если средние рыночные цены на муку и картофель до проведения денежной реформы составляли соответственно 30 и 10 руб. за килограмм, то 15 декабря на рынке мука стоила уже 100 руб./кг, а картофель — 25—30 рублей¹⁷. Значительно возросло число случаев покупки почтовых марок на 4—5 тыс. рублей. Люди с большими суммами денег на руках пытались материализовать их в виде продовольственных и промышленных товаров. Так, в области рыночные цены на валенки 15 декабря доходила до 2500 руб. за пару, один метр ситца стоил 300 рублей¹⁸.

Всего в областном центре к началу торговли без карточек было подготовлено к открытию 140 магазинов и 36 столовых и ларьков. Правда, Горторг из 18 магазинов открыл всего 8, в связи с чем у ряда магазинов образовывались очереди. Облпотребсоюз из 150 торговых предприятий задействовал 147. Му-

комольные и хлебопекарные предприятия в г. Кирове были подготовлены к свободной торговле и нормально обеспечивали население мукой и печеным хлебом¹⁹.

В целом первые дни торговли без карточек и по единым государственным ценам показали, что торговая сеть области, за исключением отдельных случаев, была подготовлена к свободной торговле удовлетворительно. Магазины начали работу с хорошим и достаточно широким (в понятиях тех лет) ассортиментом продовольственных и промышленных товаров²⁰.

В областных отчетах о проведении реформы и переходе к открытой торговле отмечалось, что «с первых же дней торговля без карточек дала свои положительные результаты в деле удовлетворения покупательского спроса населения»²¹. Действительно, продажи основных продуктов питания по области увеличились на десятки процентов: хлеба — в 1,7 раз, сахара — в 3,3 раза, кондитерских изделий — в 3,6 раза²².

Такой значительный рост потребления продуктов питания во многом был обеспечен правительственным постановлением, в котором говорилось: «Заработную плату рабочим и служащим за первую половину декабря 1947 г., денежное довольствие военнослужащим, стипендии, пенсии и пособия за декабрь 1947 г. выплатить деньгами образца 1947 г. в течение 16—20 декабря 1947 г. повсеместно на территории СССР, независимо от установленных сроков выплаты зарплаты»²³. Таким образом, благодаря денежным выплатам новыми дензнаками, удалось не только сохранить прежний уровень потребления, но и существенно повысить его в первые дни после перехода к открытой торговле. В Кировской области выдача заработной платы была в основном закончена к 20 декабря. Только бюджетные учреждения получили в течение пяти дней 16 079 тыс. рублей²⁴.

Характерно, что в первые дни в областном центре люди в основном покупали хлеб: 16.XII — 207,5 т, 17.XII — 150 т, 18.XII — 148 тонн. В последующие дни, видимо после создания хлебных запасов, внимание покупателей сосредоточилось уже на жирах, крупах, кондитерских изделиях²⁵.

Вполне понятен повышенный спрос на хлеб в первые дни свободной торговли. Даже в тыловых регионах в 1941—1946 гг. рабочие и служащие испытывали жестокий голод. Характерно выступление рабочего фабрики «Красный труд» Никулина: «Я дистрофик, я до 15 декабря еле ходил, а сегодня свободно купил буханку хлеба, не чувствовал под собой ног, бежал домой»²⁶. Рабочий Макаров — слесарь одного из военных предприятий — не смог сдержать эмоций, вспоминая спустя десятилетия об этих днях: «А вскоре отменили и карточки. Увидел полки с буханками белого и черного — очумел»²⁷.

Как отмечалось, «отмена карточек на продовольственные и промышленные товары и проведение денежной реформы значительно повлияло на снижение рыночных цен на муку, мясо, молочные продукты, масло животное, картофель и овощи, что соответственно снизило спрос на эти товары в торговой сети г. Кирова». Так, цена на муку снизилась с 30 руб. за 1 кг до 5—7 руб., на картофель — с 10 до 2—3, на молоко — с 18 до 5—6, на мясо — с 70—100 руб. до 35—45 рублей²⁸.

Таким образом, переход к открытой торговле сделал рыночные цены более доступными для большинства населения, что ослабило давление на магазины государственной и кооперативной торговли.

Одним из показателей некоторого повышения уровня жизни населения Кировской области в послевоенные годы стало значительное увеличение в структуре товарооборота доли непродовольственных товаров. Если в 1944 г. на промышленные товары приходилась только четверть товарооборота, то в 1947 г. — уже около одной трети. В 1948 г. в результате денежной реформы и перехода к открытой торговле этот показатель вырос еще более — до 40%²⁹.

В то же время, в ходе отмены карточек наблюдались случаи, когда вместо развертывания открытой торговли ряд торговых предприятий, организаций рабочего снабжения (ОРС) и райпотребсоюзов под различными предложениями устанавливали произвольные нормы продажи товаров в одни руки. Осуществлялась продажа товаров в буфетах, закрытых магазинах, по спискам и т. д.

В частности, в первые дни после отмены карточек и денежной реформы был вскрыт ряд нарушений и недостатков такого рода в структурах ОРСов. Так, в буфете ОРСа комбината «Искож» хлеб продавался по спискам, из расчета 700 г на рабочего и 400 г на иждивенца; ОРС Белохолуницкого завода вообще не организовал торговлю продовольственными товарами; ОРСы лесной промышленности установили продажу товаров по нормам: на человека на пять дней — 600 г — 1,5 кг хлеба, 200 г жиров, 150—350 г сахара, были введены пропуска с отметкой о продаже хлеба³⁰. Однако эти случаи ограничения свободной торговли в организациях рабочего снабжения не носили массового характера, местными властями принимались необходимые меры к их предотвращению, виновные лица привлекались к ответственности.

Как показали проверки, злоупотребления и спекулятивные махинации были связаны с внесением в кассы торговых организаций больших сумм старых денег для сокрытия от учета различных ликвидных товаров. В основном от учета укрывались продукты питания и водка³¹.

В некоторых случаях в экономических преступлениях участвовали и члены партийно-государственной областной номенклатуры. В начале 1948 г. с формулировкой «оказались политически неустойчивыми и в корыстных целях совершили преступления при проведении денежной реформы» были отстранены от работы первый секретарь Пижанского райкома, председатель Кильмезского райисполкома, начальник Зуевского райотделения МВД и второй секретарь по кадрам Ждановского райкома областного центра³².

Товарооборот продовольственных товаров поддерживался на высоком уровне не только в первые дни перехода к открытой торговле. В феврале 1948 г. первый секретарь обкома И.Т. Быков отмечал, что в день в г. Кирове продается хлеба больше 1 кг на человека, во многом за счет потребительской активности приезжих из районов³³.

Знаменитый оружейник-конструктор Г.С. Шпагин, работавший на военном заводе № 327 в г. Вятские Поляны, как депутат Верховного Совета СССР обращался к областным властям: «У нас руководящий состав цехов и отделов подали заявление об уходе. Какая же причина? Они отвечают: места не даете, (имеется в виду земельная площадь под жилищное строительство. — С.Е.) кроме хлеба ничего не продаете», «...нам занарядили вагон трески, народ узнал и загудел. Вы говорят со своей треской не только нас, но и весь город провоняете. Что делать, наш народ тоже хочет селедки...»³⁴

Эти упреки Шпагина довольно показательны. Уже в начале 1948 г. рабочие и ИТР воспринимали как данность свободную продажу хлеба и проявляли недовольство, если в магазины завозили треску, а не селедку. А ведь еще несколько месяцев назад потеря продовольственных карточек означала для них если не голодную смерть, то крайнюю степень истощения.

Безусловно, после отмены карточной системы и проведения денежной реформы проблемы продовольственного снабжения и обеспечения промтоварами не были разрешены полностью. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. жители городов региона довольно часто не могло свободно купить некоторые виды продуктов питания и ширпотреб³⁵.

Значимость преобразований декабря 1947 г. была связана с тем, что городское население Кировской области получило возможность, даже при значительных перебоях в снабжении, все же относительно свободно покупать самые

необходимые продукты питания — хлеб и крупы, а также приобретать вещи, без которых невозможна нормальная жизнь, — нитки, ткани, резиновую и кожаную обувь, что было шагом вперед по сравнению с голодными 1941—1946 годами.

Примечания

1. ДЬЯЧЕНКО В.П. История финансов СССР (1917—1950 гг.). М. 1978, с. 433—444; История социалистической экономики СССР. Т. 6. М. 1980, с. 26; ЛОКШИН Э.Ю. Промышленность СССР. М. 1964, с. 156; СТОЛЯРОВ С.Г. О ценах и ценообразовании в СССР. М. 1969, с. 159.
2. АКСЕНОВ Ю., УЛЮКАЕВ А. О простых решениях непростых проблем. — Коммунист. 1990, № 6, с. 80—81; ПИХОЯ Р.Г. Советский Союз: история власти. Новосибирск. 2000, с. 18; ПЫЖИКОВ А.В., ДАНИЛОВ А.А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М. 2002, с. 114—115; ЛАЦИС О. Сказки нашего времени. — Известия. 16.IV.1988.
3. ПОПОВ В.П. Сталинское экономическое «чудо» после войны (1946—1953). В кн.: Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 2. М. 2002, с. 277.
4. ЗВЕРЕВ А.Г. Записки министра. М. 1973, с. 231—233.
5. Правда. 29.VIII.1946.
6. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. П-1290, оп. 12, д. 325, л. 190.
7. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. 60 лет Кировской области. Киров. 1996, с. 210.
8. Кировская правда. 30.III.1946.
9. ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 годы. М. 2000, с. 78.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т. 3. М. 1968, с. 462.
11. ПЫЖИКОВ А.В., ДАНИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 114.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам..., с. 465.
13. Там же, с. 466—467.
14. Там же, с. 467.
15. ПЫЖИКОВ А.В., ДАНИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 114.
16. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 13, д. 370, л. 75.
17. Там же, д. 83, л. 51.
18. Там же.
19. Там же, л. 74, 79.
20. Там же, л. 76.
21. Там же, л. 78.
22. Там же.
23. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам..., с. 465.
24. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 13, д. 83, л. 55.
25. Там же, л. 3.
26. Там же, л. 11.
27. ЛЫСКОВ А. Лишняя заклепка. — Кировская правда. 22.VI.2001.
28. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 13, д. 83, л. 43.
29. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. Киров. 1996, с. 210—211.
30. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 13, д. 370, л. 76.
31. Там же, л. 75.
32. Там же, оп. 20, д. 31, л. 77.
33. Там же, оп. 13, д. 2, л. 234.
34. Там же, оп. 20, д. 12, л. 85.
35. Там же, оп. 22, д. 2, л. 304—307.

А.М. Буцковский о Засулакской Кумыкии

Б.Г. Алиев, А.О. Муртазаев

Аннотация. Работа посвящена историографическому анализу труда офицера русской армии, подполковника А.М. Буцковского, посвященного описанию Кавказской губернии и горских областей. В основном сведения касаются владений Засулакской Кумыкии. Они имели большое значение для российских властей на Кавказе при осуществлении дагестанского вектора южного направления внешней политики империи.

Ключевые слова: кумыки, княжества, князя, уздени, торговля, Аксай, Костек.

Abstract. The work is devoted to the historiography analysis of the work of the officer of Russian Army, the lieutenant colonel A.M. Butskovsky, devoted to description of the Caucasian province and mountain areas. Generally, the data concern the possession of Zsulakskaya Kumykiya. The data of A.M. Butskovsky had been very important for the Russian authorities in the Caucasus in performing of the Daghestan vector of the Southern direction of foreign policy of the Empire.

Key words: Kumyks, principalities, princes, uzdens (noblemen), trade, Aksay, Kostek.

Андрей Мартынович Буцковский (род. в 1781 г.) с 1789 г. находился на военной службе. С 1803 г. служил в Грузии, участвовал в военных действиях против Персии. С 1809 г. — подполковник, в 1810 г. руководил сбором материалов для составления карты Грузии, в том же году был командирован на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии. Вышел в отставку в 1815 году.

Труд А.М. Буцковского под названием «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей».

Алиев Багомед Гадаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: arslist777mail.ru; *Муртазаев Арсен Омарович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: arslist777mail.ru.

Aliiev Bagomed G. — doctor of historical sciences, professor, senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre. RAS. E-mail: arslist777mail.ru; *Murtazayev Arsen O.* — candidate of historical sciences, researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre. RAS. E-mail: arslist777mail.ru.

тей, сочиненное квартирмейстерской части подполковником Буцковским», хранится в РГВИА.

Выдержки, касающиеся Дагестана, изданы отдельным сборником архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», вышедшим в 1958 году ¹.

Повествование о Засулакской Кумыкии в труде Буцковского начинается с описания ее территории: «Прежнее владение под общим названием Аксаевских кумыков простиралось от Каспийского моря до реки Гуйдермеза, впадающей в правый берег Сунджа в 15 верстах выше устья сей» ².

Далее автор останавливался на описании самой территории кумыков, в частности, отмечая: «Собственно кумыкское владение лежит большею частию в долинах, понижающихся к морскому берегу, где превращаются в болотистые низины, камышами поросшие; оно разделяется на три волости: Аксаевскую, отделенную рекою Ямансу, Адреевскую (Эндирейскую. — Б.А., А.М.) и Костюковскую (Костекскую. — Б.А., А.М.); сии две последние совокупно пользуются землями и в наследстве прав старшинства в княжеских родах» ³.

Описав территорию и границы Засулакской Кумыки, Буцковский переходит к вопросу о кланах и социальных группах, в частности, описанию положения и взаимоотношений князей, сала-узденей, названных им дворянами, и «простого народа», под которым подразумеваются различные группы феодально-зависимого узденства и крепостные крестьяне. Автор прежде всего говорит о классе феодалов и в первую очередь о его высшем сословии — князьях: «Все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов. Князья имеют наследственных подданных в роде крестьян, коих однакож продавать не могут, а получают только с каждого двора в год: один воз дров, одного работника на один день к посеву и жатве хлеба и сенокошению: за сим никаких более даней не взимают» ⁴.

О сала-узденях Буцковский писал: «Узденья, имеющие только своих подданных в таком же смысле, почитают себя подданными тех князей, землями коих пользуются, не платя однакож никакой положенной дани, равно и простой принадлежащий им народ. Имея право переходить из одного подданства к другому князю явствует, что сила сих последних зависит от достатка земель» ⁵. За пользование княжескими землями уздени и простые подданные обязаны были сопровождать своих князей «как на воровские поиски, так и воинские походы» ⁶.

Следует отметить, что Буцковский, как и многие другие авторы, не различал состав сословия узденей (дворян). Между тем, это сословие, известное под названием сала-уздени, включало две сословные группы, которые отличались друг от друга как своим происхождением, так и социально-правовым положением в обществе. Первая действительно была одной из сословных групп класса феодалов, названной дворянством. Ряд авторов советского и постсоветского периодов считают эту сословную группу низшей группой класса феодалов ⁷, другие — «средней феодальной прослойкой кумыкского общества» ⁸.

Причем это сословие образовалось как собственник земли еще до переселения в Засулакскую Кумыкию Султан-Мута и образования Эндиреевского княжества. Поэтому автор, писавший, что «все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов», не прав. До переселения Султан-Мута на территорию Засулакской Кумыкии сала-уздени имели свои собственные земли, которые и впоследствии остались их собственностью. На это указывали в 40-е гг. XIX в. М.Б. Лобанов-Ростовский, отмечавший, что сала-уздени «древние хозяева земли, независимые дачники», которые «гордились своим известным происхождением, богатством и удалью, уступая первенство одним лишь князьям» ⁹, и Д.-М. Шихалиев, написавший: «Хотя Кумыкское владение

заклучалось между Терекон и Темир-Кую, или как значится на карте, между Терекон и Сулаком, но действительной вотчиною кумыкских князей была та полоса земли, где были проведены родовые их канавы»¹⁰.

По его же сведениям, до первого имама Дагестана Газимагомеда «на Кумыкской плоскости было много мелких деревень, которые первоначально были не что иное, как хутора, со временем превращавшиеся в прочные деревни». Они принадлежали как князьям, так и сала-узденям¹¹.

Социально-правовое положение сала-узденей определялось именно тем, что они являлись земельными собственниками, которые «в отношении своей земли и зависимого крестьянства и рабов пользовались теми же правами, что и беки и чанки»¹². Еще ранее С.В. Юшков отмечал, что сала-уздени «владели землей на праве собственности: эту землю приобретали или по наследству, или по дару. Они отдавали свою землю феодально-зависимым крестьянам, чагарам, раятам или обрабатывали ее при помощи рабов. Они были свободны от всяких повинностей»¹³.

«Сала-уздени, — писала С.Ш. Гаджиева, — владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, раятами и т.д.»¹⁴. Именно поэтому их называли «древними хозяевами земли»¹⁵, «независимыми дворянами», «свободными владельцами»¹⁶.

Сала-уздени «заложили основание кумыкскому владению (Эндиреевскому княжеству. — Б.А., А.М.)»¹⁷.

В княжествах Засулакской Кумыкии, как и в других феодальных владениях Дагестана, встречались и чанки, о которых Буцковский писал, что это были дети, рожденные от женитьбы князей, «на узденских и простого народа дочерях» и что «дети сего брака не имеют права к наследству»¹⁸. Здесь же он отмечал, что княжеские дочери отдаются замуж только за князей. Писал он также о существовании калыма и многоженства, когда закон позволял иметь даже до 7 жен¹⁹.

Буцковский сообщал о вероисповедании кумыков, их принадлежности к «Омаровой секте», о большой роли духовенства, в особенности среди «простого народа», наличии у кумыков кадий, которых он сравнивал с архиереями, и мулл, названных им простыми священниками. Остановившись на плате, получаемой духовными служителями, автор сообщал, что кадий имел с каждого двора «в год до четверика проса, пшеницы и баранами со ста одного», муллы же содержались кадиями. Отмечалось также большое уважение к хаджиям-богомольцам, посетившим гробницу Магомеда.

Судопроизводство, как писал Буцковский, у кумыков осуществлялось избираемыми стариками, «в важных же случаях верховным духовенством, составляющим судебное собрание под названием меккеме, к коему иногда и князья прибегают»²⁰.

Сведения Буцковского о судопроизводстве в Засулакской Кумыкии не совсем совпадают со сведениями о формировании и названии суда, имеющихся в других материалах, хотя и более позднего времени. Так, в «Записке о сословном строе в Кумыкском округе Терской области», составленной в 1869 г., сказано: «Из первостепенных узденей избирались народные судьи в меккеме (турачи или судьи), поэтому все дела общественные, разбор дел кровных, спорных и тяжбных были в руках этого сословия; в делах общественных князья принимали участие и руководили оными, но в делах кровных, спорных и тяжбных участия не имели...»²¹

Д.-М. Шихалиев писал: «Тяжбы передавались на суждения стариков, по адату, или кадию, для разнообразия (разбирательства. — Б.А., А.М.) по шарияту, смотря по тому, к которому из этих двух законодательств дело принадлежит ...»²²

В опубликованных Ф.И. Леонтовичем адатах по судопроизводству у кумыков сказано: «Судей для разбирательства назначает старший князь»²³. Но в

то же время, как писал Лобанов-Ростовский, старший князь «не вмешивался в разбирательство тяжб, возникающих в подвластном ему народе, дело судилось по Адату (по обычаю) или Шариату, смотря по тому, к которому из их двух законодательств оно принадлежало»²⁴.

Останавливаясь на доходах князей, Буцковский писал, что они состояли: в «получаемой плате за наем земель в горах, подданными им лезгинами занимаемых, в сборе пошлин за впуск товаров, с каждой арбы по 2 1/2 рублей серебром; сими пользуются только старший князь, а прочие — налогом штрафных за учиненные их подданными воровства и смертоубийства»²⁵.

Интересен вопрос о взаимоотношениях княжеств Засулакской Кумыкии с соседними народами. Буцковский писал, что с тарковским шамхалом они находились в дружественных связях, помогая в случае необходимости друг другу, хотя и бывали междоусобицы. С чеченцами, по его сведениям, «явно вражды не имеют», но постепенное усиление их «им весьма противно» так же, как и освобождение «части чеченцов от зависимости кумыков». С кабардинцами «ныне дружны, но вспомогательных воинов не дают. С вольными лезгинскими обществами Андии и Ботлук (Ботлих. — *Б.А., А.М.*)... в добром сношении и торг имеют»²⁶.

Далее Буцковский, давая характеристику кумыкам засулакских княжеств, писал, что они, как и другие горцы, были склонны к разбою, но в результате частых взаимоотношений с персами «заимствовались некоторого образования», «воздерживающего производить сие ремесло явно», они «научились и персидской хитрости и коварству, находя всегда способы к прикритию своих измен. Здесь же он отмечал, что, они «гораздо просвещеннее прочих горских народов»²⁷.

При описании территории Засулакской Кумыкии автор отмечал плохую проходимость дорог, ведущих к главным селениям — Эндирей, Аксай и Костек — чему сильно мешали множество поливных канав, а также кустарник («мелкий колючий лес») ²⁸. «Главное кумыков селение, — писал Буцковский, — Ендери (русскими Андреевскою называемою), на правом берегу Агташа, при выходе сей реки из гор, заключает в себе до 1500 домов и положением своим на полугоре отличной представляет вид. В нем несколько каменных мечетей, а все почти княжеские дома окружены каменными оградами с оборонительными башнями». Поэтому, а также располагаясь «между рекою Агташом и двумя утесистыми ручейками, Ачи и Чумлы, с четвертой же стороны высокими горами, упорную может сделать оборону»²⁹.

Эндирея, «...будучи по местному положению, так сказать, воротами между горами и долинами, сделалось сборным местом и главною ярмонкою для торга племенными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море»³⁰. При этом в то время торговля рабами уменьшилась по сравнению с прежним временем.

Действительно, Эндирей являлся одним из центров работорговли Дагестана, о чем еще до Буцковского писал комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов, отметив при этом его значение как одного из центров торговли Дагестана, где встречались горские торговцы. В частности, он отмечал: «Деревня сия есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частию покупают у горцов и чеченцов сами андреевские жители и продают в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных... Часть же пленных самых лучших обою пола дают андреевцы приезжающим из Константинополя и Анапы туркам и жидам, а иногда и сами доставляют в Константинополь и продают там же за великие деньги»³¹. Отмечал Буцковский и торговлю, которую в Эндирее вели армяне «всем для горцев

потребным», что «привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев»³².

Как показатель важности Эндирее автор отмечал «остатки большой древней обители сего края — земляной крепости против Андреевского селения, на левом берегу Агташа, при выходе сей реки из гор»³³.

Говоря об Аксае, Буцковский отмечал, что селение располагалось «на правом берегу Аксая, при выходе сей реки из гор», что оно «менее крепкое, нежели Андреевское, — содержит не менее 800 домов»³⁴. Писал он и о торговле Аксая, отметив при этом, что «производимый в оном торг привлекает туда многих соседственных чеченцов»³⁵. Здесь, как и в Эндирее, княжеские дома были «окружены каменными оградами с оборонительными башнями и способны упорной обороны»³⁶.

Еще меньше, чем Аксаю, уделено внимание Костеку: «Костек, или Костюковское, на левом берегу Койсу, лежит открыто и никакой обороны не способно, содержит около 650 дворов»³⁷.

В достоверности приведенных Буцковским сведений о центрах засулакских княжеств не приходится сомневаться, так как автор собирал материал на месте. Впрочем, отметим, что подобные сведения сообщали и другие авторы. Так, в 1804 г. комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов писал, что в Эндирее имеются до «тысячи семей», в Аксае — «семей до пяти сот», а в Костеке — «семей до трехсот»³⁸. В сведениях, собранных в 80-е гг. XVIII в. Я. Рейнеггом, отмечается, что в Аксае было 1200 дворов, в Эндирее — 3000, а в Костеке — 800 дворов³⁹. На наш взгляд, наиболее верными являются цифры, приведенные в работе Буцковского.

Вызывает интерес описание формирования воинских сил в Засулакской Кумыкии. Автор писал, что кумыки, как и другие горцы, долго не отлучались «от домов своих», формировали отряды по селам, каждый из них придерживался своего князя; каждый брал с собой продовольствие — муку и просо, а для князя и его свиты — баранов и крупный рогатый скот. Все ополчение трех княжеств вместе с подвластными горцами (салатавцами), ауховцами, «малой части вновь основавшихся чеченцов и кочующих ногайцев» могли выставить «до 18 000 конно-вооруженных». Причем «кинжалы, лучшие по Кавказу», выделялись в Эндирее, свинец же получали в основном из российских городов⁴⁰.

Отдельный сюжет в работе Буцковского посвящен «кумыкам подвластным» народам, среди которых перечислены соседние салауавцы под названием «лезгины», ауховцы («аухи») и ногайцы.

Останавливаясь на салауавцах («салатау») автор, как и те, кто писал после него, отмечал, что салауавцы проживали в Засулакской Кумыкии еще «до прибытия кумыков», занимаясь в основном овцеводством. После заселения этих земель кумыками, они вынуждены были арендовать у них пастбища и «покориться» им.

Салауавцы попали под власть эндиреевских и костековских князей, которым платили «дань баранами и хлебом» и были «обязаны по вызову сопровождать оных в воинственных походах, быть готовыми к посылкам, платя сверх того за земли малую часть деньгами»⁴¹.

Интересны сведения Буцковского о социальном строе салауавцев. Он отмечал, что все они считают себя узденями, «но разделяются на два рода, из коих простые прислуживают старшим». Крепостными считались «иноземные пленники», которые находились «в полной власти их».

Главным занятием салауавцев было овцеводство, овец на зиму перегоняли «в понизовье (равнину. — Б.А., А.М.) кумыков». Занимались они и садоводством, производили «отменный род винограда и фруктов». Земель для полеводства было мало, и поэтому сеяли «малую частью только ячмень и пшеницу, покупая в случае недостатка хлеба у кумыков». Занимались салауавцы и коневодством. Они имели целые табуны «разных пород, косяками только», а круп-

ного рогатого скота содержали мало, и поэтому основной тягловой силой были ишаки, которых у них было «великое множество». Из ремесел и домашних промыслов отмечено изготовление грубых бурок и ковров. Занимались салатавцы и торговлей, в особенности на базарах Эндирея⁴².

Аухами Буцковский называл поселившихся на кумыкских землях около вершин рек Агташа и Ярухсу карабулакских и чеченских выходцев, которые платили кумыкам дань баранами и обязаны были давать «вспомогательных воинов». Занимались они в основном скотоводством и делали хорошие ружья. Не все чеченцы находились в одинаковом положении. Буцковский писал о чеченцах, «недавно на сих местах» поселившихся и смешавшихся с «природными кумыками», что они князьям «особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосению». Однако из пяти селений (Хасамкент, Балчи, Герзелли, Дадаюрт и Умараджи) первые три эту повинность в начале XIX в. уже не выполняли⁴³.

Что касается ногайцев, то о них Буцковский писал, что они являлись остатками Большого и Малого Ногай, вели кочевой образ жизни, 500 кибиток принадлежали аксаевским князьям и около 600 кибиток — эндиреевским и костековским князьям. Основным занятием ногайцев было овцеводство, разведение крупного рогатого скота и отчасти коневодство. Эндиреевские ногайцы жили лучше аксаевских, князьям не платили дани, кроме штрафов за убийство, драку и воровство, которую собирали старшие князья. Они давали также «вспомогательных воинов». Кочевали ногайцы «на понизовьях около устья реки Акса, Ямансу и Казьмы»⁴⁴.

Описав подвластные народы, Буцковский отдельно остановился на занятиях населения Засулакской Кумыкии. Он отметил, что верхний слой почвы здесь считается «плодороднейшим на северном скате Кавказа, а климат теплее прочих областей сей полосы, что доказывается совершенным созреванием винограда и других хороших фруктов». Сеяли больше всего пшеницу и просо, которое давало особенно хорошие урожаи, чему способствовал полив полей из канав (татаулов), имеющих у кумыков. В Костековском княжестве «с великим успехом» разводили сарачинское пшено. Садов было много, но они особых доходов не давали. Разводили все виды скота, которым кумыки были «богаче чеченцов». У них было 6 табунов, в каждом из которых насчитывалось по 600 лошадей. Владельцам своих лошадей хватало, и раньше их продавали русским. Подвластные князьям народы покупали лошадей в Кабарде⁴⁵.

Буцковский отмечал, что кумыки не занимаются сами торговлей, и она «вся находится в руках армян», но «женщины с успехом торговали хорошими коврами, бурметами и одноцветными бумажными материями». Мало занимались шелководством и производством бумажных (хлопчатых) материй. Соль получали в шамхальстве, приобретая за просо и хлеб⁴⁶.

В конце исследования дана таблица населенных пунктов и количества дворов, входивших в состав княжеств Засулакской Кумыкии. Здесь перечислены: 16 собственно кумыкских сел с 4435 дворами, 12 «кумыкам принадлежащих» лезгинских (горских) селений с 760 дворами, 9 ауховских селений (среди них упоминается и аварское селение Алмак) с 1100 дворами, 5 чеченских селений с 312 дворами и ногайцы, среди которых 600 кибиток относились к Эндиреевскому и Костековскому княжествам, 500 кибиток входили в состав Аксаевского княжества⁴⁷.

Как видно из приведенного материала, в книге Буцковского имеется много сведений о социально-экономической и политической истории жителей Кумыкской равнины. Все они значимы для изучения истории кумыков начала XIX в. в целом и Засулакской Кумыкии в частности.

Примечания

- Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект: № 16-31-01067 «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI — первая половина XIX в.».
1. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. М. 1958. (Далее ИГЭД).
 2. БУЦКОВСКИЙ А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей. 1812 г. ИГЭД, с. 239.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же, с. 239—240.
 6. Там же, с. 240.
 7. ЮШКОВ С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Учебные записки Свердловского государственного пединститута. (Исторический). Свердловск. 1938, с. 67; МАГОМЕДОВ Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала. 1957, с. 174.
 8. ГАДЖИЕВА С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М. 1961, с. 111.
 9. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала. 2002, с. 38.
 10. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала. 1993, с. 33.
 11. Там же, с. 37—38.
 12. МАГОМЕДОВ Р.М. Ук. соч., с. 174.
 13. ЮШКОВ С.В. Ук. соч., с. 80.
 14. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 109.
 15. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ М.Б. Ук. соч., с. 38.
 16. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Ук. соч., с. 45.
 17. Там же, с. 46.
 18. БУЦКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 40.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы. М. 1969, с. 89.
 22. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Ук. соч., с. 76.
 23. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ М.Б. Ук. соч., с. 74.
 24. Там же, с. 42—43.
 25. БУЦКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 40.
 26. Там же.
 27. Там же, с. 40—41.
 28. Там же, с. 41.
 29. Там же, с. 24.
 30. Там же.
 31. АХВЕРДОВ А.И. Описание Дагестана. 1804 г. ИГЭД, с. 213.
 32. БУЦКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 241—242.
 33. Там же, с. 242.
 34. Там же.
 35. Там же.
 36. Там же.
 37. Там же.
 38. АХВЕРДОВ А.И. Ук. соч., с. 213—214.
 39. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. Махачкала. 1992, с. 252—253, 255.
 40. БУЦКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 241—243.
 41. Там же, с. 243.
 42. Там же.
 43. Там же, с. 243—244.
 44. Там же, с. 244.
 45. Там же.
 46. Там же, с. 244—245.
 47. Там же, с. 245.

Кумышка в политике Российского государства в отношении удмуртов в конце XVIII — начале XX в.

Н.В. Пислегин

Аннотация. Настоящая работа посвящена политике Российского государства в сфере удмуртского кумышковадения в конце XVIII — начале XX века. Важность этого направления, в частности, доказывается наличием первого известного на настоящий момент перевода законоположения на удмуртский язык. Попытки ограничить и, в конечном счете, запретить кумышку наталкивались на активное и пассивное сопротивление, в целом их можно считать неудачными. Политика по отношению к ее изготовлению и употреблению являлась составной частью общеимперской политики, касающейся производства, сбыта и потребления алкоголя.

Ключевые слова: кумышка, обрядовый напиток, маркер удмуртской этничности, винный откуп, акциз, корчемство, перевод узаконения на удмуртский язык, сопротивление, внутренняя политика государства.

Abstract. The work comes to view the policy of the Russian state in the sphere of production of Udmurt kumyshka in the end of XVIII — beginning XX. The importance of this area, in particular, proved by the existence of the first known at the moment the transfer of legislative act on the Udmurt language. Attempts to limit and, in the end, finally, to ban kumyshka met with active and passive resistance of people, in general, they can be considered unsuccessful. Despite the uniqueness and ethnicity marker of Udmurt kumyshka policy in relation to its production and use was part of empire-wide policy in production, sales and consumption of alcohol.

Key words: kumyshka, ceremonial drink, Udmurt ethnicity marker, liquor tax farming, excise, korchemstvo (secret manufacture and sale of alcoholic beverages is punishable by law), translation of legislative act on the Udmurt language, resistance of people, domestic policy of the state.

Кумышка по своей сути — это самогон, получаемый из зерновой браги. Она считается национальным алкогольным напитком удмуртского народа и в этом статусе неоднократно являлась объектом исследований историко-этнографического характера, начиная с XVIII века ¹. Основным их посылом весьма часто выступало невольное желание оттенить этот элемент культуры в качестве символа этнической принадлежности ².

Пислегин Николай Викторович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. E-mail: cpeg@yandex.ru.

Pislegin Nikolai V. — candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher of the Udmurt Institute for History, Language and Literature of Uralic Branch RAS. E-mail: cpeg@yandex.ru.

К эпохе так называемого кризиса крепостничества страна, в целом, и Удмуртское Прикамье, в частности, подошли в условиях откупной системы в питейной сфере. Указами 1749—1751 г. удмуртам, а также бесермянам и каринским татарам запрещалось кумышковарение³. Наказание за нарушение запрета могло доходить вплоть до сдачи виновного в «корчемном деле» в «солдаты»⁴. «Кумышечным вопросом» в первой половине XIX в. неоднократно занимались высшие органы государства: Сенат, Синод, Комитет министров, министерства внутренних дел и государственных имуществ и сам император. Кумышка становилась основным поводом для обращения высших эшелонов власти к удмуртской проблеме. По подсчетам М.В. Гришкиной, за 1800—1855 г. ей было посвящено 18 указов, распоряжений и положений⁵. Следующий этап пристального внимания к данному вопросу пришелся уже на конец XIX века.

Следует отметить, что удмурты очень болезненно относились к попыткам запретить их, во многом, обрядовый напиток и нередко поднимались на открытые выступления. Так, в январе 1798 г. в д. Качкашурской Омутницкой волости Глазовского уезда во время проводимого нижним земским судом расследования по поводу незаконного курения кумышки умер крестьянин Трефилов, который замерз, проведя ночь под арестом «в одной рубашке» в неотапливаемом помещении. Возмущенные удмурты окружили избу, где находились чиновники суда и поверенные от питейной конторы, и установили караул. На просьбы комиссара Михайлова отпустить хотя бы секретаря староста и «мирские люди» заявили, что «суд отпускать и лошадей давать обществом не велено», однако они согласились сами отправить к глазовскому городничему П.Ф. Чайковскому⁶ записку. По прибытии в деревню городничего, дворянского заседателя уездного суда И. Френёва и шести человек воинской команды волнения прекратились. Слободской уездный суд, рассматривавший это дело, вынес компромиссное решение не наказывать ни бунтовавших крестьян, ни виновных в смерти Трефилова, так как «они в показуемых на них преступлениях не признались, ясных же достаточных и неоспоримых на обвинение их доводов не оказалось».

Губернское правление вынесло земскому суду «строжайший» выговор «за собрание к допросу о винокурении вдруг многих крестьян». Ярко и подробно описывает архивный источник все перипетии, последовавшие после обысков, проведенных при поддержке властей корчемным поверенным В. Овчинниковым (откуп петербургского купца С. Усачёва, уполномоченным которого по Глазову и уезду был глазовский купец И. Бородин). Наиболее крупные столкновения, вплоть до драки, с понятными и казаками крестьяне произвели 2 августа⁷.

8 февраля 1802 г. удмуртам Вятской губернии было даровано право выкупать кумышку «только для домашнего обихода, чтобы количество оной отнюдь не превосходило домашних нужд» на условии выплаты дополнительных 25 коп. с каждой души мужского пола так называемых «прибыльных денег». Эта акция была предпринята после длительного обсуждения и вызвана тем, что ревизовавшие Вятскую губернию в 1800 и 1802 г. сенаторы отнесли к числу важнейших злоупотреблений по отношению к удмуртским крестьянам принуждение закупать казенное вино⁸.

Борьба с кумышковарением, тем не менее, в первые годы после принятия царского указа по инерции была продолжена, несмотря на последовавшее его разрешение. При этом уездные суды продолжали руководствоваться запретительными законами, принятыми в предыдущем столетии, например, указом 1749 г., уставом о винокурении 1765 г. или сенатским указом 1803 г., подтверждавшим винным откупщикам право «отчета, стражи и наблюдения» за законностью корчемства⁹. Так, в феврале 1805 г. «корчемщики» из «подгородной»

Омутницкой волости Глазовского уезда были оштрафованы 5-рублевыми штрафами каждый. Кроме того, к выплате с них присуждался штраф «вдвое против продажной цены» выкуренного вина (37 руб. 50 коп. за «4 ведра и 5 с половиной осьмых»), с жителей их селения — по 25 коп. с ревизской души. Все это следовало в пользу откупщика, который само вино, «сдобрив» спиртом до «указной пробы», должен был в дальнейшем продать. Деньги, вырученные за продажу «корчемного инструмента», должны были следовать в приказ общественного призрения. Подобных дел в это и более позднее время уездный суд рассмотрел достаточно много. Справедливости ради заметим, что преследованию за самогонование (в данном случае законному) подвергались и русские крестьяне¹⁰. И позже, в 1810 г., следовали штрафы за якобы «корчемство», изымались для продажи в «пользу казны» инструменты, штрафовались селения, где была обнаружена кумышка (50 коп. с ревизской души), телесному наказанию подвергся даже волостной старшина.

Подобное судебное решение опиралось на отсутствие законодательно прописанных параметров кумышки, когда можно было заявить, что она — «не тонкая брага, но горячее хлебное вино, ибо при отжиге горело и, может быть, сдобрена малой частью ординарного спирту». Половина штрафных денег, опять же традиционно, следовала в приказ общественного призрения, другая часть — откупщику¹¹. В январе 1811 г. пермско-вятский генерал-губернатор К.Ф. Модерах в ответ на жалобу управляющего сарапульскими питейными сборами предписал «иметь строгое наблюдение, дабы вотяки под видом курения кумышки винного корчемства отнюдь производить не отваживались»¹². Таким образом, почти через 9 лет после разрешительного указа последующие предписания следовали в его рамках.

В сентябре 1818 г. по ходатайству Министерства юстиции последовал очередной запрет на производство домашнего хлебного вина, мотивируемый вредными последствиями его выкуривания для казенных откупов и нравственности народа. Следить за его выполнением предписывалось Министерству финансов¹³. Также строго запрещалось иметь «медную и всякого рода посуду» для кумышковарения и особо оговаривалась ответственность представителей местного самоуправления в случае обнаружения проступка в подведомственных им поселениях. Важностью донесения настоящего запрета до крестьян, очень часто не знавших русского языка¹⁴, был обусловлен обнаруженный автором первый известный на настоящий момент перевод узаконения на удмуртский язык. Указ распространялся надзирателями питейных сборов через земскую полицию и органы управления различными категориями удмуртского крестьянства (в первую очередь, государственными крестьянами и непременно работниками), которые в последующем должны были следить за его выполнением. Это был достаточно вольный, с нарушениями грамматики перевод утвержденного императором сенатского предписания от 10 сентября 1818 г. (точнее, выдержек из него, сделанных, по всей видимости, в губернском городе).

Одним из примеров открытого сопротивления новому полному запрету стало выступление в декабре 1820 г., когда помощник надзирателя Елабужского правления питейного сбора Репин с подчиненными прибыл в д. Сарайкино Квакинской волости Елабужского уезда и конфисковал кумышку и предметы для ее изготовления. Вторгшимся было оказано ожесточенное сопротивление: около 100 удмуртов избili следователей, уничтожили конфискованное у них вкуче со следственными документами. При этом волостные голова и писарь, которые сопровождали пострадавших, вместо оказания им помощи скрылись.

Запрет на кумышковарение был снят в 1827 г. по предложению вятского губернатора. Фактически власть расписалась в неспособности его прекратить. Правда, первоначально Сенат разрешил изготовление алкогольного продукта

не из хлеба, а «из кислого молока». Данное постановление было изменено после замечания Министерства юстиции о том, что удмуртская кумышка никогда не изготавливалась из молока и что это «обыкновенной доброты хлебное вино». Еще раз подобные сомнения возникли в 1831 году.¹⁵

Немаловажно отметить тот факт, что запрет и новое разрешение самогонварения удмуртами никоим образом не выходили за рамки общероссийской политики. Так, еще в апреле 1818 г. по инициативе министра финансов Д.А. Гурьева был издан питейный устав для 29 губерний страны, включая Вятскую, согласно которому винные откупа вообще ликвидировались, а питейные заведения, остававшиеся частными, ставились под непосредственный контроль казенных палат. По-прежнему разрешалось только пивоварение не для продажи, «для домашнего обихода в селах и деревнях». Это начинание в конечном итоге потерпело неудачу, и с подачи нового министра финансов Е.Ф. Канкрин в июле 1826 г. последовал указ Николая I «О торгах на питейный откуп в 29 великороссийских губерниях», фактически возвращавший все на круги своя¹⁶.

Практически сразу после нового разрешения последовали жалобы откупщиков на корчемство и сопротивление удмуртов по его пресечению. В ответ шли указания в Глазовский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский и Слободской земские суды (в уезды «по обитанию вотяков») «строго наблюдать» за удмуртами, а также чтобы «прочие племена» — татары, марийцы и русские — не участвовали «в курении представленной одним вотякам кумышки». Подчеркивалось, «чтобы под видом кумышки не было высиживаемо горячего хлебного вина», в чем от общин брались «подписки». Последнее обстоятельство, как и ранее, стало новым поводом для сомнений, разбирательств и открытых волнений. Например, в Глазовском уезде крестьяне-удмурты уже в 1828 г. штрафовались земским судом за изготовление «хлебного горячего вина» (24 руб. с каждого виновного), а жители д. Верхняя Чура Уканской волости и вовсе избили и выгнали сыщиков-поверенных, так что они должны были бежать из деревни, оставив лошадей, и идти 12 верст пешком до волостного правления. В адрес органов крестьянского самоуправления постоянно звучали обвинения в том, что они «не только сами собой не имеют за этим (корчемством. — *Н.П.*) никакого наблюдения, но даже и поверенным вспомоществуют весьма слабо» или даже обнаруживают «явную к умножению, а не к искоренению зла сего понаровку, чрез что оказывают они себя в очевидном ослушании к исполнению указа высшего правительства».

Русские крестьяне могли приобретать кумышку у удмуртов либо изготавливать ее сами¹⁷. Так, в начале 1830-х гг. жители Кляповской волости Панфил и Прасковья Агафоновы были наказаны все тем же 24-рублевым штрафом, а елгано-астраханцы Сатюковы «учинили буйство», не дав «волостным начальникам» произвести обыск. Оправдания их иногда выглядели довольно комично: «...учинил... только для пробы и любопытства». В исторических русских поселениях, в частности, присарапульских удельных, вне тесного соседства с удмуртами, крестьяне в середине XIX в. также подвергались штрафу (9 руб. серебром) за выявленное подслащенное медом вино, которое, если не уничтожалось, подлежало изъятию в пользу содержателя откупа для «приведения в полугар» и продажи. Преследованию подвергались и те, кто привез, казалось бы, разрешенное самодельное спиртное для поминок, например, на глазовское кладбище «из селений», поскольку «вывозить им в другие места кумышку по законам права не представлено»¹⁸.

Новое наступление на удмуртское кумышковарение началось в середине 1840-х годов. Согласно положению Комитета министров от 17 июля 1844 г., в 1845 г. в Глазовском, Сарапульском и Елабужском уездах и в 1847 г. в Малмыжском уезде была введена должность корчемного заседателя при каждом

уездном суде «для прекращения усилившегося корчемства». В 1846 г. министр финансов вновь ходатайствовал о необходимости наложения вето на изготовление кумышки, но в кабинете министров справедливо заметили, что в таком случае крестьяне «по сильной привязанности» к национальному алкоголю неизбежно станут нарушать данный запрет, а налагаемые штрафы приведут к расстройству их хозяйств. Николай I утвердил эту точку зрения, но последовали новые уточнения и ограничения. По указу от 28 мая 1846 г., удмуртам было запрещено использовать приспособления, употребляемые в промышленном винокурении, и даже усовершенствованную посуду. Запрещалась также повторная перегонка, кумышка должна была быть не чем иным, как «тонкой брагой», перегнанной из солода, ржаного хлеба, овсяной муки и дрожжей, а ее крепость «по гидрометру Гесса, примененного к спиртомеру Траллеса» полагалась ниже полугара «не менее 60 градусов».

По-прежнему кумышковарением могли заниматься для домашних потребностей только удмурты, проживавшие в сельских местностях Вятской губернии. При этом крестьяне были обязаны через сельские и волостные правления заранее извещать управляющих акцизно-откупных сборов и корчемных заседателей о времени приготовления кумышки, чтобы последние вместе с сельским начальством могли проконтролировать «правильность приготовления» продукта. Признанные виновными в нарушениях закона подвергались судебному преследованию, а их селениям в дальнейшем запрещалось кумышковарение¹⁹.

Главными инициаторами и активными действующими лицами борьбы с кумышкой по-прежнему являлись винные откупщики и их служащие: «Они подают жалобы и прошения правительственным учреждениям в Вятке и Петербурге, чинят надзор, производят обыски, подлоги, привлекают вотяков к суду...» Так, в октябре 1851 г. Елабужское акцизно-откупное комиссионерство жаловалось председателю Вятской казенной палаты, что удмурты не предупреждают или предупреждают со значительным опозданием о курении кумышки, притом получаемый продукт зачастую бывает крепче установленной нормы, которым они «снабжают... посредством продажи или мены русских и старокрещен». В связи с этим председатель казенной палаты просил разрешения губернатора на печатание за счет денежных средств откупа 2 тыс. экземпляров с выдержками из «Положения об акцизно-откупном комиссионерстве», «чтоб чрез земскую полицию выдать в случае надобности всем домохозяевам вотского племени». Глазовская питейная контора в 1847 г. сообщала о корчемстве удмуртов, которое усугублялось индифферентностью и слабой помощью со стороны представителей волостного и сельского самоуправления. Любопытно, что она по-прежнему руководствовалась упомянутым выше указом Сената 1803 года²⁰.

Одним из самых распространенных методов борьбы с незаконной продажей кумышки являлись контрольные закупки. Пойманного таким образом жителя с. Ципьи Сизнерской волости Малмыжского уезда Степана Савельева «заверили» 8 чел. из соседних деревень (причем 7 из них были татарами-мусульманами)²¹. К слову, подобным же образом в апреле 1863 г. была раскрыта беспатентная торговля вином отставным рядовым Кирьяновым в д. Шевыряловая Мостовинской волости Сарапульского уезда: нарушение засвидетельствовали после приобретения и распития 2 полуштофов и косушки. Более того, инициатор «контрольной закупки» — крестьянин Е.Д. Русинов — в дальнейшем должен был быть удовлетворен «половинной суммой» (7 руб. 50 коп. серебром) от полученного штрафа²².

Естественно, что с середины XIX в. отмечался очередной рост числа судебных преследований за кумышковарение, не соответствующее новым правилам. В частности, в июле 1852 г. 3 жителя д. Кочур-Вамья Большенорьинской волости Сарапульского уезда «остались недовольными» решением уездного суда

по делу «об оказавшейся у них в недозволенной доброте кумышке»²³. В феврале 1854 г. 2 жителя д. Алганчи-Игры той же волости хоть и известили «начальство», однако приготовили продукт «выше позволенной доброты»; как итог — штраф по 9 руб. серебром каждому («втрое противу продажной цены» за ведро) и запрет их деревне впредь заниматься кумышковарением. В июле 1859 г. житель пос. Куштоключ Шарканской волости того же уезда Артамон Денисов выкурил без предварительного извещения напитков в «47 градусов негара», за что и был оштрафован. В ряде случаев кумышка подлежала уничтожению. Половина штрафной суммы все так же направлялась в приказ общественного призрения, а другая — в пользу откупщика²⁴. И, возможно, поэтому в 1860 г. удмурт из д. Коровай-Норья Трофим Романов, у которого корчемный поверенный обнаружил в бутылке кумышку в «53 градуса негара», предпочел указать, что это «кабацкое вино», смешанное с водой, которое он давал малолетним детям, страдавшим болюю во рту.

Периодически бывали возможны послабления по «всемиловейшим манифестам». Так, по манифесту от 26 августа 1856 г. указанный размер штрафа в некоторых случаях стало возможно сокращать вдвое. Это, в частности, коснулось в 1858 г. удмуртов д. Сытясево Большепургинской волости Сарапульского уезда Афанасия Васильева и Ивана Степанова, уличенных в намерении гнать самогон после запрета на это их селению. «Чистосердечное признание» также, по всей видимости, могло быть учтено: в 1860 г. после того, как в шалаше Ефима Спиридонова из д. Кутер-Кутон Бурановской волости были обнаружены 12 ведер браги, штраф последовал его снохе в размере 5 руб. серебром за намерение сделать это без «извещения начальства». Свекор показал, что он якобы даже не знал о подготовке к винокурению. Найденную на заднем дворе кумышку («с ведро») суд постановил «по неценности и неизвестности принадлежности кому-либо» уничтожить²⁵.

По-прежнему имели место и случаи открытого недовольства, проявившиеся сразу после ужесточения законодательства. Так, в марте 1847 г. был вынужден бежать от «ярости» жителей д. Дондыкар Верхлюмской волости Глазовского уезда корчемный поверенный Кошечев, ранее обнаруживший в клету «новокрещена» Парфена Разенова «в штофе вино, самим им выкуренное, как по сплеску он полагает, добротой выше полугара»²⁶. 27 июня 1850 г. поверенный Малмыжского акцизно-откупного комиссионерства Саврасов совместно с сизнерским волостным головой и 11 понятыми посредством угроз палками и топорами не были допущены к «розыску» («в полуверсте на ключе, протекающем выше той деревни») «старокрещеными» удмуртами и удмуртками д. Старая Ципья. Наиболее виновному из последних было всего лишь сделано внушение, чтобы в будущем он извещал «волостное и сельское начальство» о намерении приготовить кумышку²⁷.

Необходимо заметить, что предоставление прав кумышковарения части удмуртского народа, жившего в пределах Вятской губернии, до сегодняшнего дня по-прежнему полностью необъяснимо. Некоторый свет может пролить документ, обнаруженный М.В. Гришкиной. На его основании можно сделать вывод о разрешении удмуртам, татарам и бесермянам Каринской волости (это современные северная часть Удмуртской Республики и прилегающие к ней с запада районы Кировской области в бассейне р. Чепцы) по указу от 14 мая 1706 г. варить кумышку для собственного потребления на условии ежегодного внесения в казну 550 руб. «вместо винной, пивной и медовой прибыли». Настоящий указ Петра I был обнаружен у крестьянина К. Кайсина в 1751 г., когда кумышковарение было запрещено²⁸. Можно предположить, что разрешение 1802 г. основывалось отчасти на имевшейся традиции. Обитающие за пределами губернии этого права были лишены. С другой стороны, те же мари́йцы, родствен-

ный финно-угорский народ с не менее глубокими языческими традициями, такой привилегией не обладали вообще. Вполне естественным и неизбежным выглядит появление среди них слухов об утайке разрешения и даже фальшивок, в которых прописывалось, что в 1803 г. император «высочайше повелеть соизволил всем находящимся в Вятской губернии крещеным и некрещеным вотнякам и черемисам дозволить выкурение кумышки... не более 3 ведер для только необходимых вотских и черемисских праздников, которые существуют по обрядам их». В мае 1848 г., предъявив данный «указ», 2 жителя д. Сатнур Усадской волости Малмыжского уезда заметили, что через покупку казенного вина они «терпят несносные убытки» и без кумышки не могут обойтись, потому что с ней «по обрядам черемис бывает... каждый год два или три раза богомолие». При следствии также выяснилось, что традиционным для марийцев было приготовление алкогольного напитка («не ожидая ни от кого разрешения, курили, кто как мог, смотря по состоянию и по прежнему обыкновению к праздникам») к Пасхе, Петрову дню, перед началом «яровой пашни» и поминовению умерших на 7-й неделе после Пасхи: «употребляя на то всякий раз ржаной муки полпуда, солоду — до 2 и 3 фунтов и часть хмелю, — все это полагается на один котел, браги заводится от 5 до 10 ведер, из какового припаса выходит кумышки от 3 до 5 штофов или полведра»²⁹.

Обычным методом борьбы с корчемными поверенными было разбитие посуды с самодельным алкоголем или просто выливание кумышки (а также «кислого меда под названием воронок или савраско»), типичным наказанием в случае неудачи в сокрытии — 9-рублевый штраф. Периодически доходило и до драк³⁰. Подобным же образом могли действовать и кряшены. В частности, в феврале 1855 г., когда в деревне по речке Сарде Арборской волости того же уезда в предбаннике у «старокрещена из татар» Степана Фёдорова был обнаружен «завод для курения кумышки в 1 котле чрез 2 медные трубы», конфисковать ничего не удалось: набежавшие жители деревни отняли посуду и вылили напиток. Обвиняемые на следствии заявили, что варили квас³¹.

По справедливому утверждению М.В. Гришкиной, кумышка наглядно аккумулировала всю противоречивость отношения власти к традициям и обычаям удмуртов. С одной стороны, правительственные органы выступали в качестве охранителей этих традиций, стремясь оградить их от злоупотреблений винных откупщиков и акцизных служителей. С другой, бюрократический аппарат был заинтересован в соблюдении фискальных интересов казны и стремился возместить могущие возникнуть убытки для винных откупов за счет тех же удмуртов: за право выкуривать кумышку они платили своеобразный налог³². Вместе с тем правительству во многих отношениях была выгоднее полная отмена кумышковарения. Стремление к унификации податных сословий предполагало отказ от какого-либо учета этнической и религиозной специфики, тем более что формально конфессиональная особенность (язычество) в XIX в. наличествовала у незначительной части удмуртского этноса. Власти стремились утвердить его в православии, по замечанию же священников, удмурты считали, что, если можно варить кумышку, то и молиться по-своему не запрещено. Такая ситуация продлилась, с перерывами и оговорками, до конца XIX века. При этом новый запрет кумышковарения в 1890 г. опять, как и в первой трети XIX в., в первую очередь был связан с внутренней политикой в рамках всего государства. Предварявший его акцизный период (с 1863 г.) в основном позволял домашнему винокурению удмуртов сосуществовать с более развитой, капиталистической системой обеспечения населения алкогольной продукцией. В волостях с преимущественно удмуртским населением, например, Малмыжского уезда, питейных заведений было меньше. Так, в 1871 г. на всю Ува-Туклинскую волость существовал 1 кабак, Селтинскую — 2, а, с другой стороны,

приговор русского Вятско-Полянского селенного схода от 5 декабря 1870 г. постановил закрыть 2 заведения как излишние, наносящие вред «в нравственном и материальном отношении. В 1863 г. сарапульская купчиха Д. Кабанова также жаловалась на «стеснение торговли» в штофной лавке в вышеупомянутой русской д. Шевыряловой. Потребовалось уточнение, что на открытие штофных лавок не требуется «мирских приговоров» или разрешения «местных начальств», торговля в них производится «по одному лишь установленному патенту». Подобным же образом пытались действовать «сельские обыватели» Воткинского завода Сарапульского уезда, предлагавшие с 1 января 1869 г. уменьшить число питейных заведений до 4 (по 1 на каждое сельское общество) для уменьшения «сильно развившегося» пьянства, «через которое многие мастеровые, придя в бедность и нищету, впали в другие низкие пороки»³³.

Подготовка к новому запрету кумышковадения была более тщательной, чем раньше. Именно так следует расценивать действия по отношению к удмуртам, предвосхитившие введение винной монополии 1894 года. Запрет 1818 г., к примеру, по своей сути, был «догоняющей» инициативой Министерства юстиции, обнаружившего «удмуртскую брешь» в винной монополии, введенной с подачи Министерства финансов.

Законом от 24 апреля 1890 г. в империи «повсеместно» запрещалось варение кумышки, то есть фактически отменялась 109 статья устава о питейном сборе (1887 г.), последнего в имперский период, разрешавшего домашнее изготовление традиционного напитка. К 1 сентября удмурты обязывались сдать за вознаграждение «металлические части снарядов» для кумышковадения. Помимо «усиления личного состава» акцизных чиновников, в уездах Вятской губернии с удмуртским населением вводились временные должности помощников станowych приставов, увеличивалось число полицейских урядников. Так, в Малмыжском уезде появились 2 помощника и 6 урядников, занятых «исключительно делом о кумышке». Помимо стандартного информирования-запрещения через сельское начальство (ува-туклинский старшина, например, докладывал, что жители всех 33 удмуртских селений 9 обществ волости к закону отнеслись «с полным сочувствием, мотивируя это сбережением своих материальных достатков, здоровья и нравственности»), велась пропаганда «о вреде здоровью», основывавшаяся на опытах доктора медицины, приват-доцента Казанского университета В.Д. Орлова. Позже, в 1900-е гг., среди удмуртов, в частности, распространялась брошюра, отпечатанная на русском и удмуртском языках, «Не варите кумышку и не пейте ее», подготовленная губернским попечительством о народной трезвости. Кроме того, после обращения к вятскому губернатору мари-йцев Чегандинской волости Сарапульского уезда о разрешении и им варить кумышку как «жертвоприношение богу», 3 июля 1890 г. уездным исправникам последовало особое предписание препятствовать мари-йскому самогоноварению в губернии³⁴.

Во второй половине лета 1890 г. начались первые реляции об успешной сдаче труб⁴⁰ и отобрании у торгующих крестьян подписок об их непродаже. Уже в октябре последовали рапорты о нарушении нового закона. Обычным делом стало тайное кумышковадение в лесах поблизости, в одной и более верстах от поселений. 1 апреля 1891 г. временный полицейский надзиратель Красноперов рапортовал о методах борьбы. В частности, осмотр «кумышечных шалашей/чумов» производился поздно вечером, поскольку днем удмурты «разбирают кумышечные приспособления и прячут их». В сводках последовали сообщения об оказанном сопротивлении. Например, 12 марта удмуртки д. Сулвай-Какси Волпелыгинской волости Малмыжского уезда попытались воспрепятствовать розыску, производимому полицейскими и акцизными чинами при 45 «русских понятых». Мужики обычно скрывались, бросив женщин, но многие оставались

и даже причиняли «оскорбление действием» или «явное сопротивление»; «в некоторые уездах» имели место «безуспешные столкновения» полиции и акцизных надзирателей с нарушителями, когда первые, не имея с собой «достаточного» количества понятых и сельских должностных лиц, были вынуждены возвратить «вещественные доказательства». Так, 12 сентября 1891 г. в д. Федоровская Кырчим-Копкинской волости Малмыжского уезда в шалаше крестьянина Ермолая Александрова преследователи застали за варением кумышки его сноху. Сопротивление начала находившаяся рядом Феодора Васильева, которая «схватила урядника за грудь и стала трясти, оборвав при этом шнур у револьвера»; она же «ударилась в грудь» надсмотрщика и понятого. Сам хозяин ударил кулаком по лицу урядника. Однако в подавляющем большинстве сопротивление не оказывалось.

По неполным данным, меньше, чем за год, с 1 сентября 1890 г. по 1 июля 1891 г., в Малмыжском уезде было возбуждено 95 протоколов о нарушении удмуртами запрета на кумышковарение. Иногда инициативу по его преследованию проявляли и представили крестьянского самоуправления, как, например, полицейский сотский Иона Шуткин из д. Ураскозь-Можги Вавожской волости. Однако они и сами могли попасться, как сельский староста д. Верхкузьминской Ежевской волости Глазовского уезда Г.Е. Дьяконов, и тогда их оправдание было похоже на заявление ежевского волостного старшины Л. Зянтерекова: «Мне и даже специально поставленным лицам не может представиться такой возможности за всеми и каждым следить и прекращать варение кумышки, поэтому себя не считаю виновным в том, что некоторые лица, мои соседи, варили кумышку». Среди прочего, напиток мог быть обнаружен «в кадке, заложеной печеным хлебом», в «латушках», заваленных дровами, под полом амбара. Стандартное наказание состояло из 10—15 руб. штрафа (в случае «несостоятельности» — арест на 2—3 дня) и выше с конфискацией и сдачей под ответственное хранение в волостные правления с последующим уничтожением напитка и инструментов. Меньшее наказание мог получить, например, работник, занимавшийся изготовлением самогона по приказанию хозяина. С сентября 1891 г. из губернского города на места следовали инструкции по борьбе с открытыми проявлениями недовольства, а в 1894 г. — опровержения возникающих слухов о якобы отмене запрета или даже отсутствия такового. И через 5 и через 10 лет все так же массово следовали рапорты о нарушениях «питейного устава» и борьбе с кумышковарением. Среди обычных натуральных повинностей появилась необходимость предоставлять понятых по «преследованию кумышки»; в Лыпской волости Глазовского уезда в середине 1890-х гг. ее планировали отбывать 6 раз в месяц по 4 человека ³⁵.

Недовольство, по всей видимости, приобретало организованный характер. Так, 25 ноября 1913 г. сельский сход Новольновского сельского общества Гыинской волости Глазовского уезда в своем приговоре (разумеется, отмененном постановлением уездного съезда земских начальников) отказался предоставить квартиру акцизному надсмотрщику и давать ему десятских для содействия в борьбе с самогоном ³⁶. С введением в 1914 г. «сухого закона» осенью с мест стала поступать информация об «усилении кумышковарения» среди удмуртов и других народов. В частности, в доме крестьянки удмуртско-русской д. Усайгурта Копкинской волости Малмыжского уезда Е.Е. Деньгиной было изготовлено и хранилось 5 ведер ³⁷. По данным исследователя начала XX в. И.С. Михеева, борьба за кумышку шла «повсеместно и весьма энергично», доходя до убийств представителей надзорных органов или до массовой подачи ходатайств. Более того, по его, скорее всего, преувеличенному мнению, «сухой закон» способствовал распространению удмуртской кумышки по всей России ³⁸.

Таким образом, на протяжении более чем столетия политика государства по отношению к удмуртскому кумышковарению претерпевала весьма серьез-

ные изменения, которые в конечном итоге привели к полному его запрету. Несмотря на своеобразие удмуртской кумышки, политика по отношению к ее изготовлению и употреблению являлась составной частью внутренней политики государства по «алкогольному аспекту». К тому же местная власть, по сравнению с центральной, зачастую даже больше стремилась унифицировать удмуртов. Последние, в свою очередь, как и представители соседних народов, продолжали производить этот самодельный алкогольный напиток, преодолевая выставляемые ограничения.

Примечания

1. См., например: МИЛЛЕР Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, при Императорской Академии наук. СПб. 1756, № 7 (июль), с. 33—64; № 8 (август), с. 119—145; БЛИНОВ Н. Вопрос о кумышке. — Записки для чтения. 1867, № 3, с. 31—43; СМИРНОВ И.Н. Вотяки: историко-этнографический очерк. Казань. 1890; ОРЛОВ В.Д. Кумышка — водка вотяков. — Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1891, отд. 2, кн. 2, т. IX, с. 79—93; ЛУППОВ П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб. 1899; ЕГО ЖЕ. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка. 1911; МИХЕЕВ И.С. Кумышка. История кумышки. — Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань. 1928, т. XXXIV, вып. 1—2, с. 146—159; НИКИТИНА Г.А. Роль галлюциногенов (кумышки) в быту удмуртов (20-е — начало 30-х годов XX в.). В кн.: Об этнической психологии удмуртов: сб. ст. Ижевск. 1998, с. 49—63; ЕЕ ЖЕ. Кумышка в традиционном обществе и в современной жизни удмуртов. — Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2015, № 1, с. 33—36; ОРЛОВ П.А. Статус алкоголя в традиционной удмуртской культуре. В кн.: ВЕРЕЩАГИН Г.Е. Этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей. Ижевск. 2004, с. 94—100; GRISHKINA M. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up till about 1850. In: KVHAL Konferenser. Stockholm. 1997, p. 95—100.
2. См., например: ОРЛОВ П.А. Ук. соч., с. 95.
3. ГРИШКИНА М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск. 1977, с. 73—74, 146.
4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 3, оп. 2, д. 432а, л. 368об.
5. GRISHKINA M. Op. cit, p. 98.
6. Деду великого русского композитора П.И. Чайковского.
7. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР) ф. 26, оп. 1, д. 40, л. 580—635.
8. GRISHKINA M. Op. cit, p. 98. Заметим, что среди выявленных «зачинщиков» описанных выше событий в Аяшур-Монье был и крестьянин Сергей Петров, который в 1801 г. ревизовавшими Вятскую губернию сенаторами Н.Н. Салтыковым и И.Б. Пестелем был «предан суждению» за разные «недельные просьбы и ябеды».
9. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 40, л. 629; д. 45, л. 223—224.
10. Там же, д. 45, л. 221—225, 249, 350, 569; д. 52, л. 68об.—69об., 72—73об., 158—159об., 392—394об., 396—397об.; ф. 96, оп. 1, д. 2923, л. 2—3.
11. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 59, л. 393—394об.
12. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 583, оп. 605, д. 57, л. 165.
13. История Удмуртии 2004. В кн.: История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск. 2004, с. 193; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Первое собрание (1649—1825) (ПСЗ-1), т. 35, № 27533, с. 566—567.
14. «Дабы же удобнее внушить вотякам силу упомянутого о запрещении кумышки указа Правительствующего сената, то копия с оного на российском с переводом на вотский диалект при сем препровождается».
15. История Удмуртии, с. 193.
16. ГАВЛИН М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII—XIX вв. В кн.: Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 (Труды

- исторического факультета МГУ, вып. 39). М. 2007, с. 133—134; ПСЗ-1, т. 34, № 26764, с. 134—172.
17. Тем не менее, ее все равно могли назвать «вотской кумышкой».
 18. GRISHKINA M. *Op. cit.*, p. 98; История Удмуртии, с. 193; ГА КО, ф. 21, оп. 1, д. 876, л. 1, 5—7об.; ф. 176, оп. 2, д. 60, л. 1об.—3, 128об.—129; ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 171, л. 2, 187; оп. 3, д. 146, л. 5—5об., 16—16об.; д. 147, л. 1; д. 168, л. 42—42об.; ф. 241, оп. 1, д. 4, л. 122—123.
 19. БЕХТЕРЕВ Н.П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии. В кн.: Столетие Вятской губернии. Т. 2. Вятка. 1881, с. 468, 470—471; Вятские губернские ведомости. 1847, № 7, с. 38.
 20. ЛУППОВ П.Н. Ук. соч., с. 466—467; ГА КО, ф. 582, оп. 139, д. 25, л. 3—4; ЦГА УР, ф. 126, оп. 3, д. 187, л. 2.
 21. ГА КО, ф. 56, оп. 1, д. 259, л. 1—2, 6об.—7об., 10, 11, 12, 17, 90—91, 100.
 22. ЦГА УР, ф. 241, оп. 1, д. 876, л. 1—2, 7—7об., 9—9об.
 23. Там же, д. 31, л. 54—54об.
 24. Там же, д. 50, л. 213об.—214; д. 337, л. 25—26об. Иногда в решении уездного суда половина, следовавшая «в откуп», распределялась между «открывшим кумышку» сельским заседателем, поверенным питейного откупа и ревизором. ЦГА УР, ф. 126, оп. 3, д. 146, л. 16—16об.
 25. Там же, ф. 241, оп. 1, д. 337, л. 6об.—7об., 14—14об., 25—25об.
 26. Там же, ф. 126, оп. 3, д. 174, л. 1; д. 187, л. 1—1об.
 27. ГА КО, ф. 56, оп. 1, д. 32, л. 1—2, 5—5об.
 28. ГРИШКИНА М.В. Ук. соч., с. 146; Российский государственный архив древних актов, ф. 573, оп. 1, д. 91, л. 249—250.
 29. ГА КО, ф. 56, оп. 1, д. 272, л. 4—6, 15—16об., 20—20об., 124—124об., 138—138об., 148об.—150об.
 30. Там же, д. 354, л. 1—6; д. 519, л. 1—2.
 31. Там же, д. 536, л. 1—2, 8.
 32. GRISHKINA M. *Op. cit.*, p. 98.
 33. ГА КО, ф. 583, оп. 604, д. 404, л. 3, 6об., 18, 53, 89об.—93, 104об., 105об., 109об.; ф. 582, оп. 139, д. 51, л. 620—624; ЦГА УР, ф. 241, оп. 1, д. 876, л. 7—7об.
 33. ПСЗ. Третье собрание (1881—1913), т. 10 (1890), № 6740, с. 307—308; ГА КО, ф. 716, оп. 5, д. 35, л. 23—23об., 29, 31—32, 41—44об., 119—119об., 142; ЦГА УР, ф. 94, оп. 1, д. 93, л. 14.
 34. Счет по волостям шел на сотни, при этом «котлы же им [крестьянам] нужны для своего домашнего обихода, и от представления их они отказываются».
 35. ГА КО, ф. 716, оп. 5, д. 35, л. 198, 256, 265, 274, 313, 373—374об., 390—391, 404, 408—408об., 413, 416, 417, 425—426; оп. 1, д. 167, л. 38, 152—153, 191—192; ЦГА УР, ф. 93, оп. 1, д. 67, л. 11—11об., 213об.; ф. 92, оп. 1, д. 124, л. 1—160; ф. 94, оп. 1, д. 838, л. 2—2об., 14, 15, 16; д. 885, л. 2—3об., 19; ф. 96, оп. 1, д. 2923, л. 15об., 17, 25—25об.; ф. 113, оп. 1, д. 36, л. 106; ф. 114, оп. 1, д. 68, л. 37—50; д. 76, л. 532—532об.
 36. ЦГА УР, ф. 96, оп. 1, д. 2110, л. 4—6об., 11—12.
 37. Там же, д. 195, л. 59об.; ГА КО, ф. 582, оп. 139, д. 422, л. 199.
 38. МИХЕЕВ И.С. Ук. соч., с. 150—152.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография. М. Проспект. 2016. 288 с.

История развития института мировых судей в Российской империи, в лице которых многие подданные когда-то впервые смогли почувствовать человеческое отношение к себе со стороны носителей власти, причем ими же избираемых, еще далека от глубокого и всестороннего осмысления. Осуществленная в рассматриваемой книге попытка объединить в одном авторском коллективе девять историков и юристов из разных концов страны, как правило, ранее изучавших это учреждение, безусловно, заслуживает уважения и внимания, тем более, что на сегодняшний момент редакторы издания А.Д. Попова и С.В. Лонская являются чуть ли не главными специалистами в обозначенной тематике. В целом, представленная «коллективная монография» (так она позиционируется), приуроченная к 150-летию юбилею судебной реформы 1864 г., может претендовать на звание самого комплексного современного исследования мирового суда дореволюционной России.

Отдавая должное предшественникам, которые после забвения советских времен проводили изыскания по предложенной теме (с. 8–10), авторы с самого начала заявили о намерении обратиться к следующим аспектам: «теоретические подходы к трактовке мировой юстиции, эволюция идеи мирового суда в нашей стране, взаимодействие мировых судов с земствами и администрацией пореформенной России, особенности введения и деятель-

ности мировых судов в различных регионах, дискуссии о мировом суде в период революционных потрясений» (с. 5). Однако из содержания книги становится очевидным, что проблематика данного труда продиктована не целенаправленным выделением наиболее важных проблемных узлов развития имперской мировой юстиции, а возможностями и научными пристрастиями отдельных членов авторского союза. Изложение имеет крен к «очерковости», что неизбежно вытекает из коллективного характера подобного рода монографий. В глаза бросается разнородность использованных методологических концепций, различное, с точки зрения уровня научности и стилистической добротности подачи материала, качество текстов, а предпринятые в предисловии оправдания указанных недостатков тем, что авторы представляют отличающиеся друг от друга школы со свойственными им специфическими манерами исследований и научного письма, выглядят неубедительными.

Теоретические объяснения сущности мировой юстиции, ее определений и периодизации, приведенные в первой главе, и может быть интересные правоведам, слабо связаны с последующим повествованием, отправной точкой которого является проект С.Е. Десницкого 1768 г. об учреждении в провинциальных городах канцелярий для разрешения мелких дел (с. 25). Без малого вековой путь от возникновения идеи мирового суда до ее воплощения

в Судебных уставах 1864 г. венчало создание бессловного суда с выборными мировыми судьями — «новый шаг в развитии отечественной правовой культуры», формировавший и новую гражданственность (с. 58).

С мыслью о новизне установленного в эпоху Александра II правосудия не поспорить, как не вызовет возражений и утверждение, что в результате введения мирового суда складывались совершенно незнакомые ранее отечественным государству и социуму отношения. Знаюки их становления и развития, к каким безусловно относятся авторы третьей и четвертой глав Попова и Н.И. Горская, обращают внимание на тот широкий объем свобод, которые получили российские подданные в результате «александровской модернизации» (это понятие используется в книге), в частности, благодаря учреждению независимых и несменяемых единоличных судей. Свои сюжеты о юстиции и самоуправлении историки связали ключевой посылкой: «Как и земства, мировые суды могут быть названы самым ярким атрибутом процесса формирования гражданского общества в России в пореформенную эпоху» (с. 99).

В судьбе дореволюционной мировой юстиции переломным стал 1889 г., когда на большей части пространства Европейской России ее заменили земские участковые начальники с судебно-административными функциями. Горская в оценке этой меры категорична: «Решение о ликвидации мировых судей было продиктовано исключительно политическими соображениями, убеждениями Александра III и консервативно настроенных представителей царской администрации и дворянства» (с. 143). По сути, такое мнение оспаривается уже внутри рассматриваемой монографии автором десятой главы Лонской, которая утверждает, что формировавшийся земствами корпус судей находился одновременно и под влиянием этих органов самоуправления, и в зависимости от администрации (губернатор имел право аннулировать результаты выборов), а на фоне падения уровня квалификации мировых судей складывалось неприязненное отношение к началу выборности в обществе и правительственных кругах (с. 265). Как часто считалось, именно избрание определяло смысл мировой юстиции, значит, по логике вещей и

надобностей реакционной эпохи, отказ от этого порядка вызывал упразднение мирового института.

Не подвергая сомнению решающую роль «политических соображений» в мероприятии 1889 г., важно также не забыть про утилитарную сторону вопроса: гетерогенность империи в ходе распространения на нее Судебных уставов вызывала потребность в корректировках судоустройства и судопроизводства. Чем ниже была плотность населения того или иного края, тем большими становились пределы территориальной подсудности ближайшей к населению юстиции, и тем дальше отодвигалась она от россиян, становясь менее доступной. Благое намерение обеспечить россиян качественным правосудием в момент крушения либеральных идеалов освободительной эпохи Великих реформ подталкивало отодвинуть на задний план представлявшуюся все более оторванной от жизни идею разделения властей и как можно теснее совместить в руках одних и тех же чиновников разные функции, сэкономив на содержании сотрудников.

Однако слияние административных и судебных обязанностей оказалось несостоятельным. Но сразу отказаться от института земских участковых начальников для царизма означало признать собственную недалекость и ошибочность ставки на тех, кто составлял опору самодержавия (начальниками были представители поместного дворянства). При этом огромные территории страны еще ожидали проведения судебной реформы 1864 г., и насущным являлся вопрос о будущей конструкции местного правосудия.

Лонская рассказывает о поиске выхода из сложившейся ситуации. Исследователь обращает внимание на деятельность в 1894—1899 гг. комиссии при Министерстве юстиции под председательством его управляющего Н.В. Муравьева (общеизвестна как «муравьевская»), в которой исключалось само «понятие “мировой” из лексикона судебной власти». Члены комиссии не решились указать на необходимость ликвидации земских начальников или хотя бы на желательность лишить их судебной функции, но выработали такую модель организации единоличного суда, которая искажала само существо мирового учреждения. В частности, проектировались режим

назначения судей от правительства и порядок наделения их обязанностями следователей (с. 269). В 1912 г. был принят закон, наконец «восстанавливавший единую систему мировой юстиции», рассчитанный, однако, лишь на регионы с земскими учреждениями, и реализованный только в некоторых губерниях (с. 270—271).

Более или менее общую сюжетную линию о развитии мирового суда в Российской империи дополняют главы книги, рассматривающие его историю применительно к отдельным частям страны. Опыт производства отечественными мировыми судьями уголовных и гражданских дел исследуется на примере Калужской губернии (с. 165—180), повествуется о проблемах становления и функционирования мирового института в губерниях Северного края (с. 181—198), на Среднем Урале (с. 144—164, 234—263), в Сибири и на Дальнем Востоке (с. 199—233). Здесь достойные и интересные научные тексты соседствуют с такими, которые можно отнести к историографическим недоразумениям.

Специалистам будут любопытны изыскания в истории уральского мирового суда (автор соответствующих глав И.А. Попп). Исследование с приоритетным вниманием к повседневности и применением микроисторической детализации позволило прийти к довольно оригинальным выводам и приоткрыть неизвестные страницы ушедших эпох. Так, утверждается, что в Пермской губернии (она подразумевает Средний Урал) взаимоотношения глав местной администрации и мировых судей носили «личный характер», во многом завися от мировоззрения губернаторов и их «социально-политических пристрастий» (с. 163), а само по себе обращение к почетным мировым судьям существенно наполняет имеющуюся в историографии лакуну (институт почетного судейства исследуется крайне редко).

В шестой главе содержится «описание» (этим словом оценивает свою методику автор текста В.В. Виноградов на с. 180) процессуальной стороны деятельности мировых судей, которое в основном базируется на известных законодательных актах и материале ничем не выдающейся Калужской губернии. Неловкие авторские попытки экстраполировать отдельные выводы (например, о репрессивности),

относящиеся к мировой юстиции региона, на остальную Россию, не представляются осмысленными и обоснованными.

Шанс внести в историческую науку действительно важный вклад имелся у авторов, посвятивших отведенные им страницы мировому суду в северных губерниях Европейской России (Е.В. Кузнецова) и в Азиатском Зауралье (Л.В. Пашкевич). Дело в том, что в 1890-х гг. здесь апробировалось совершенно новое устройство юстиции, ставшее продуктом творчества «муравьевской» комиссии и во многом олицетворявшее собой правительственные авантюризм и мракобесие данного периода. В Архангельской губернии, Сибири, а затем и на территориях Казахстана и Средней Азии местный единоличный суд ограничивался в независимости и несменяемости. Определяемые на должности министерством судьи кроме собственных выполняли обязанности следователей, а иногда и нотариусов, что чрезвычайно расширяло пределы их компетенции.

Кузнецова рассматривает сложносоставной в отношении судебной организации край, в губерниях которого — Олонецкой, Вологодской, Архангельской — мировой суд вводился в разные периоды и на неодинаковых основаниях. Исторически там были представлены и выборные, и назначаемые мировые судьи (название «мировые» несмотря на замыслы «муравьевской» комиссии сохранялось и перешло в XX в.), имевшие по-настоящему диковинный набор функций, и т.д. Автору в целом удалось донести до читателя идею разнообразия местной юстиции и притом осветить стержневые вопросы ее кадрового и материального обеспечения, но все это сделано без учета общероссийских тенденций развития изучаемого института.

Нонсенс представляет собой глава «Особенности введения мировой юстиции в Сибири и на Дальнем Востоке России». Как связаны крупные, порой многостраничные сюжеты с заявленной в названии темой, почему вопреки ей рассказывается почти исключительно про Приамурский край, а не про весь обширный сибирский регион, читателю придется только догадываться. Трудно объяснить причисление к «сибирским и дальневосточным судебным деятелям» прокуроров Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний (никому в

голову не придет относить эти территории к Дальнему Востоку) или стремление представить «толчком к активизации деятельности правительства о решении вопроса о введении судебной реформы в отдаленных районах России», в ходе которой вводился мировой суд в Сибири, отчет приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского (с. 210—211), что было совершенно не так. Среди множества факторов, предопределивших тогдашнее преобразование, первое место занимала ревизия судебных учреждений Тобольской и Томской губерний, проведенная в 1892 г. обер-прокурором Сената П.М. Бутовским и вскрывшая вопиющие недостатки в деятельности юстиции региона. В целом, знакомящегося с такого рода изысканиями читателя систематически вводят в заблуждение, беззащитно перевирая или

подделывая факты. Выдумками про избрание сибирских участковых мировых судей на три года (которые в то время назначались), про подсудность им дел в пределах, предусмотренных еще Судебными уставами 1864 г. (в Сибири юрисдикция была значительно шире), оценку их труда по ведомостям о судопроизводстве 1894—1895 гг., когда мировой юстиции в крае вообще не существовало (с. 213—214) читатель явно обманывается.

Почему вдохновители рецензируемой «коллективной монографии», посвященной действительно важной теме, допустили обнаружение антинаучного текста — один из вопросов, который, к сожалению, остается после прочтения книги.

Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

Е.А.ОСИПОВ. *Франция и развитие процесса разрядки (1965—1975 гг.)*. М. ИВИ РАН. 2016. 185 с.

Монография Е.А. Осипова, увидевшая свет в 2016 г., посвящена внешней политике Французской Республики 1960—1970-х гг. прошлого века. Обращаясь к проблематике разрядки, автор поставил перед собой непростую задачу. Эта тема хорошо исследована еще в советской историографии, а после распада СССР к ней не раз обращались ведущие российские франковеды, а также крупнейшие специалисты-международники. Поэтому, приступая к работе, важно было не только всесторонне изучить данный сюжет, но и донести до читателя свое собственное авторское виденье, добавить новые краски в общепринятые представления о внешней политике Франции указанного периода.

Нельзя не отметить, что автору удалось успешно решить стоявшие перед ним непростые задачи. Автор подошел к исследованию темы серьезно и основательно, глубоко и всесторонне изучив труды своих предшественников. Вместе с тем, речь не идет о «перепевах» хорошо известных фактов. Особо ценным является то, что Осипов провел не один день в российских и французских архивах и имел возможность привлечь для написания работы новые оригинальные источники. Расставленные в работе акценты позволяют по-новому

взглянуть как на политику Франции, так и в целом на международные отношения 1960—1970-х гг. прошлого века.

Каждый, кто обращается к периоду разрядки и рассматривает роль Парижа в этом процессе, не может обойти своим вниманием тему, связанную с выходом Франции из военной организации НАТО в 1966 году. Не стал исключением и Осипов. Опираясь на новые архивные данные, автор доказывает, что само по себе военное значение этих событий было не столь существенным, как это обычно преподносят. Исследователь приходит к выводу о том, что «в действительности, американское присутствие во Франции было не очень значительным», что еще до 1966 г. «по секретному соглашению Вашингтон мог использовать военные базы во Франции для военных операций только с согласия французской стороны», и «возможность осуществления оперативного командования своими базами у США была сильно ограничена» (с. 13). Вместе с тем, в работе не отрицается, что престижу самого сильного государства в мире был причинен большой ущерб, а политические последствия этого французского демарша существенно превосходили его чисто военное значение.

Возникает вопрос, мог ли Вашингтон предотвратить выход Франции из военной организации НАТО? Нельзя исключать, что такие возможности существовали. Однако труд Осипова, как и другие работы, освещающие эти события, свидетельствует о том, что в США недооценили не только национальные интересы Парижа, но и масштаб личности и возможности французского президента де Голля. Иначе говоря, была допущена элементарная ошибка в оценке ситуации, подобная многим внешнеполитическим промахам, совершенным американцами не только во времена холодной войны, но также в постбиполярную эпоху. Причем цена этих просчетов для многих стран и народов бывает слишком высокой.

Нельзя не отметить, что в случае с Францией Вашингтон со временем постарался сделать все возможное для того, чтобы исправить допущенную в 1960-е гг. ошибку. Автором новых американских подходов к трансатлантическим отношениям стал госсекретарь США Генри Киссинджер, который настоял на изменении тактики в отношении Парижа. В работе показан процесс постепенного вызревания условий для нормализации двусторонних связей. Американцы отказались от попыток вернуть Францию в НАТО и сосредоточились на конкретных прагматических задачах. Тем временем непримиримый генерал де Голль ушел в отставку, а сменивший его на посту президента бывший директор банка Ротшильда Жорж Помпиду начал «отыгрывать назад» (с. 18). Несмотря на то, что в отношениях двух стран сохранялись спорные вопросы, президентство Помпиду отмечено постепенным налаживанием военно-политических и особенно военно-технических связей двух стран.

Как отмечает автор, немалую роль в смене курса Парижа по отношению к Вашингтону сыграл ввод войск ОВД в Чехословакию в 1968 г., «прервавший процесс разрядки международной напряженности и настроивший многих представителей французского общества против СССР, что неизбежно вело к возрастанию сторонников сближения с США» (с. 17). При этом в работе Осипова содержатся интересные сведения о том, что сами США, в этот период уже заинтересованные в разрядке с СССР, стремились минимизировать последствия чехословацких событий для американско-

советского диалога (с. 55). Эти данные полностью противоречат точке зрения, распространенной в странах ЦВЕ после распада СССР, по которой США якобы всегда защищали эти страны от «советской военной угрозы» и поддерживали их стремление к демократическим преобразованиям. Осипов вносит новые краски в наши представления об отношениях между союзниками, показывая также, что грубая и непродуманная советская политика в отношении стран Варшавского договора того периода прямо способствовала преодолению разногласий внутри НАТО и сплочению союзников вокруг тезиса о «советской военной угрозе».

Монография содержит квалифицированный анализ не только франко-натовских и франко-американских связей, но и непосредственно советско-французских отношений того периода. Автор подробно рассказывает о государственном визите генерала де Голля в СССР в июле 1966 г., который стал важнейшим импульсом для советско-французского сотрудничества на долгие годы вперед. В работе подчеркивается, что наработанный за годы холодной войны опыт преодоления искусственных ограничений в экономическом сотрудничестве актуален, в том числе, и для сегодняшнего дня (с. 88).

В работе приведены интересные факты из истории двусторонних торгово-экономических связей. Так, в апреле 1967 г. был подписан протокол, предполагавший кооперацию в разработке научных методов управления предприятиями, включая автоматизированные системы обработки информации и применение компьютеров в макропланировании. Этот проект так и остался на бумаге, но совсем не по вине советской стороны, а вследствие того, что французская промышленность не справилась с большим объемом задач, необходимых для вывода советской информатики на принципиально новый уровень. Французское правительство, связанное ограничениями КОКОМ, не поддержало своих производителей. В результате, как отмечает Осипов, в выигрыше оказались американские и английские производители, с которыми, в конечном счете, Москве все же удалось договориться, а французские компании проиграли битву за этот сегмент советского рынка (с. 86).

Исследуя подготовку Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, автор подробно показывает сложный, многоступенчатый и многосторонний процесс согласования интересов крупнейших международных партнеров. Из монографии становится ясно, что советско-французские переговоры проходили крайне сложно. Франция опасалась установления американо-советского кондоминиума и втягивания своих ядерных сил в процесс разоружения. СССР приложил немало усилий для того, чтобы привлечь Францию к поддержке СБСЕ и преодолеть разногласия прежде, чем проект увидит свет. Исследование Осипова подтверждает, что не только французская, но, в первую очередь, советская дипломатия представляла собой хорошо отлаженную, совершенную машину, предназначенную для решения внешнеполитических задач, стоявших перед государством. К работе на европейском направлении были привлечены выдающиеся советские дипломаты. Опираясь на свой внешнеполитический опыт и незаурядную эрудицию, они приложили немало сил для того, чтобы разрядка, в которой остро нуждалась измученная гонкой вооружений советская экономика, состоялась. С этой точки зрения изучение опыта не только французской, но и советской дипломатии в деле подготовки СБСЕ представляется крайне важным и актуальным.

Нельзя не остановиться на разделе, посвященном франко-китайскому диалогу. Приведенные в монографии факты свидетельствуют о том, насколько сложно и неоднозначно развивались франко-китайские связи, прохо-

дя через спады и подъемы. Несомненный интерес представляет собой реакция других стран на такое сближение, наметившееся после прихода к власти во Франции генерала де Голля. Так, подготовка к установлению дипломатических отношений между Францией и Китаем вызывала жесткую критику со стороны США. Официальные лица подчеркивали, что решение Франции установить отношения «с объявленным врагом США» — «противоположно интересам свободного мира» (с. 95). В отличие от Вашингтона Москва, несмотря на непростой характер советско-китайских отношений в тот период, поддержала решение Пекина. Интересно также, что в начале 1970-х гг., когда советско-китайские отношения обострились, Париж однозначно сделал выбор в пользу Москвы, хотя и придавал связям с Пекином большое значение.

Подводя итоги, подчеркнем, что, исследуя внешнюю политику Франции 60—70-х гг. прошлого века, Осипов сумел проникнуть в самые заветные уголки дипломатической кухни тех лет. Монография возвращает нас во времена начала разрядки напряженности, показывая, как долго и сложно развивался этот процесс. Сохраняя определенную концептуальную преемственность, исследование, вместе с тем, позволяет по-новому оценить многие важные события того времени. Выводы и умозаключения автора представляют собой большой интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется внешней политикой и международными отношениями.

Т.В. ЗВЕРЕВА

Contents

Articles: **P.Y. Citkilov**. Historical-social form of the russian patriarchal family. Historical profiles: **N.V. Alentieva**. Amos Kendall. Historical publicistics: **A.Y. Davidov**. "Union of Labor and Art" — the experience of the construction of social harmony in the late USSR. Contributions: **D.V. Konyshev**. Time of "thaw" 1953—1964 as epoch of palace revolutions; **N.V. Grekov**. Creation of the agency intelligence of task forces in the rear of the enemy. 1941—1944; **P.P. Litvinov**. Establishment of the imperial "okhranka" in Russian Turkestan; **Y.V. Kulikova**. Revolt of Governors on Danube in the middle third century. Diplomacy in history: **A.S. Derbenev**. Formation of US foreign policy in the Arabian region. Debatable issues: **V.I. Bakulin**. Historical concept of B.N. Mironov as a subject of scientific debate; **V.S. Pryadein**. About some discussion of the methodological (scientific) matters of historical research. People. Events. Facts: **S.G. Egorov**. Monetary reform and cancellation of card system in December 1947 in the cities of Kirov region; **B.G. Aliev**, **A.O. Murtazaev**. A.M. Butskovsky about Zaslakskaya Kумыkia; **N.V. Pislegin**. Kumyshka as an object of the policy of the Russian state towards Udmurts in the end of XVIII — beginning XX. Historiography: *Reviews on books*: Word justice in Russia: creation, activity, historical mission: monograph (by E.A. Krestyannikov); *E.A. Osipov*. France and development of the process of detente (1965—1975) (by T.V. Zvereva).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 2, 2017

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.01.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 309-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**